

84(З.Рос.Као)6

667538

X 95

ИСЛАМ ХУБИЕВ

КЪАДАР
СУДЪБА

ИСЛАМ ХУБИЕВ

КЪАДАР
СУДЬБА

(книга художественно-документальных рассказов и научных статей)

Черкесск – 2015

УДК 821.161.1-32 + 94(470.631)(081)
ББК 84(2=411.2)6-44 + 63.3(Рос.Као)
Х98

Хубиев, И.

Къадар=Судьба : (книга худож.-док. рассказов и науч. ст.) / Ислам Хубиев. – Черкесск ; [Пятигорск : ГлавПечать], 2015. – 232 с. : ил.

ISBN 978-5-905940-11-8

Книга художественно-документальных рассказов и научных статей Ислама Хубиева «Къадар» /Судьба/ состоит из двух частей.

В первую часть - «Голос детства» - включены художественно-документальные рассказы, написанные автором по воспоминаниям своего отца - Хызыра Узеировича Хубиева.

Через сложную линию жизни главного героя рассказов - мальчика Хызыра автор стремится передать суть происходивших в 1940-х - 1990-х годах процессов, дух той эпохи, отобразить нелёгкую историческую судьбу своего народа.

Вторая часть - «Долгий путь возвращения на родину» - является логическим продолжением первой части книги и включает в себя научные статьи, написанные и опубликованные ИХ. Хубиевым в стране и за рубежом по итогам десяти лет научных исследований проблем сталинских политических репрессий 30-х - 40-х гг., реабилитации репрессированных народов и казачества, этнополитических и этноконфессиональных процессов, происходивших во второй половине XX века в Карачаево-Черкесии.

В книге впервые используется приём философского, научно-теоретического осмысления описываемых общественных явлений, исторических фактов и человеческих судеб.

Ценность книги заключается и в том, что в ней впервые публикуются материалы, документы из личных архивов и воспоминания ряда общественно-политических деятелей.

© И.Х. Хубиев

ОБ АВТОРЕ

Ислам Хызырович Хубиев родился 28 марта 1976 года в ст. Красногорской Карачаево-Черкесской Республики. Образование высшее юридическое и экономическое. Прошел обучение в Московской школе политических исследований, Школе публичной политики, по программе Open World, на Политических курсах межрегионального уровня партии «Единая Россия» (г. Москва). Является участником ряда российских и международных научных и политических конференций и форумов. В 2008 году стал лауреатом федерального проекта «Кадровый резерв – профессиональная команда страны», после чего решением Генерального совета партии «Единая Россия» назначен региональным координатором этого проекта по Карачаево-Черкесии. По проблеме реабилитации репрессированных народов и казачества и другим темам написал и опубликовал свыше 30 научных статей в различных газетах и научных изданиях как внутри страны, так и за рубежом. С 2013 года является первым заместителем министра Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В жизни мне очень повезло: мой отец, Хызыр Узеирович Хубиев, с раннего детства проводил со мной вместе много времени. Он исподволь, ненавязчиво наставлял меня горскому этикету, правилам жизни, рассказывал старинные карачаевские сказки, легенды, различные истории из жизни народа, нашей семьи, прививал трудовые навыки. Сегодня это назвали бы семейной педагогикой или каким-то другим замудрённым термином. Но отец и представления не имел об этих научных премудростях. В силу ряда жизненных обстоятельств он не получил образования – ни высшего, ни полноценного среднего.

Великая Отечественная война отняла у него обожаемого отца Узеира Бекмырзаевича, простого советского солдата, погибшего 9 февраля 1942 года в бою с немецко-фашистскими захватчиками возле села Резниково Ямского района Сталинской (ныне Донецкой) области.

Сталинско-бериевско-сусловская депортация карачаевского народа в Среднюю Азию и Казахстан 2 ноября 1943 года разом лишила Хызыра родной земли и любимой матери – Гокки Хубиевой (Ижаевой), умершей в 1944 году от горя и несчастий, получив известие о гибели своего мужа Узеира и похороненной в неизвестной могиле на чужбине.

Видимо, по этой причине отец не любил рассказывать о войне, тягостях пребывания в ссылке и нехотя отвечал на мои детские расспросы о дедушке Узеире.

В одиннадцать лет, оставшись круглым сиротой, один на чужбине, с двумя малолетними сестрёнками и братиком на руках Хызыр Хубиев не растерялся, не струсил перед страшными испытаниями судьбы, выпавшими на его долю. Он сохранил свою маленькую семью, спас от голода и холода детишек, дал им образование, а затем помог создать свои семьи и стать на ноги. На себя времени не оставалось. Несмотря на огромную тягу к знаниям, получить системное образование Хызыру не удалось. Его школой стала каждодневная борьба за выживание, за кусок хлеба. А университеты ему заменили колхозные поля и фермы далёкого и чужого ему Казахстана. Вернувшись в 1957 году из ссылки на свою историческую родину – Кавказ, Хызыр пошёл по стопам отца Узеира и навсегда связал судьбу с техникой. Многие годы он работал слесарем-мотористом, чинил моторы грузовых и легковых автомашин, тракторов, был признан одним из лучших мотористов Карачаево-Черкесии. Он неоднократный победитель социалистического соревнования, рационализатор, ветеран труда, имел много различных трудовых наград. Хызыр бережно относился к семье, к нам – своим детям, был открыт душой, и казалось, вся станица считала его своим человеком.

В детстве отец часто брал меня с собой на работу и я целыми днями гулял по территории совхозного автогаража.

В моей памяти остался его большой цех, где на железных столах обычно стояли разобранные или полуразобранные двигатели грузовых машин, а также много

различных ключей и приспособлений, которые использовал в своей работе мой папа. Много различных приспособлений он придумал и смастерил сам.

Я заходил в токарные и механические цеха, общался во дворе с водителями грузовых машин, трактористами, токарями, механиками. Меня сейчас удивляет, что руководство гаража позволяло мне – ребёнку беспрепятственно разгуливать в этих помещениях.

Если какая-то машина становилась на смотровую яму для осмотра или мелкого ремонта, я тут же подходил и начинал помогать мастеру или шофёру, подавал ключи, отвёртки или просто сидел на корточках, поддерживая разговор, а если повезет, то раскрыв рот, слушал бесконечные шофёрские байки.

Работники гаража ко мне привыкли, шутили со мной, интересовались моими проблемами, спрашивали, всё ли у меня хорошо, собираюсь ли я в школу. Бывало, некоторые водители забирали меня с собой в рейсы в горы, в поле или какой-нибудь другой населённый пункт. Мне казалось, что все работники гаража были моими верными друзьями. Гул мотора в кабине Газ-52, Краза, Камаз(а), трактора надолго остался в моей памяти, а вместе с ним и доброе ко мне отношение этих простых и отзывчивых парней – водителей грузовых автомобилей и трактористов.

Когда отец чинил моторы, я стоял рядом, с любопытством наблюдая за тем, что и как он делает, и задавал интересующие меня вопросы. Он показывал разные детали двигателя и объяснял, что это за деталь и для чего она служит. Конечно же, разрешал покрутить гайки трещоткой, – мне это очень нравилось: тогда я казался себе взрослым человеком и опытным мастером.

В летний период у моего отца проходили практику студенты.

Помню, как он говорил им: «Сборка и разборка двигателей начинается с порядка на рабочем столе». У него в цеху и на стеллажах всегда был безупречный порядок. Отец объяснял практикантам принципы работы двигателя внутреннего сгорания, причины поломки и одновременно делился своими рационализаторскими предложениями, демонстрировал работу придуманных им съёмников для двигателя. К слову сказать, этими съёмниками до сих пор пользуются многие мотористы Карачаево-Черкесии.

Когда мы оставались вдвоем, он разбирал или собирал двигатель и рассказывал разные истории из своего детства.

Теперь этими историями я делюсь с тобой, уважаемый читатель. Они легли в основу серии художественно-документальных рассказов «Голос детства», изложенных в первой части книги.

Во вторую часть, которая является логическим продолжением первой части книги, я включил две статьи, написанные на основе моих публикаций в российских и зарубежных научных изданиях.

После завершения работы над этой книгой я долго думал над названием и решил назвать её «Къадар».

Слово «къадар» на карачаевском языке означает судьба, рок, предопределение или предопределение судьбы.

В исламе вера в предопределение – это глубокая убеждённость в том, что всё, что происходит, – происходит по воле Всевышнего Аллаха. Но также следует понимать, что Аллах не лишил человека свободы выбора,

напротив, он дал ему разум для различения добра от зла. Поэтому никто не вправе, совершив плохое действие, оправдываться тем, что всё уже было predetermined Всевышним, так как никто не знает predetermined Аллаха.

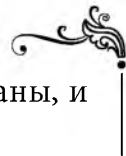
Верующий в predetermined человек относится с пониманием к неудачам, трудностям, веруя, что во всем есть смысл, так как всё дано Аллахом.

Думаю, только лишь благодаря своей искренней вере во Всевышнего Аллаха, в его predetermined, неукоснительному следованию по его пути мой отец Хызыр стойко выдержал ниспосланные ему тяжкие испытания судьбы, изгнание с родной земли, сиротство, голод, холод, незаслуженные оскорбления, унижения и ограничения свободы комендантами НКВД и их прихвостнями и пройдя через все это, сохранил себя и своих младших сестричек и братика от неминуемой смерти в степях Средней Азии.

Он не озлобился и не обиделся на людей и государство, принесших ему столько зла и лишений. Более того, всегда был добр и мягок характером, гостеприимен и любил людей, не деля их по национальностям или иным критериям, он любил свою малую родину – Карт-Джурт и большую страну – Россию. С молоком матери впитал и бережно пронёс по жизни лучшие черты своего народа – трудолюбие, верность дружбе, красоту души, преданность Родине.

Мой отец не был известным политиком, государственным или общественным деятелем, о которых обычно принято писать книги. Он был простой человек из народа со своей сложной и многоликой судьбой. Но разве о простых людях-тружениках, на которых и

ПРЕДИСЛОВИЕ

держится земля, нельзя писать рассказы или романы, и справедливо ли это?

Светлый образ, жизнь и судьба моего отца Хызыра Узеировича Хубиева явились первопричиной обращения к избранной теме и неиссякаемым источником моего вдохновения при написании этой книги.

Автор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(Художественно-документальные рассказы)

ГОЛОС ДЕТСТВА

В нашей семье тема Великой Отечественной войны по умолчанию была табуирована, так как мой отец, Хызыр Узеирович Хубиев, не любил говорить о войне. Он не одобрял, когда я с соседскими мальчиками играл в «войнушки» или ходил смотреть военные фильмы.

Однажды, услышав за окном нашего дома громкие возбужденные голоса, я выскочил на улицу и увидел, что мой отец, человек очень добрый, сдержанный и мягкий по характеру, вне себя от ярости. Он выкрикивал резкие слова какому-то мужчине в галстуке. Я разобрал только одну фразу: «Мой отец тоже воевал и погиб на войне».

Подобное отношение отца к военной тематике для меня, подростка, было непонятным. Почему он так не любит войну, это ведь так интересно, думал я. Тем более он служил в армии, был химиком-разведчиком. Знакомые и близкие отмечали моего папу как патриота своей страны, человека честного, трудолюбивого, ветерана труда, рационализатора – ну, в общем, положительного со всех сторон. Однако его безразличие к войне, даже сказал бы ненависть к ней, меня постоянно удивляло и тревожило.

Заметив, что я стою, сжав кулаки, и готов ринуться на его обидчика, папа успокоился, погладил меня по голове и сказал: «Пошли домой».

Но мне стало любопытно, с кем это он так повздорил, – раньше такого с ним не случалось.

Мы зашли во двор, но я, не успокоившись до конца, выскользнул на улицу и побежал посмотреть, – кто это ругался с моим отцом? Через забор увидел человека, которого встречал неоднократно. Он стоял и жаловался своим товарищам. Как мне показалось, он был сильно испуган и сконфужен. Я решил, что он был какой-то начальник, потому что всё время ходил в галстук и имел важный вид.

Его отец действительно был ветераном Великой Отечественной войны и пользовался уважением среди населения. Помню, как-то с классом мы ходили в поселковую больницу поздравлять ветеранов с Днём Победы, он тоже был среди них. Хороший был дедушка.

Позже я узнал, что на субботнике по случаю Дня Победы гражданин в галстук, изрядно выпив спиртного, стал бахвалиться перед друзьями, что он сын ветерана, что только его отец настоящий ветеран, а все остальные не воевали, просто прятались от вражеских пуль, «...а карачаевцы, когда все воевали на фронтах, прятались в горах и бегали по лесам», – продолжал он рассказывать небылицы своим собутыльникам.

«Вот оно, что задело моего отца?» – подумал я. Никогда до этого вопрос национальности у нас в семье не поднимался, для меня это было открытием, что я карачаевец, да ещё и национальность моя какая-то не очень хорошая, – думал я.

Представил картину бегающих в лесу карачаевцев, среди них и своего дедушку, про которого, кстати, я ничего не знал. Никто о нём мне ничего не рассказывал,

а на мои расспросы отец говорил: «Мой папа на войне погиб». И на этом диалог по данной теме прекращался.

После того инцидента у меня, мальчишки-пятиклассника, возникло ещё больше вопросов. Где же мой дед? Почему он не вернулся с войны домой? Что бы это все значило?

Когда я вернулся во двор, отец сидел под навесом и как будто ничего не произошло, спокойно что-то чинил. Я подошёл к нему, молча стал рядом. Он вопросительно посмотрел на меня. Как бы советуясь со мной, спросил: «Интересно, как же эта вещь изначально собиралась?» Сам же ответил: «Видимо, эту деталь отливали».

– Атам, вы с дядей подрались? – спросил я, глубоко переживая увиденное.

– Нет, не подрались. С чего ты взял? Всё хорошо, – ответил он мне, – только когда человек пьёт водку, он становится дураком. Вот и всё. Не обращай внимания: отрезвеет и всё поймет.

Видя, что он не хочет говорить о произошедшем инциденте, я не стал его больше расспрашивать.

Прошли годы, а тот случай навсегда остался у меня в памяти.

Как-то беседуя с отцом, я его попросил, чтобы он рассказал мне про моего дедушку.

– Ну, если это тебе интересно, то я расскажу, – сказал он и начал свой рассказ.

– Я родился в старинном карачаевском ауле Карт-Джурт, это моя родина. Наш род Хубиевых, один из древних карачаевских родов, испокон веков проживал в этом ауле. До сих пор у нас там есть родственники.

– После возвращения в 1957 году из Казахстана, куда мы были сосланы в 1943 году, на свою родину – Кавказ я не вернулся на жительство в Карт-Джурт, хотя очень хотелось. Если бы дом отца был целым, я обязательно вернулся бы туда, чего бы это мне ни стоило. Но отчий дом после нашего выселения в Среднюю Азию был разграблен, потом сожжен, так же как и дома многих других зажиточных аульчан.

Карт-Джурт – старая родина, колыбель карачаевского народа, воспетая в песнях, легендах, и здесь много памятных для народа мест, имеющих большое значение для познания многовековой и самобытной культуры и истории карачаевского народа. Отсюда вышли многие выдающиеся и яркие представители нашего народа, такие как поэт, художник и просветитель, энтузиаст народного просвещения Карачая Ислам Пачаевич Крымшамхалов, участник Первой мировой войны, кавалер ордена Святого Георгия Магомед-Гери Азамат-Гериевич Крымшамхалов, революционер, ученый и педагог, соратник Ленина Умар Джашуович Алиев, видный советский военачальник, генерал-полковник бронетанковых войск, известный военный дипломат Солтан Кёккёзович Магометов и многие другие.

Здесь, в местечке Аман Ныхыт, 20 октября 1828 года состоялась последняя битва карачаевского ополчения и русских войск под командованием царского генерала Эммануэля, а затем и подписание мирного договора между Карачаем и Россией. В обращении к царским властям оли (предводитель. – Авт.) Карачая Ислам Крымшамхалов заявлял, что во избежание полного истребления своего народа мы отдаёмся на милость победителю...

Со своей стороны генерал Эммануэль в рапорте царю Николаю I о результатах сражения писал: «Термопилы Северного Кавказа взяты нашими войсками, и оплот Карачаева, у подошвы Эльбруса, для всех горских народов, враждебных против России, помощью Божьей и храбростью войск, под личным моим предводительством, разрушен».

21 октября карачаевская депутация во главе с олим Исламом Крымшамхаловым и кадием Карачая Магомедом Хубиевым подписала с приблизившимися к аулу Карт-Джурт войсками Эммануэля «Прощение от карачаевских владельцев нижеподписавшихся и черного народа» – документ, согласно которому Карачай входил в состав Российской империи¹.

Карт-Джурт и карачаевский народ, верные своим лучшим национальным традициям, ни разу не нарушили заключенный с Россией мирный договор и слово, данное русскому царю. По первому зову они становились в ряды защитников Отечества, целыми семьями уходили на фронт, защищать свою страну.

У Хубиевых тоже есть свои памятные места в а. Карт-Джурт. Там находится родовое кладбище Хубиевых, где похоронены наши прадеды.

¹ <https://ru.wikipedia.org>

Отец достал из кармана блокнотик, в котором были записаны имена всех его дедов и прадедов, и начал читать: «Моего отца звали Узеир, деда звали Бекмырза, – и так он перечислял до восьми прадедов и завершил Амырханом, – так звали нашего родоначальника», – сказал он.

Когда мне было семь-восемь лет, – продолжал папа, – началась Великая Отечественная война, начали всех мужчин призывать в армию. Среди первых ушли на фронт мои дяди: Локман, Зулкарнай, Юнус, Ильяс, Харшим. У моего отца было пять братьев и три сестры. Только моего отца Узеира не призывали в армию: на нём было много обязательств. Он работал на Учкуланском ГЭС и обеспечивал электричеством население трех аулов – Карт-Джурт, Хурзук, Учкулан. Он был технически образованным человеком, очень надёжным и ответственным работником.

А ещё мой отец всегда был душой любой компании, – продолжал папа, – без его присутствия не обходилась ни одна свадьба или культурно-массовое мероприятие в этих трех аулах.

Я был ещё малышом, но уже понимал, что война это плохо, она забирала и пожирала людей. С фронта постоянно приходили похоронки, женщины, потерявшие сыновей и мужей, плакали навзрыд, ходили в траурных одеждах и с поникшей головой. Всех нас, детей, охватила внутренняя тревога, неизвестность, страх перед войной.

«Мой отец не на войне, значит, он живой», – рассуждал я про себя, и это меня радовало, хотя видел его очень редко. Помимо своей основной работы он готовил строевых лошадей для фронта. У него был собственный кош, много своей скотины, и за ними требовался постоян-

ный уход. Свой кош и скотину он держал далеко в горах, вдали от чужих глаз, тайком.

Но счастье моё продлилось недолго, счастья никогда не бывает много, – горестно произнес папа.

В декабре 1941 года моего отца Узеира Бекмырзаевича призвали на фронт.

Я был старшим ребёнком в нашей семье и любимчиком всех родственников и соседей. У меня были две младшие сестры и один младший брат, которые постоянно находились под присмотром мамы.

Я считал себя самостоятельным, взрослым, ведь я был старшим сыном в семье. Можно сказать, что я был даже немного разбалованным ребёнком. Мог себе позволить ходить по гостям, поехать к бабушке в аул Учкулан к Чотчаевым. Обычно возвращался домой с по-

Хызыр Хубиев, а. Карт-Джурт, 1942 г.

дарками и угощал своих друзей. Мои младшие очень любили меня и всегда ждали с угощениями.

Кто же мог подумать, что совсем скоро для них я буду и отец и мать.

Помню как сейчас тот день, когда пришел домой, а моя мама в растерянности стояла и читала повестку о призыве на фронт моего отца. То, что это была повестка, я узнал позже (здесь папа прослезился. – *Авт.*).

Теперь её надо было доставить моему отцу. Он был на кошу, как раз отбирал лучших своих лошадей для Красной Армии. Кош находился далеко в горах, добраться до него часов пять верхом на лошади, по безлюдному горному лесу. День клонился к вечеру, на улице было по зимнему холодно.

Мама достала мою рубашку, положила в карман аккуратно, вдвое сложенную повестку и наскоро зашила карман. Наверное, боялась, что я могу её потерять. Затем собрала в мешок какие-то вещи, положила соль, продукты и волнуясь сказала: «Да, сынок, ты теперь у нас самый главный мужчина».

– В доме? – спросил я.

– «Во всём нашем ауле, так как кроме тебя некому отвезти эту важную бумагу твоему отцу, – прошептала она.

Я был горд тем, что я главный мужчина, что я везу очень важную бумагу отцу. Раздался плач моей младшей сестрички Мариям, ей было всего около годика. Я быстро побежал к ней в комнату. Когда она меня увидела, сразу же успокоилась, заулыбалась. За мной прибежал младший братик Хусей, он очень любил её и мог с ней играть целыми днями, ему было чуть больше четырёх лет. В сторонке стояла ещё одна моя младшая сестра

Муслимат. У нас с ней разница в возрасте всего полтора года. Она смотрела то на меня, то на маму, и казалось, что она понимает происходящее больше всех нас. Но Муслимат молчала, тяжело сопела и ничего не говорила. Она была очень красивая девочка, с ярко - синими большими глазами, светлыми шелковистыми волосами и белоснежной кожей. Все в доме были очень встревожены и даже напуганы.

Один я – радостный, потому что как взрослый поеду к отцу. Вот он обрадуется, думал я. Я давно мечтал и мысленно представлял, как я однажды поеду на кош сам, без взрослых.

Я быстро привел себя в порядок, оделся и пошёл в сторону сарая. Мама с мешком вышла за мной. Подошли ещё три женщины, соседки или снохи, уже не помню. Пожелали мне благополучной дороги, быть настоящим мужчиной и побыстрее вернуться домой.

Одна из женщин молча стояла и вытирала краешком платка слёзы. Вот как меня провожают, думал я. Подсадили меня на старую кобылу, которая и сама могла без всадника найти дорогу до отцовского коша. Сколько лет она ходила по этой дороге туда - обратно, один Бог знает. Я поехал.

Еду, аж петь хочется, на улице снег, мороз, но мне тепло, я одет, сыт. Ребята, мои друзья, бегут за мной, я хвастаюсь перед ними, что сам еду к отцу, без сопровождающих и везу ему важную бумагу.

Вскоре аул остался позади. Никого нет. Еду верхом, даже управлять не надо, лошадь сама знает, куда ехать. Свернули в сторону леса, а там ни тропы, ни дороги не видно, но лошадь идёт себе степенным шагом. Через какое-то время я вдруг почувствовал, что лошадь не хо-

чет дальше идти. Видимо, чего то испугалась: то ли крик шакалов, то ли вой волков её напугал. Тогда я начал её погонять. Стало и самому как-то страшно, а она ни на шаг вперед. Встала как вкопанная и стоит. Посмотрел вокруг – ничего, кроме деревьев, нет. Метрах в десяти увидел большой камень. Думаю, слезу с лошади на него, попробую потянуть за уздцы, а потом дальше опять как-нибудь залезу на седло. Но не тут-то было: лошадь стала кружиться вокруг камня, а близко подъехать не получается. Так потерял много времени. Когда стемнело, и вовсе не захотела двигаться. Я испугался ещё больше. Начал её хлестать плёткой, а она фыркает, ходит вокруг камня и снова останавливается.

Это продолжалось довольно долго, я устал, очень сильно замёрз и понял своё бессилие. Начал плакать, но лошадь не шла. Я сидел в седле и продолжал мёрзнуть. Тут мне захотелось по своей маленькой нужде, но я замёрз до такой степени, что и пошевелиться было больно. Чувствовал себя куском льда. Терпел-терпел, но потом не удержался. Мне стало тепло от мочи, которая растеклась по моим ногам и я уснул.

С этого момента всё, что происходило со мной, помню только эпизодами.

Помню голос отца, который находился довольно-таки далеко от меня. Он издали разглядел лошадь и сказал своему напарнику: «Смотри, там то ли всадник, то ли лошадь сама пришла?» В горах эхо чётко доносит даже тихий звук. Всё было отчётливо слышно.

Потом отец снял меня с лошади и говорит: «Так он же уже всё. Перемёрз». Быстро несёт меня на руках к куче овечьего помёта, укладывает возле неё и торопливо выкапывает в этой куче помёта яму. Я видел, как из

этой ямы повалил тёплый пар. Меня закопали в навозе в надежде, что я выживу.

Наконец, последний эпизод. Я его запомнил до вкуса и запаха. Это был момент прощания с отцом. Но тогда я ещё не знал, что это прощание будет навсегда.

Я лежал на топчане в кошу. Был приятный запах костра и хлеба. На мне был тёплый шерстяной свитер, который пахнул моим отцом, большие, не по размеру, тёплые ватные штаны и шерстяные носки.

Всё как во сне. Отец подает мне кусок испечённой на углях лепёшки и тёплый вкусный айран с сахаром. Говорит: «Ешь, сынок», обнимает меня и целует мою голову. Это был первый случай в жизни, когда он меня обнял и поцеловал.

Отец был очень строгий, сдержанный и никогда не сюсюкался со мной, как это и принято у горцев. Хотя меня очень любил.

Прервав свой рассказ, папа спросил: «Ислам, вот видишь шрам на руке?» И показал левую руку. На ней действительно был большой шрам.

– Это я отцовской опасной бритвой поранился. Это память о моём отце Узеире.

А было это так. Как-то в очередной раз я мастерил уздечку для своей лошади. Резал толстую кожу для неё. И вдруг зашёл отец. Я испугался, что взял его бритву без спроса и хулиганю, отвлёкся, но продолжал резать и нечаянно порезал руку. Так глубоко порезал, что с трудом кровь остановили. Но он меня даже не поругал. Такие случаи бывали часто. Он мне все прощал: видимо, очень любил.

– Придя немного в себя и отогревшись, – продолжил свой рассказ папа, – я сел поудобнее, жую хлеб, запиваю айраном, а у самого ком в горле стоит. Не могу слово вы-

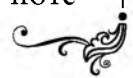

говорить, очень переживаю из-за того, что не получилось приехать вовремя. Чувствую за собой вину. Хотя, с другой стороны, рад был тому, что отец меня обнимал и даже похвалил.

Обычно, по правилам коша, когда кто-то приходит в гости, его не спрашивают, зачем он пришёл, – кормят, поят, дают возможность отдохнуть. Если он сам расскажет, то расскажет, не расскажет – его не спросят ни о чём.

В моем случае было не до этикета, не стали дожидаться, когда я сам начну рассказывать. Отец меня сразу же спросил, всё ли хорошо дома, почему мать отправила меня одного в такую даль.

Тогда я вспомнил о главной причине моего приезда. Но говорить всё ещё не получалось. Я, в полушоковом состоянии от пережитого, был зажат и не мог выдавить из себя ни единого слова. Показал пальцем на грудной карман, что-то пробормотал. Отец быстро сообразил, в чём дело, и выскочил на крыльцо. Туда, где он бросил мою грязную, мокрую одежду и достал из кармана сильно обмякшую, трудно читаемую повестку. Аккуратно разглаживая её и пытаюсь прочитать, что там было написано, зашёл обратно в кош. Обращаясь к старику – своему напарнику, сидевшему на топчане, отец с сожалением сказал: «Мне ещё рано утром надо было быть в Микоян-Шахаре. Ну ладно, я поскакал». Затем быстро оделся, крепко меня обнял, снова поцеловал мою голову, и за ним закрылась дверь. Тогда я и подумать не мог, что больше никогда не увижу своего отца. Но самое страшное ожидало нас впереди, – сказал папа и заплакал. Это и депортация карачаевского народа 2 ноября 1943 года, которая тоже не прошла мимо нашей семьи, и поте-

ря нашей мамы, которая умерла от горя на чужбине в Средней Азии вскоре после того, как получила письмо с фронта о том, что мой отец пропал без вести. Это и наше голодное, сиротское детство и беспризорничество – на что обрекла нас – четырёх безвинных детишек – меня, братика и двух сестричек подлая война и не менее подлая политика сталинского режима, подвергнувшего жестокой и необоснованной депортации наш безвинный народ. Наши отцы воевали на фронте против Гитлера, а нас, детей, женщин и стариков, отправили в ссылку в неведомые края. Наверное, наши красивые горы и природа кому-то очень понравились – вот их и очистили для себя.

Вначале наша мама и мы – малолетние дети находились в ссылке в совхозе «Пахта-Арал» Южно-Казахстанской области.

Эта самая гиблая, безлюдная и безводная местность называлась Голодная степь. Зимы здесь были суровые, вьюжные, с лютыми морозами. А летом зной, нестерпимая жара и ни одного деревца или кустика, чтобы укрыться от пекла, – только песчаная степь без конца и края. В первые два года ссылки в этой огромной местности вымерли 70 процентов родившихся карачаевских детей. Вымирали целыми семьями женщины, старики, дети. Хоронить их было некому, наши мужчины находились на войне, а позже их стали снимать с фронта и отправлять в трудовую армию – на лесоповал и другие тяжёлые работы.

Когда умерла моя мама, некому было её похоронить. Мне было около одиннадцати лет, а сестрёнкам и братику ещё меньше. Рядом с нами не было ни родственников, ни знакомых. По соседству жила одна казахская семья, старик и старушка. Они мне помогли. Казах, старик без-

ногий, инвалид, без помощи посторонних не мог передвигаться. Помню, как мы с ним вдвоём на старой кошме волоком дотащили тело моей умершей мамы до места захоронения, а потом он, лежа на животе, помогал мне копать могилу.

Мама была уверена, что наш папа нигде не пропал, а погиб на фронте. Видимо, чувствовала сердцем, поэтому, получив извещение, очень горевала, сразу слегла в постель. Так и не оправившись от горя и навалившихся бедствий, ушла, ещё молодая и красивая в мир иной, оставив нас, бедных сирот, одних на этой земле.

После смерти мамы я остался круглым сиротой с тремя малолетними детьми на руках, без средств к существованию. Наш отец Узеир Бекмырзаевич считался пропавшим без вести, а не погибшим на фронте, поэтому нам не выдавали положенное по закону ежемесячное денежное содержание и никакой помощи как детям погибшего фронтовика не оказывали.

После похорон мамы, чуть живой от горя, холода и голода, вернулся домой, хотя назвать домом это помещение было трудно. Мы жили в землянке – яме, накрытой камышом, но у многих ссыльных и такого жилья не было.

Мои младшие сестрёнки и братик стояли заплаканные и, как голодные птенцы, испуганно прижавшись друг к другу, смотрели на меня в надежде, что я принёс им поесть, а я сам чуть живой стою. Посмотрел на них, на душе стало ещё больнее и горше, и я, давясь слезами, пошёл обратно на улицу. За мной выбежала старшая из сестёр Муслимат: «Если хоть что-нибудь принесёшь съедобное, то я приготовлю такую вкуснятину, пальчики оближешь.» Я ответил: «Иди домой, а я принесу вам рис и мы приготовим плов.»

Вернулся к соседу-казаху, он насыпал мне в карман несколько жменей риса, дал кусок твёрдого хлеба и на казахском языке сказал что-то. Я поблагодарил его и побежал домой. Бегу и думаю, не надо было отказываться, когда этот старик предлагал продукты. Стыдно было брать, теперь не до стыда, когда есть хочется, а ничего съестного нет. Но наша природная стыдливость и гордость часто брала верх над голодом и не позволяла попрошайничать. Даже в самые голодные годы я не слышал, чтобы карачаевские женщины просили подаяние или наши дети попрошайничали.

Так вот, зашёл в дом, смотрю, мои младшие сидят, ждут меня. Только что приходила соседка, немка по национальности, тоже из репрессированных, принесла кружку козьего молока и что-то печёное. Дети очень сильно хотели есть, но без меня даже не попробовали угощения.

Я решил приготовить им вкусное блюдо, сварить рис в молоке. Видимо, рис хорошо не сварился, а потом в животе разбух, нам всем стало очень плохо. Как в тот день мы все не умерли, не знаю. Слава Всевышнему Аллаху, что смилостивился над нами – осиротевшими детьми.

У нас не было ни посуды, ни одежды, ни продуктов. Ведь нас с мамой арестовали прямо на дороге, по пути к маминому отцу - нашему деду, и отправили в далёкую ссылку. Что было в бричке и одето на нас, то и взяли с собой в дорогу. В вагоне, куда нас спешно погрузили, люди попались незнакомые, им было не до наших проблем. У всех свои беды, никто не мог помочь другому. Старики, женщины, дети – повсюду плач, стоны и причитания. В битком набитых телячьих вагонах духота, теснота, холод и антисанитария. Все это запечатлилось в моей детской памяти на всю жизнь.

Трудно было себе представить, что я тот самый обеспеченный мальчик, который совсем недавно угощал своих аульских друзей сладостями, сахаром, медом, имел свою лошадь. Я, которому завидовали соседские ребята, теперь хожу голодным, холодным, в рваной одежде в поисках куска хлеба для своих малолетних сестричек и братика.

В ссылке я часто вспоминал, как мы собирались поехать к деду в другой аул, а моя мама все наши ценные вещи – серебряные и золотые изделия – сложила в ящик и подняла его на чердак нашего дома. Ведь мы не знали, что завтра по дороге нас – жену и детей фронтовика – от имени государства арестуют и отправят в Среднюю Азию на погибель. Вот бы мне сейчас эти наши богатства, я бы мог их обменять на хлеб, одежду, – думал тогда я в одиночестве, осиротевший, обедневший и поневоле повзрослевший мальчишка, мучаясь от голода и холода в своей яме-землянке под камышовой крышей.

Род Хубиевых всегда был зажиточным, помогал и другим людям. Мои деды имели свои табуны, у них было много скота, земель. А нас внезапно на рассвете выгнали из родного дома, разорили, сделали бесправными изгоями, оклеветали и лишили Родины.

Теперь мы ничего не имеем. А наш безвинный народ, славные сыны и дочери которого героически воюют на фронте, как перекасти поле скитаются по бескрайним степям Средней Азии. Как так получилось, кому мешал наш маленький трудолюбивый и гордый народ? Для меня это было не понятно.

Кто эти люди, которые с нами так бесчестно и жестоко поступили, оклеветали наше доброе имя, лишили нас родной земли и отчего дома?

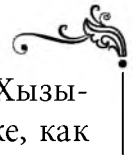
Думал я об этом все время и не находил ответа. Этот далекий голос детства и сегодня не дает мне покоя, – завершил свой печальный рассказ мой отец Хызыр Узеирович Хубиев. Затем, помолчав, он продолжил, обращаясь ко мне:

– Ислам, я рассказал тебе грустную и драматичную историю нашей семьи, то, о чём раньше молчал и скрывал от тебя, несмотря на твои расспросы. Теперь ты уже большой мальчик, должен знать и чтить историю нашего древнего рода и передавать её из поколения в поколение. Тебе надо знать и помнить о лишениях и испытаниях, выпавших на долю нашего народа и нашей семьи во время Великой Отечественной войны, особенно в годы незаконной депортации карачаевцев в Среднюю Азию и Казахстан.

Только благодаря людской доброте, поддержке наших соседей – казахов, ссыльных русских, немцев и других я – маленький мальчишка, две мои сестрички и братик, разом лишившиеся отца и матери, выжили в тех страшных условиях и вернулись после реабилитации на свою родину – Кавказ.

Сынок, ты часто спрашивал, где твой дед, что с ним случилось...

Ты можешь гордиться своим дедом – Узеиром Бекмырзаевичем Хубиевым. Он, как всякий достойный мужчина, ушёл в декабре 1941 года на фронт защищать свою Родину, свою родную землю, свою семью, нас – своих малолетних детей. Я уверен, что он воевал мужественно, честно и погиб в бою, как храбрый воин. Поступить иначе он не мог, такой он был человек – твой дед Узеир. Станешь взрослым обязательно найди его могилу и соверши обряд дуа, чтобы душа его упокоилась. Это твой долг.

P.S. 4 декабря 2009 года не стало моего отца Хызыра Узеировича Хубиева. Он ушёл из жизни так же, как и жил: тихо и спокойно, без надрыва и помпы, оставив после себя доброе имя и глубокий жизненный след.

Мы отыскиали могилу своего деда. Узеир Бекмырзаевич Хубиев служил в 197-м стрелковом полку 99-й стрелковой дивизии. Пал смертью храбрых в бою 9 февраля 1942 года. Похоронен в братской могиле в селе Резниково Ямского района Сталинской (ныне Донецкой) области.

Затаив дыхание, я слушал нескончаемые рассказы-воспоминания моего отца Хызыра о его детстве, об отчаянно трудных годах, проведённых в насильственной депортации в Казахстане. О людской доброте и чёрствости, о правде жизни и лжи. О силе духа человека, в данном случае мальчика Хызыра, моего будущего отца, которая позволяла ему выжить, выстоять в невероятных условиях. Не потерять дух свободолюбия, веру в людей, в правду и справедливость, какие бы трудные испытания ни, уготовила ему судьба.

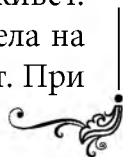
МИЛОВИДНАЯ РАЗЛУЧНИЦА

– Тот день помню как в страшном сне, который длится нескончаемо, – говорит отец. – Я чуть было не лишился разом своего братика и сестрёнки.

Дело было так. После смерти матери мы остались совсем одни. Осиротевших детей – а их в те годы было очень много – направляли в детские дома или забирали родственники. Немало было и беспризорных детей. Они сбивались в небольшие группы, обитали в заброшенных подвалах и чердаках, нередко занимались мелким воровским промыслом на вокзалах и рынках, попадали под влияние преступных элементов. Поэтому органы НКВД и опеки очень серьёзно занимались детьми-сиротами, чтобы они не остались без присмотра.

Было обычное весеннее утро, ласково светило солнце, слышалось нежное щебетание птичек. Мы выползли из своей землянки на улицу, чтобы согреться. Ничто не предвещало беды.

Вдруг, откуда ни возьмись, появилась старая грузовая машина и остановилась возле нашего дома-землянки. Из неё вышла миловидная, доброго вида женщина, улыбочиво поздоровалась с нами и начала что-то говорить на русском языке. Я подошел к ней ближе, пытаюсь выяснить, в чём дело. Она улыбнулась, погладила мою голову и стала расспрашивать, кто с нами живет. Не получив от нас вразумительного ответа, присела на корточки и стала записывать наши имена, возраст. При

этом она продолжала что-то говорить, но мы плохо знали русский язык и с трудом понимали её речь. Из сказанного было ясно одно, что Хусея и Мариям она заберёт с собой в детский дом, а меня и Муслимат отвезут на попечение к нашей тёте. Мариям, предчувствуя неладное, начала громко плакать. Женщина взяла её на руки, поцеловала, опять что-то сказала, затем взяла за руку Хусея и направилась на улицу. Там стояла машина «полупортка», в кузове которой находились дети разного возраста. Такие же, как мы бедолаги, оставшиеся без родителей, оборванные и голодные. Когда я увидел этих детей, мне невольно стало очень страшно, на глаза навернулись слезы отчаяния и я начал мелко-мелко дрожать. Так я обычно дрожал при малярии, которая меня иногда мучила. Как ни старался – я не мог унять эту предательскую дрожь, давящие меня откуда-то изнутри рыдания, слезы горечи, отчаяния, осознания фатальной несправедливости и своей беспомощности перед неумолимой судьбой, ниспославшей нам – малолетним сиротам такие недетские испытания. Но всё же была надежда на то, что эти люди пожалеют нас и оставят в покое. Я неустанно просил прибывшую на грузовике женщину: «Сиз алыб кет-сегиз, къайдан табарыкъма?» («Если вы увезёте, где я их найду?» – Авт.) «Аллах бла тилейме къойугъуз мен къарарыкъма, джукъ керекли этмем» («Ради Аллаха оставьте их я за ними буду смотреть, они не будут ни в чём нуждаться» - Авт.). Но эти слова и мои мольбы никак не могли её убедить. Теперь-то я понимаю, что оценив наше безысходное положение, она не могла оставить нас – детей одних умирать от голода и холода и приняла безжалостное решение – разделить нашу маленькую семью, оторвать у меня моего малолетнего братика и сестричку.

Вначале передала в кузов Мариям, а затем Хусея. Девочка постарше, сидевшая в кузове, усадила Мариям ближе к кабине вперед, а Хусей остался сидеть возле заднего борта кузова. Шофёр, покрутив рукоятку, завёл машину, убрал кривую железку в кабину, помахал мне рукой, и они медленно, как бы нехотя, поехали по ухабистой сельской дороге.

Я стоял оцепенев, не веря в реальность происходящего и остоленело смотрел вслед уезжающей машине. В эти мгновения мне казалось, что весь мир перевернулся и ополчился против меня. Сердце разрывалось на части от горя, бессилия и стыда. Я не мог вот так просто, как ненужную вещь, взять и отдать своего единокровного братика и сестричку чужим людям в чужом краю и, возможно, потерять их навсегда. «И что ты скажешь своей маме, когда вы встретитесь с ней на том свете?» – сверлила мозг безжалостная мысль.

Обернувшись назад, увидел Муслимат, которая сидела на корточках и, уткнувшись лицом в колени, плакала. Я мгновенно пришёл в себя и сказал ей: «Чего бы это не стоило, я всё равно наших младших верну домой» – и побежал за машиной. Бегу следом за «полуторкой» задыхаясь, а из кузова Хусей смотрит и плачет. На моё счастье машина двигалась медленно, глубоко утопая колесами в мягком песке. Доехав до первого подъёма, она сбавила скорость и я догнал её и стянул Хусея на землю. Он упал на колею, а я лёг на него сверху, пытаюсь скрыть его своим телом. Как только машина удалилась, я сказал Хусею, чтобы он спрятался в камышах, а сам отдышался и побежал за ней, чтобы снять с кузова Мариям. Не знаю – то ли сидящие в кабине действительно не заметили того, что происходит, то ли просто сжалились

и позволили мне это сделать, один Аллах знает. Но мне удалось вернуть домой своего братика и сестрёнку. Нашему счастью в тот день не было предела.

Вечером того же дня к нам приехали на арбе юноша и женщина, по-моему, они были родственниками мужа моей тёти Супият – сестры мамы. Они быстро загрузили наше барахло на арбу, и мы куда-то поехали. Женщина удивленно спросила: «Сиз къалай джашагъансыз бу кюнге деричи?» («Как вы выжили до сегодняшнего дня?» – *Авт.*)

Она и юноша говорили на карачаевском языке, поэтому мы доверяли им, не боялись и согласились поехать с ними. Чувствуя себя защищенными, мы успокоились после всего пережитого за день и заснули. На счастье дорога благоприятствовала, нам не встретились ни комендантские патрули, ни какие – либо путники. Ночь была тёмная, но наш молодой возница ехал уверенно, аккуратно объезжая людные места. Видимо, не первый раз выполнял такую тайную миссию.

«Спецпоселенцы», как именовались представители депортированных народов, лишались многих гражданских прав. Так, право на свободное передвижение было строго ограничено комендантским режимом, который под страхом каторги запрещал переезжать из одного населенного пункта в другой или же навещать родственников без специальных пропусков.

26 ноября 1948 года принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Этот документ прямо определил, что «переселение в отдаленные районы Советского Союза чеченцев, карачаевцев,

ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и других произведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства».

Данная политика этнической сегрегации одновременно сопрягалась с практикой умышленного расселения депортируемых народов на обширном пространстве Центральной Азии. Например, карачаевцев расселили небольшими группами более чем в 480 населенных пунктах на огромной территории, входившей в состав разных союзных республик. Цель сталинского режима здесь очевидна – ассимиляция депортированных народов, то есть уничтожение как этносов. Ближайший аналог этому преступлению – действия нацистского режима Германии в те же самые годы.

Под утро мы доехали до дома нашей тёти Супият. По приезде она нас накормила и уложила спать. Людей, которые нас привезли, мы больше никогда не видели: передав нас тётё Супият, они тут же уехали в неизвестном направлении. Мы им в душе всегда благодарны, дай Аллах им здоровья и благополучия.

Тётя Супият жила в одном из отделений огромного совхоза «Пахта-Арал» Южно-Казахстанской области. Эта безлюдная местность отличалась крайне суровым, непривычным для карачаевцев климатом. Хлопководство здесь считалось стратегической отраслью. Люди трудились в основном на посевах хлопчатника. У тётё было очень слабое здоровье, работать физически ей давалось крайне тяжело. Несмотря на это она была в поле днём и ночью. Тётя Супият воспитывала двух маленьких дочерей. Её муж, как и наш отец, находился на фронте. Рассчитывать ей так же, как и нам, на чью-то помощь не приходилось.

Меня радовало то, что мы живём все вместе. Мы с Муслимат ходим в школу. Детей в детский дом больше забирать никто не будет.

Я очень любил школу. Мечтал стать образованным человеком, как мой отец и дядя Харшим, который работал учителем в школе а. Карт-Джурт еще до войны. Много интересного слышал о публицисте и писателе Исламе (Къарачайлы) Хубиеве, его отце Абдул-Кериме, у которого была самая большая библиотека во всём Карачае. Хотел быть похожим на таких известных людей из нашего рода.

До того как нас отправили в ссылку в Казахстан, в Карт-Джурте я успел несколько месяцев походить в подготовительный класс. Поэтому для меня было не ново сидеть за партой. Хотя в Казахстане школа отличалась от школы на моей родине – Кавказе. Мои одноклассники были младше меня возрастом, но несмотря на это они, в отличие от меня, уже умели читать и писать. Знания мы получали на казахском языке. Учитель часто хвалил меня за мое стремление к учёбе, ставил в пример другим. Меня считали отзывчивым и шустрым учеником.

Школа была маленькая, всего несколько кабинетов и четыре класса. Книг было очень мало, бумаги для письма не хватало, писали на полях газет или на картонках. По окончании начальной школы тех, у кого была возможность, направляли в районный центр для продолжения учебы в средней школе. Несмотря на то, что я был старательным и прилежным учеником, к сожалению, образование я получил только начальное – четыре класса. Мне надо было работать, чтобы кормить, обувать, одевать и обучать своих младших, готовить их к взрослой жизни, выдавать замуж, женить, обустроить их семьи. На

себя времени не оставалось. Поэтому моя мечта об учебе осталась несбыточной. Но я не жалею об этом. Ведь я как старший сын выполнил свою главную миссию – спас своих сестрёнок и братика от голодной смерти и беспризорничества в годы депортации, вернул их живыми и здоровыми на нашу родину и помог им твёрдо стать на ноги во взрослой жизни. Хочу надеяться, что мой отец и мать, да упокоятся их души в раю, довольны мной и поминают меня на том свете добрым словом.

Тётя Супият старалась помогать всем, чем могла, не отделяла нас от своих детей. Мы все вместе жили в двух комнатныхшках. Мы её тоже любили, она нам напоминала маму, была даже чем-то похожа на неё. Я старался всячески ей помогать. Носил домой все съедобное, что находил на улице. После школы вместе со старшими ребятами ходил в поле, старался работать. Однажды, когда совсем не было еды, я залез в один из огородов и выкопал семенную картошку, которой накормил своих младших. Приходилось без спросу доить чужих барашек, чтобы хоть изредка напоить детей молоком. Мы собирали и ели различные коренья, травы, в основном это была лебеда, все, что можно было разжевать и проглотить. Особенно нравилось есть жмых хлопчатника, он считался деликатесом, его пускали под пресс и делали в форме круга. Был случай, когда одна семья нашла голову лошади, которая пролежала несколько месяцев, сварили её и съели. Конечно же, были и последствия такого питания: пухли животы, была сплошная дизентерия, умирало много детей. Хуже голода, наверное, нет ничего на свете. Он толкает человека, особенно слабовольного, на плохие, даже позорные поступки.

Помню, когда мама лежала больная в постели, я в очередной раз пошел в поисках еды, залез в помещение

склада фермы и взял кусочек сыра. Вылез через крышу, чуть не попался в руки сторожа. Мама меня долго спрашивала, откуда я взял сыр. Чтобы её не расстраивать, помню, слукавил ей, сказав, что меня угостили. После того случая никогда в жизни не брал ничего чужого, без спроса, как бы тяжело ни приходилось. Жутко всё это вспоминать. Как мы выжили? Ни дай Бог. Голод – как это страшно. Не зря говорят: «Голодному всё хлеб на уме».

Для нас, горцев, не привыкших к среднеазиатскому степному климату, было очень тяжело в Казахстане. Летом там было очень жарко, зимой очень холодно и ветрено. Вода не пригодна для питья. Еды, жилья, медикаментов нет или очень мало. Но выбора у нас не было. Как не было и каких-либо человеческих прав и свобод, кроме права на изнурительный рабский труд на хлопчатниках и свекловичных полях под неусыпным надзором спецкомендатур. Из нас старательно вытравили нашу историческую память, наш родной язык, культуру, нашу этничность. Местные жители, тщательно обработанные и обманутые пропагандистами-энкавэдэшниками, на первых порах встречали нас, переселенцев, настороженно, даже озлобленно. С оружием в руках, готовые в любой момент стрелять в нас – голодных, холодных и полуживых после долгой и изнурительной дороги женщин, детей и стариков. А в это время наши отцы сражались на фронтах Великой Отечественной войны, не ведая о том, что их родные очаги разорены, народ оклеветан, а их женщины и дети, лишённые элементарных человеческих прав и свобод, сосланы на вымирание в безжизненные области Сибири, Средней Азии и Казахстана. Что может быть страшнее, подлее, лицемернее этого.

Помню, в первое время местные жители, оболваненные лживой пропагандой и специально распускаемыми слухами, называли нас бандитами, людоедами, спецпоселенцами. Но со временем, поняв, что мы такие же, как они люди, и приехали сюда не по своей воле, начали потихоньку с нами общаться, проявлять к нам понимание и сострадание. Среди них были разные люди, но в общем-то к нам они относились хорошо, особенно когда поближе узнали нас, наш характер, нравы, огромное трудолюбие и честность. Хотя нередко приходилось незаслуженно слышать в свой адрес: «Ит къарачайны баласы». Это, конечно, обижало. Но я не держу зла ни на кого, даже на то государство, которое так предало нас в трудную минуту в 1943 году. И ты, сынок, не держи зла ни на кого, ибо зло страшным ядом отравляет человека изнутри и иссушает его душу.

Со временем мы начали понимать казахский язык, у нас появились друзья, знакомые. Вместе с репрессированными немцами, турками-месхетинцами, курдами мы вручную рыли большой оросительный канал, вывозя грунт на поверхность тележками. Наши женщины и старики работали днем и ночью. Я также постоянно думал о том, где бы найти работу, чтобы зарабатывать на жизнь. Ведь помощи ждать было не от кого. Ходил собирал тростиночки, затем делал из них вязанки и продавал за копейки для топки печей.

С возвращением с фронта мужчин жизнь у людей начала понемногу налаживаться. Мы очень надеялись на то, что и наш отец вернется с войны. Он считался пропавшим без вести, поэтому была надежда увидеть его живым. Но, увы, отец так и не вернулся...

Во многих домах звучал веселый смех, музыка, – это радостно встречали мужчин, возвращавшихся с фрон-

та. Вернулся домой и муж нашей тети. Наши двоюродные сёстры радовались, что их папа вернулся, привёз им подарки. Я и мои младшие невольно завидовали им и украдкой плакали, что наш папа не вернулся. «Ну почему же так несправедливо устроен мир?» – думал я. Мама умерла, отец не вернулся с войны, мы никому не нужны. Сколько это может продолжаться? Хочется уже умереть, может быть, там, на том свете, я встречу своих родителей и расскажу им, как нам здесь было плохо и трудно. Зачем я отвёз эту проклятую повестку отцу? Может быть, он остался бы живой, если бы я тогда не добрался до коша? Такие тяжкие мысли посещали меня постоянно.

Когда вернулся муж тётки, наша жизнь изменилась, стала скучнее, но мы уже не голодали, как прежде. Он

На хлопковом поле. Казахстан, 1948 год.

обеспечивал нас едой. Когда в совхозе началось разведение садов, виноградников, бахчей и огородов, он устроился работать объездчиком.

Мне запомнился один случай. Как-то мои друзья, проголодавшись, залезли в виноградник, сорвали несколько лоз не созревшего винограда, и чуть было не попались в руки нашего зятя-объездчика. Я убежать не стал, так как виноград не срывал и даже не пробовал его. Наш зять схватил меня за ухо, затем отпустил пару резких пощечин и закинул в темный подвал, где я просидел несколько часов. Таким образом он оторвался на мне за проступок моих друзей. Тогда за меня никто не заступился, даже родная тётя побоялась перечить своему мужу. Один из работников сельсовета, узнав об этом инциденте, поругал моего обидчика за нечеловечное отношение ко мне – малолетнему ребёнку.

Сидя в подвале, я долго и горестно думал и решил, что нам надо переехать в другое место и жить самостоятельно. Со временем так и случилось: мы с братиком и сестрёнками переехали в другой дом и стали жить сами.

ДЕДУШКА АБАЙ

Помню случай – прохожу как-то мимо небольшой юрты, а рядом в загоне вижу целое стадо ягнят. Подошел поближе, смотрю на этих чудесных ягнят и мечтаю, вот бы мне таких. Я бы их пас, поил, кормил, было бы у нас и молоко и мясо. Смотрю на них, как голодный волчонок, а они бегают, играют, сосут молоко матери. Вспомнил нашу отару черных барашек карачаевской породы в Карт-Джурте. Мой отец Узеир приделывал колёсики к курдюкам этих барашек, так как они были больших размеров и барашкам было трудно передвигаться. Бывало, курдюк перевешивал барашку и она невольно становилась на дыбы.

Вдруг из юрты вышел пожилой мужчина и сутулясь направился в мою сторону. Подойдя поближе, говорит мне по-казахски: «Эй бала ты, что стоишь, проходи, помоги мне.» – «Что надо сделать?» – спросил я. Надо было отделить ягнят от взрослых барашек, один он с этим делом не мог справиться. Я бегал вокруг стада, как собачка-пастушок хватая ягнят. Мы отделили маленьких ягнят от взрослого стада, и старик стал доить в загоне окотившихся овец. Надоенное молоко собирал в большое ведро, которое было подвешено на крючке. Когда он закончил дойку, я пригнал ягнят, и они с бляньем кинулись к своим мамам. Мне показалось, что я здорово помог старику и он был доволен мной. Мы зашли в юрту, он показал палкой на войлочный коврик и сказал:

«Торга олтур (садись на почётное место. – *Авт.*). – Бу кии уй (это войлочный дом. – *Авт.*), – продолжал он, – сен конак (ты гость. – *Авт.*), – сказал он и развернул другой коврик, который заменял ему стол. Затем достал свой сверток и положил его на этот войлочный стол. Сам сел напротив меня, скрестив ноги, и предложил поесть. Старик продолжал рассказывать какие-то истории, хотя я его практически не понимал. В его речи звучали знакомые слова, но было много непонятных выражений. То, что я говорил, мне казалось, он понимал полностью, ведь наши языки родственные. Я рассказал ему о себе и мы с ним познакомились. Старик сказал, что его зовут Абай. Мое имя он уже знал, так как спросил его еще при встрече. По-моему, он слышал про наш народ, про его нелегкую судьбу, поэтому, наверное, и решил помочь мне. «Къыдыр (Хызыр) бала, ты будешь со мной работать, пасти ягнят?» – спросил он меня. Я согласился, долго не раздумывая, но при этом сообщил, что постоянно работать у меня не получится, так как хожу в школу. Он улыбнулся и ответил, что график нашей работы мы как-нибудьотрегулируем. В знак согласия мы пожали друг другу руки. Потом старик Абай прищурившись говорит: «Ну давай, тогда я тебя завтра жду после школы, приходи и начинай работать, посмотрим, на что ты способен.» Он угостил меня хлебом и кусковым сахаром, и я радостный побежал домой, спеша угостить своих подопечных.

Старик Абай мне показался очень открытым, весёлым и добрым человеком. Мне захотелось с ним дружить и помогать ему. Даже было такое ощущение, будто он мне ближе моих родственников, у которых мы жили. Одновременно он выглядел очень смешным, не похожим

на моих дедов стариком. У него была редкая длинная седая бородка, круглое гладкое желтоватое лицо и узкие хитровато-лукавые глаза. Когда старик Абай смотрел на тебя, казалось, что он постоянно улыбается, излучая обворожительно-добрый свет, согревающий собеседника своим нежным теплом.

В тот день я вернулся домой окрылённый и радостный, полный радужных планов на будущее. Так началась моя трудовая жизнь с профессии помощника пастуха. Ягнят обычно я пас ночью. Чтобы не уснуть и не потерять их, я привязывал одного из ягнят за ногу длинной бечёвкой, а другой конец привязывал к своей руке. Как только стадо начинало уходить и запас бечёвки иссякал, ягнёнок невольно дёргал за бечёвку и я немедленно просыпался от дрёмы.

Так продолжалось до утра. А утром, после того как старик Абай подоит барашек, я с тёплым молочком бежал домой, кормил своих малышей, а потом шёл в школу.

Мы со стариком Абаем очень сдружились. У него были родственники, дочь, внуки, но он меня любил как родного сына. Его жена давно умерла, а дочь со своей семьёй жила в другом населённом пункте. Он всю жизнь работал пастухом и очень любил животных, особенно верблюдов, лошадей. В молодости Абай был табунщиком, он часто рассказывал мне, как лихо справлялся с необученными лошадьми, как и многие казахи, любил играть в самую излюбленную конно-спортивную игру среднеазиатских народов Кёкпар.

Кто бы мог тогда подумать, что когда я вырасту, стану одним из самых знаменитых игроков в Кёкпар среди работников сельского хозяйства Южно-Казахстанской

области. И что даже казахи, киргизы и все те, кто играл традиционно в эту азартную, опасную и мужественную игру, будут бояться моего участия в этой игре, видя во мне сильного соперника. Позже я стал абсолютным победителем скачек на приз первого секретаря райкома партии.

Но все это будет позже.

КАРАКУРТ

Запомнился мне один странный случай той поры.

Как-то я забежал в юрту старика Абая, услышав его сильный испуганный крик. Он обеими руками держал голень ноги и судорожно говорил: «Надо его найти, надо его найти. Эй балам, курт, курт, курт, ищи его», – продолжал он. Я упал на четвереньки и стал искать, сам не зная, что ищу. Через некоторое время под войлоком нашёл полураздавленного, смертельно опасного паука каракурта. Только я собрался его палкой придавить, старик Абай говорит: «Не убивай, возьми там бечёвку и дай мне». Я посмотрел по сторонам и дал ему что-то вроде нитки. Он взял её, аккуратно связал петлю, привязал за ногу полудохлого паука, а другой конец нитки привязал к булавке и говорит мне: «Прицепи его вон туда» – и показывает в сторону потолочной части юрты. Я сделал, как он и сказал. Вижу, старик ослабел, упал на спину и начал стонать, покрылся потом. Я выбежал из юрты и начал звать на помощь. Двое мужчин, проходивших мимо, поняв, что дело неладное, быстро кинулись в юрту и начали предпринимать какие-то меры, по-моему, они прижигали ранку. Затем один из них побежал за фельдшером. Слава богу, общими усилиями старика спасли. К вечеру приехали его родственники, с которыми я познакомился. Когда старик выздоровел и начал ходить, он позвал меня в юрту и показал каракурта, которого я подвесил. Он был уже засохшим. Старик Абай сказал:

«Если бы ты его не подвесил и я не видел бы как он мучается, то я бы умер. Так что ты меня спас, Кыдыр балам». Говоря это, он широко и добродушно улыбался мне своей хитровато-лукавой лучезарной улыбкой.

Жизнь шла своим чередом и понемногу налаживалась. Власти чуть смягчили для нас, ссыльных, комендантский режим, хотя до свободы было еще далеко. Я продолжал работать и учиться, закончил четыре класса. Но продолжать учебу и одновременно зарабатывать на жизнь дальше возможности не было. Я решил продолжать работать в ущерб учёбе для того, чтобы кормить и обучать своих младших. Работал день и ночь где придётся. Таскал на себе большие хлопковые мешки-канары по трапам огромных хлопковых стогов. Работал помощником учетчика полеводческой бригады, затем сам стал учётчиком. В мои обязанности входил обмер участков на полях, кто и сколько отпахал, посеял или прополол. В соответствии с этим обмером исчислялись трудодни рабочих на поле. В общем, жизнь моя была не малина и не по-детски тяжёлая. Успокаивало лишь то, что мои младшие сыты, хоть как-то обуты и ходят в школу. Для меня это было главное.

ПРОЩАНИЕ С АБАЕМ

Возвращаясь как-то с поля после изнурительного труда, я решил навестить своего близкого друга – старика Абая.

Его старая юрта стояла на прежнем месте на краю села, откуда далеко-далеко просматривалась бескрайняя казахская степь, покрытая редкими кустами саксаула и степного мака. В силу своего преклонного возраста Абай бросил заниматься овцеводством. Баз был совершенно пуст и заброшен. Когда-то мы со стариком Абаем здесь отделяли ягнят от овцематок, подумал я, и меня охватило ностальгическое настроение.

Постояв немного и посмотрев со стороны на баз, я направился в сторону юрты. Когда подошел поближе к ней и позвал старика Абая, чтобы без спроса не заходить, из юрты вышла женщина средних лет. Я с ней был знаком, её звали Айбану. Она часто приходила к старику, чтобы помочь ему по дому. Если память мне не изменяет, она приходилась старику Абаю снохой, была супругой сына его двоюродного брата. Она заботилась о старике Абае и очень переживала за него. Ни родня, ни дочь не делали столько для него, сколько Айбану.

Узнав меня, Айбану кинулась обнимать, затем завела в юрту, интересуясь, как наши дела, почему до сих пор не заходил. Одновременно она рассказывала про свои проблемы и заботы.

«У нас жизнь не очень, – продолжала она, – дедушка Абай совсем сдал, лежит - не встает, очень сильно бо-

леет». Заходя в юрту, она радостно сообщила старику: «Абай экей, смотри, кто к нам пришел. Хызыр твой пришёл, ты же его весь вечер вчера вспоминал. Это Хызыр, – продолжала она. – Смотри, какой он большой стал, изменился как, твой любимец, а ты спрашивал, где он. Сейчас я вас накормлю, у меня есть «маш палау» и айран».

Старик Абай лежал на правом боку, смотрел на место, где когда-то мною был подвешен тот опасный паук-каракурт, который его укусил.

Взгляд Абая был потухшим, и казалось, что его уже ничто не радует:

Я подошел и обнял его, тогда он улыбнулся и тихим шепотом говорит: «Эй, Кыдыр балам, жизнь закончилась. Я прожил очень интересную и яркую жизнь» – продолжал он с грустью в голосе. Стараясь поддержать и подбодрить его, я сказал: «Абай акка, все ещё впереди, мы с тобой ещё на лошадях будем скакать». Он посмотрел мне в глаза своим мудрым, пронизательным взглядом и тихо заговорил: «Нет, мой дорогой сынок, всему свое время, нам непосильна природа. Я тебя понимаю, ты не хочешь, чтобы я умирал, я знаю. Но есть одно умное выражение – природа не терпит лжи. Поэтому как бы мы с тобой этого не хотели, лучше будет и мне и всем, если я упокоюсь, уйду в вечный мир на постоянный покой. Ты ещё совсем молод, вся жизнь впереди. Думаю, она будет у тебя интересная, насыщенная. Ты обязательно вернёшься к себе на родину, принесёшь еще много пользы людям. Доживёшь, как и я, до глубокой старости, увидишь своих внуков, тогда ты поймёшь меня. Нет ничего лучше, чем в положенное время, по зову Аллаха уйти в мир иной, дать дорогу молодой поросли. Это за-

кон нашей жизни, никуда от него не денешься. Сынок, ты не переживай, если вдруг я умру. Знай, что когда там, на небесах, я встречу твою маму, обязательно расскажу ей, какой ты у нас молодец, как ты бережно растешь и оберегаешь своих младших, настоящий мужчина. Только ты не бойся и не плачь, когда я умру, лучше обрадуйся, даже если тебе будет очень грустно. Старые люди умирают, а дети рождаются, когда умирают глубокие старики, – это можно считать радостью. Для старика лучше смерти уже нет ничего. Кыдыр балам, ты проси Аллаха, чтобы мы все встретились в раю. Делай дуа, как я тебя учил, читай суры, которые я тебя научил. Будь всегда настоящим мужчиной. Запомни ещё одно: в жизни никогда не роняй чести и достоинства, не падай духом перед трудностями – это большой грех, и надо учиться у всех, но не подражать никому, всегда быть самим собой. Люби свой народ и близких, всегда будь рядом с ними. Если вдруг вас, карачаевцев, оправдают и вернут обратно на вашу родину – Кавказ, ты не раздумывая сразу же возвращайся, несмотря на то, как бы хорошо тебе здесь ни было. У каждого народа, каждого человека есть одна родина, одна родная земля, и ее нельзя предавать или бросать одну, как старого, отслужившего свой век верблюда. Кыдыр, ты мне самый близкий человек. Я считаю тебя своим сыном, и знай: чтобы стать счастливым, надо сделать счастливым другого человека. Ты меня сегодня навестил и сделал меня счастливым. Я очень рад тебе и благодарен за то, что не забываешь меня, старика. Скоро должны приехать мои внуки, я их давно жду и соскучился. Спасибо, что ты пришел, Кыдыр балам».

Я смотрел на него, и мне стало его жаль. На душе стало тяжело и пусто, невольно навернулись слёзы. Мне

казалось, что его слова были последними, как исповедь и он плакал про себя.

Вдруг зашла тётушка Айбану и прервала наш разговор. Она так искренне и добродушно улыбалась, словно светилась, её круглое лицо напоминало солнышко из книжек детских сказок.

«Так, дорогие мои джигиты, вы теперь должны хорошо поесть, а потом будете беседовать». Посмотрела на меня, затем, обращаясь к старику, говорит: «Абай акка, зачем ты так ребёнка напугал, лица на нём нет. Ну, скажи, всё будет хорошо, ты же лучше себя чувствуешь? Я уверена, что вы ещё с Хызыром вместе будете канары хлопковые таскать, не надо так падать духом».

Старик понял, что от него требовалось, заулыбался и говорит мне: «Ешь, балам, ешь. Я в обед хорошо поел, сейчас что-то не хочется».

Я был очень голоден, но еда в горло не лезла. У меня было тревожное настроение от разговоров старика Абая и сильная усталость после длинного рабочего дня под палящим солнцем. Я был так расстроен, что поймал себя на предательской мысли, будто старик Абай умер и я потерял ещё одного близкого мне человека. Но когда очнулся и увидел перед собой старика, который повторял: «Ешь, Кыдыр бала, ешь», – я обрадовался и понял, что это было наваждение от глубоких переживаний.

Старик Абай, поняв, что меня очень напугал, стал старательно улыбаться и даже присел, скрестив свои ноги, как он обычно садился, стараясь как-то меня успокоить.

«Ты не переживай так, я обязательно выздоровею и мы с тобой покатаемся верхом на лошадях. Помнишь,

как я тебя учил держаться в седле? Что главное? Главное правильно держаться в седле и не забывать о том, что всадник и лошадь должны быть единым целым. Я иногда вижу таких всадников, которые телепаются, готовые выпасть из седла, себя мучают и лошадь», – продолжал говорить Абай плавно, сменяя тему нашего разговора.

По своей детской наивности я не совсем адекватно оценивал ситуацию и захотел, чтобы он встал и вышел на улицу погулять. Я считал, что он так быстрее выздоровеет. «Абай акка, может быть, мы с тобой выйдем на улицу, походим немного»? А он спокойно отвечает: «Конечно же пойдём» – и лёг, закрыл свои глаза и замолчал. Видно, ему стало хуже. «Ты отдохни, а потом мы пойдём», – попытался я продолжить с ним разговор. «Хорошо, мой сынок, так и сделаем», – прошептал он потихонечку и замолчал.

Я ещё долго сидел рядом со стариком. Он гладил мою руку, читал про себя молитвы, а потом уснул.

Айбану сидела чуть дальше, молча сопела и вязала. Потом она отложила свое изделие, подошла ко мне поближе и спросила шепотом: «Может быть, тебе тоже постелить? Ты тоже устал, может, у нас останешься»? Нет, мне надо идти, дома еще дети голодные», – сказал я и встал.

«Вот так, сынок, ничего не поделаешь. Это возраст, даже мы уже постарели, не то, что он, – продолжала Айбану. – Я помню, как дедушка Абай на нашей свадьбе танцевал и веселился, ещё тогда он считался самым старшим среди наших родственников, сейчас так вовсе постарел. Мы все его очень любим».

Я хотел попрощаться, но старика будить не стал. Вышел из юрты, начал уходить, а тетушка Айбану кинулась

что-то мне заворачивать, угостить хотела. Я её остано-вил и говорю: «Тётя Айбану, давайте лучше я вас угощу, у меня смотрите сколько кукурузной муки» – и отсыпал ей часть муки из мешочка, который оставил возле входа в юрту. Она очень обрадовалась и говорит: «Вот теперь можно будет старика ещё лучше накормить, а то он бед-ненький только один варенный маш ест, больше у нас нет ничего съестного. Спасибо тебе большое, сынок».

Было уже поздно, на улице ни единой живой души не видно, только полная луна, как огромный прожектор, освещает все вокруг. Земля горячая, как плита печи, – не успела остыть от сильного дневного зноя.

Наконец пришёл домой, дети уже спали. Муслимат проснулась и встревоженно спросила: «Оти (так они меня называли в детстве), где ты пропал, мы так испу-гались. Я рассказал ей, где был, мы с ней быстро при-готовили тесто для кукурузных лепешек, сварили их в воде, Муслимат поела и легла спать. Младших не стали будить, до рассвета оставалось не так много времени. Есть не хотелось, меня начало сильно тошнить, подня-лась температура, места себе не нахожу. Вышел на улицу – хожу взад-вперед, душно, жарко, чувствую, что сейчас упаду в обморок. Видно, так и случилось, я потерял со-знание и упал на землю. Очнулся в медпункте от того, что приложили к лицу мокрую тряпку. Я лежал на ку-шетке окутанный мокрым пледом.

Фельдшер объяснял мужчине, который меня сюда принёс на руках: «Жайма-шуакъ соккы» («солнечный удар». - *Авт.*). Потом, увидев, что я пришел в себя, спро-сил: «Эй, къарачай бала, ты зачем так долго под солн-цем гуляешь, «къажет берик кииндир» («надо шапку но-сить». - *Авт.*).

Я был не в состоянии отвечать, думал только, о словах старика Абая, о том, что если он умрёт, встретит мою маму. Поэтому мне так захотелось умереть самому и побыстрее встретиться со своей мамой, прижаться к её груди, чтобы она своими нежными руками, как птица крыльями, укрыла меня от всех бед и невзгод, свалившихся на мои детские плечи. Такие тяжёлые мысли о смерти, о добровольном уходе из этой жизни ну единожды приходили в мою голову. Особенно когда становилось очень тяжело и казалось, что нет никакого выхода. Но всё же природный инстинкт, тяга к жизни, и главное ответственность за жизнь моих малолетних сестричек и братика удерживали меня от рокового шага и заставляли идти дальше, наперекор всем невзгодам и испытаниям судьбы.

И в этот раз тоже Аллах сжалился надо мной и моими младшими, не забрал меня к себе.

Так я пролежал в медпункте два дня, меня вылечили. Фельдшер дал мне какой-то отвар из травы. По-моему, это был отвар корня травы «къараханс» («колокольчик». – *Авт.*), уже точно не помню. Мне этот отвар очень помог, поставил на ноги.

После того как окончательно выздоровел, я решил проведать старика Абая и пошел к нему в гости. Подхожу к юрте, вижу, неподалеку от нее, стоит красивая лошадь красно-коричневого цвета с тёмными хвостом и гривой. Из юрты выходит мужчина, прощается с тётушкой Айбану и уезжает. Увидев меня, она направилась ко мне и, пытаясь сдержать слёзы, начала рассказывать: «Хызыр, дедушка Абай переехал к своей дочери в другой район и просил, чтобы я отдала тебе некоторые его вещи. Пойдем в юрту, отдам их тебе».

Надеясь увидеть старика Абая, я зашёл вслед за Айбану в юрту, но там уже никого не было. Айбану перебирала вещи Абая и передала мне посуду, затем что-то из одежды протягивает: «Возьми, это тебе пригодится». Я остановил её и говорю: «Тётя Айбану, я уже взрослый и плакать не собираюсь. У меня самого мама умерла, я знаю, что люди умирают и их обязательно хоронят, скажите, где похоронили дедушку Абая». – «Нет, что ты, сынок, он не умер, дедушка Абай переехал к своей дочери в другой аул, просто адреса не знаю, чтобы тебе сказать», – ответила с дрожью в голосе Айбану. Думаю, даже если бы она мне тогда сказала адрес, он бы мне не помог. Я знал, что дочь Абая жила в другом районе, куда я в принципе не мог поехать при всем моем желании. Я же был спецпоселенцем, а комендантский час никто еще не отменял. За самовольное перемещение из одного села в другое нам полагалось до десяти лет каторги, хотя условия, в которых мы жили, мало чем отличались от той каторги.

Я решил больше не говорить о вещах старика Абая и уйти. Но Айбану взяла меня за руку, просяще посмотрела мне в глаза и говорит: «Ну, возьми, пожалуйста, хотя бы вот эту плёточку, дедушка Абай сам её смастерил». Я посмотрел на эту плётку, вспомнил, что старик с ней не расставался, берет, всегда держал в руке или в сапоге прятал. Ещё непроизвольно вспомнил его маленький ножичек, который он носил на поясе. Эти воспоминания меня согрели, и я взял плётку, потом долго её хранил. Она напоминала мне моего великодушного старика Абая, моего духовного наставника и старшего друга.

Больше ничего из вещей Абая я не взял. Обнял тётушку Айбану и пошёл домой.

До сих пор не знаю, действительно ли дочь увезла к себе домой старика Абая или он скончался и его похоронили неподалёку, а тетюшка Айбану скрыла это от меня? Кто был тот мужчина – на красивой лошади, возле старой одинокой юрты Абая и зачем он в тот день приезжал к старику, для меня до сих пор остаётся загадкой и беспокоит мою душу, беря воспоминания о тяжких годах депортации.

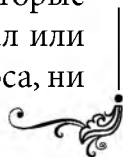

ДОМБРА

Недалеко от нас жил один творческий человек, его звали Бейбут. Он со своей семьей переехал сюда из другого района, после того как сгорел его дом и мастерская.

Про Бейбута рассказывали, что он внук известного казахского писателя, поэта, народного певца, по-моему, звали его деда Чокан.

Бейбут, как и его дедушка, сочинял стихи, хорошо играл на домбре, был талантливым танцором. Когда он переехал в наше село, у него появилось много учеников, которых он учил играть на домбре и тем самым приобщал к музыке, к художественному творчеству. Можно уверенно сказать, что все, кто умел играть на домбре в нашем селе, были обязаны этому талантливому артисту. Бейбут своими руками изготавливал домбру. Это ремесло для него было своего рода бизнесом, так он зарабатывал свой кусок хлеба. К нему приезжали люди из разных мест, чтобы купить домбру. Кроме этого Бейбут часто проводил праздничные мероприятия в нашем селе и за его пределами. Он был действительно человеком-праздником, излучал веселье и радость, наверное, поэтому его любили все – и стар и млад. Как только Бейбут начинал петь, зрители затаив дыхание слушали его красивый голос. Многим молодым ребятам и мне, естественно, хотелось петь и играть на домбре, как Бейбут. Некоторые песни я даже знал наизусть, постоянно их напевал или насвистывал. К сожалению, у меня не было ни голоса, ни

музыкального слуха, чтобы петь, как Бейбут, как говорят в народе – медведь на ухо наступил.

Однажды я пошел к Бейбуту, рассказал ему, как сильно хочу научиться играть на домбре, это была моя мечта. Он улыбнулся и говорит: «Хызыр, если ты так сильно хочешь, научим, было бы желание. Для начала тебе надо иметь свой инструмент, изготовить его я помогу, а потом посмотрим, что ты умеешь».

Целый месяц ушел на изготовление моей домбры. Вместе с Бейбутом я ездил за древесиной, по-моему, это был клён. Часами мы сидели, вырезая корпус, гриф и другие детали. По ходу работы Бейбут рассказывал разные истории.

Помню, он рассказал казахскую легенду о домбре, она запала мне в душу.

– Давно это было, когда домбра была четырехструнной. Жил на свете великий и жестокий хан Темучин, завоевавший многие народы. У него был старший сын по имени Джучи.

Хан был жестоким правителем, его гнева боялись не только враги, но и подчиненные. Однажды с охоты не вернулся его любимый сын Джучи, и хан послал в степь гонцов с целью найти сына или принести весть о его судьбе.

Узнав о смерти молодого хана, гонцы испугались гнева грозного отца и не вернулись. Хан метался в припадке ярости, требуя принести ему хоть какую-нибудь весточку о судьбе наследника. Но все было напрасно. Подданные боялись жестокой казни за плохие вести и не решались открыть неутешному отцу правду.

И тогда пришел к хану старый акын. Он прожил долгую жизнь и не боялся смерти.

Поклонившись повелителю мира в пояс, он сказал: «О, великий хан, справедливость твоя не имеет границ. Слушай мою домбру, и ты узнаешь о судьбе своего сына».

И полилась печальная повесть о том, как охотился на диких куланов молодой хан Джучи и подстрелил одного из них. Но раненый кулан был разъярен и, ударив копытом охотника, поразил его насмерть...

Долго ещё пела домбра, рассказывая о неудачной охоте, долго текли слезы у жестокого властелина...

И повелел тогда старый хан казнить домбру. И плеснули на неё из ковша раскаленный свинец.

Застонала домбра, в последний раз прозвенели её струны. И две из четырех струн, не выдержав боли, лопнули. С той поры у домбры осталось только две струны, но она по-прежнему поет... Много легенд сложено о домбре, и это одна из них, – сказал Бейбут, завершив свой рассказ.

Интересно и познавательно было слушать Бейбута, особенно когда он делал это в процессе работы. Мы с ребятами ходили к нему и увлеченно мастерили каждый сам свою домбру. Это был для нас своеобразный любительский кружок в свободное от работы время.

Мы приносили в мастерскую козьи и бараньи кишки, сушили их и делали из них струны. Это был тоже интересный процесс зарождения звонких струн из такого, казалось бы, простого и неподходящего материала.

Наконец, когда мы завершили изготовление моей домбры, Бейбут взял её в руки, осмотрел профессиональным взглядом, повертел перед собой и говорит: «Выглядит неплохо, теперь надо настроить» – и начал крутить колки. Вскоре он настроил мою домбру и начал виртуозно играть на ней. Его пальцы так быстро пере-

двигались по грифу, что я не успевал следить за ними, он играл и одновременно пел. Мы с ребятами сидели завороженные и с большим удовольствием слушали, этого талантливого человека.

Как только он закончил петь, протянул мне инструмент и говорит: «Хызыр, теперь осталась самая малость - научиться тебе играть. Домбра твоя готова, звук у неё хороший. Можно сказать, что она одна из самых лучших, которые я сделал».

Не знаю, действительно ли это было так, или он просто решил меня поддержать и незаслуженно похвалил, но мне, мальчишке, было приятно и лестно, что у меня один из самых лучших инструментов из тех, которые он изготовил.

Бейбут показал несколько основных музыкальных ходов и аккордов, после чего я взял свою домбру в руки и попытался повторить. С первого раза, естественно, у меня ничего не вышло, но я понял, что это не мое, дела у меня в плане музыки обстоят как у героев басни Крылова «Музыканты». Думаю, Бейбут изначально понял, что мне «медведь на ухо наступил», но чтобы не расстраивать, не говорил мне об этом. Деликатный был человек.

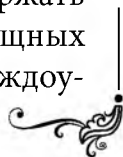
Домбру я принёс домой и повесил на стенку, а позже подарил одному казахскому мальчишке. Об этом я расскажу тебе как-нибудь в другой раз.

ПОМОЩНИК ТАБУНЩИКА

1950-е годы для Казахской ССР были очень сложными. Республика была тесно связана с развитием животноводства и нуждалась в серьезной кормовой базе, а её явно не хватало. Поэтому Казахстану передавались во временное пользование пастбищные угодья, расположенные за её пределами, особенно это касалось южных регионов республики. Думаю, так пытались повысить производство сельскохозяйственной продукции. Но как правило, при таких передачах земель из одной совхозной республики в другую снижался стимул к проведению работ по сохранению плодородия почвы. На наших глазах земля скудела, давала всё меньше и меньше урожая, выпадала по этой причине из севооборота. Но в те годы на такие «мелочи» никто не обращал внимания, эксплуатировали земли варварски, не думая о последствиях. Считалось, что страна у нас огромная, степи бескрайние, поэтому земли хватит всем и надолго.

Некоторые районы Средней Азии и Казахстана по несколько раз переходили из одной республики в другую. Так, Бостадыкский район с частью Голодной степи несколько раз передавался Узбекистану, а затем возвращался обратно. Там тоже шла своя невидимая война в виде самовольного захвата пастбищ Казахстана животноводами Узбекистана. Пока можно было содержать собственное поголовье скота на урезанных пастбищных участках, казахи терпели, но затем начинались между-

собные стычки из-за пастбищ, переходящие в межнациональную рознь и разбирательства на уровне большого начальства. Нам, простым трудягам, все это очень мешало спокойно жить и работать, бороться за свое возвращение на Кавказ.

У меня с раннего возраста была страсть к лошадям. Свою первую лошадь, которая осталась на Кавказе, я часто вспоминал. Она была карачаевской породы, спокойная, трудолюбивая, смело шла по любым горным тропам, очень любила меня, но чужих к себе не подпускала. Она мне даже снилась по ночам. Когда я мечтал о возвращении домой и вспоминал свой родной аул Карт-Джурт, я прежде всего мысленно представлял себе, как буду скакать верхом по нашей прекрасной долине, ухаживать за своей любимой лошадкой, кормить, поить её из нашей горной речки хрустально чистой ледниковой водой, берущей своё начало со склонов величественного Эльбруса. Этими мечтами я жил, они меня согревали, давали силы, чтобы выжить. Но это всё представлялось в будущем, как мираж, пока же надо было как-то сохранить себя и своих младших в живых, думал я. Не потерять самого себя, остаться самим собой в этой бескрайней, чужой стороне, куда свезли, насильственно согнали в разные годы представителей разных народов СССР и навесили им разные политические ярлыки – «раскулаченные», «расказаченные», «троцкисты», «предатели родины», «враги народа» и тому подобное.

Ислам, сынок, ты не подумай, что я впал в грустные воспоминания и жалуюсь тебе на свою судьбу, нет, ни в коем случае. Это не так, хотя мне действительно досталась не сладкая судьба и тяжелая жизнь, полная различных испытаний и лишений.

Но я видел людей с еще более трудной и даже страшной судьбой. Я видел, как спецпереселенцы – так нас называли казённым языком – каждый день десятками умирали от голода и лишений, особенно в первые годы ссылки. Бывало, что за ночь вымирала вся семья, а похоронить некому. Никогда не забуду увиденную картину – молодая женщина – карачаевка лежит мёртвая на улице у порога своей лачуги. А её дочка-грудничок хрипит, потеряв голос от плача, и пытается сосать грудь матери, не понимая, что мама уже мертва.

Другой случай, о котором я хочу тебе рассказать, связан с нашей семьей. Ты, наверное, слышал о бабушке твоей мамы – твоей прабабушке Аминат, мы звали её Мадак. Она умерла, когда ты был ещё маленьким. Помню, она часто приезжала к нам в гости, очень мудрая, красивая и глубоко верующая женщина. Я всегда восхищался её сдержанностью, доброжелательностью и умом. С любым человеком она находила общий язык. Несмотря на преклонный возраст, она имела очень хорошую память и здравый ум. С бабушкой Мадак было всегда интересно беседовать на разные темы. Твоя прабабушка, не имея светского образования, могла решать сложные задачи и примеры по алгебре и геометрии. Для меня это было непостижимо, нередко мне казалось, что у бабушки Мадак были сверхчеловеческие способности и сильная интуиция. Она часто удивляла нас своим необычным и мужественным характером, являясь при этом слабой, болезненной, хрупкой бабушкой.

Однажды твой дедушка Умар Кипкеев с большим удивлением рассказывал случай из её жизни в Средней Азии, где мы находились в депортации.

Дорога лежала через пустынную степь, по которой нам предстояло ехать два дня. Погрузив на бричку всё своё имущество и малолетних детей, мы ехали не спеша по нескончаемой пустыне. Ночью остановились на ночлег. Я быстро собрал маленькую юрточку, и наша семья разместилась в ней. Бабушка Мадак захотела спать на арбе под открытым небом.

Утром, когда все ещё спали, совершив утренний намаз, я сидел и строил планы на дальнейшую дорогу. Вдруг вижу, как большая ядовитая змея (думаю, это была кобра) не спеша сползает с арбы, на которой спала бабушка Мадак. Я быстро схватил палку, чтобы убить её, и направился к арбе. Мадак увидела это и говорит: «Умар, не трогай эту змею, она всю ночь рядом со мной пролежала и не тронула меня, оставь, пусть живет».

«Оценив ситуацию и беспокоясь за наших малолетних детей, я очень испугался, ноги чуть не подкосились. Присел на землю и, словно под гипнозом, не мог даже пошевелиться, наблюдая за уползающей змеей. Она отползала всё дальше и дальше, периодически останавливалась, поднимала свою голову, оглядывалась на нас, будто прощалась, и исчезла в просторах бесконечной степи», – вспоминал Умар.

Много подобных историй рассказывали про бабушку Мадак.

Как-то раз я вернулся с работы, вижу, бабушка Мадак сидит на стульчике во дворе под деревом и неспешно перебирает четки (эти четки она подарила моей маме Зюльфрузе, которая до сих пор бережно хранит их у себя. – *Авт.*).

Я подошёл, поздоровался и обнял её. «Хызыр джаным, не эте тураса? (Хызыр, как ты поживаешь?) Сынок,

ты очень добрый и хороший, я постоянно скучаю по тебе и твоим деткам. Вот видишь – эта палочка, которую ты выстругал, она такая удобная и лёгкая, я с ней не расстаюсь, ноги мои уже не держат, – продолжала она. – Сынок, ты сирота, рано потерял родителей, но ты не расстраивайся, ведь ещё хуже, когда теряешь своих детей. На нашу долю выпала такая горькая судьба, что и врагу не пожелаешь.

Хызыр, пойми меня, я никогда не жаловалась на свою жизнь и о своих трудностях не рассказывала никому. Знаю о твоей нелегкой судьбе и хочу рассказать о том, что и мне пришлось в жизни испытать. Как я похоронила своих четверых детей. Остались один сын Мухаммат и Байду – твоя тёща.

До войны мы жили в г. Теберда под горой, это место называется Абайхановский хутор. Мой отец Карамырза Кочкаров меня ещё совсем молоденькой отдал замуж за сына Зекерьи Абайханова – Идриса. Хорошая у них была семья, добрая, я сразу же стала своей среди родственников мужа, они меня очень любили.

У нас родилось шестеро детей – два мальчика и четыре девочки Байду, Салих, Мухаммат, Зулихат, Кюльсюн и Арюю».

Абайхановы жили зажиточно, имели много скота и имущества. Когда пришла советская власть, их назвали кулаками и подвергли репрессиям, отняли все нажитое. (В городе Теберда до сих пор стоит дом, который построил мой прадед Идрис Абайханов. – Авт.).

В 1943 году нашу семью, как и всех карачаевцев, выслали в Среднюю Азию. Моего мужа Идриса расстреляли как инакомыслящего, назвали врагом народа.

Времена депортации были очень трудными для всего нашего народа. Ты сам через себя пропустил все тяго-

ты переселения и знаешь всё не хуже меня. Просто расскажу тебе о том, как я не смогла в Азии уберечь своих детей от смерти, о чём я очень горько сожалею. Но надо быть всегда благодарным Аллаху за то, что он дал нам силы выдержать эти тяжкие испытания.

Как только привезли в Киргизию, нас, около десяти семей депортированных карачаевцев, расселили в одном старом бараке. Были в основном женщины с малолетними детьми и три старика. Эти старики ходили работать на местных жителей и тем самым пытались как-то помочь нам.

Салиху – моему старшему сыну было всего тринадцать лет, он тоже ходил вместе с теми стариками на работу. В один из дней вернулся очень болезненным и скоростижно скончался. Оказалось, что он не выдержал и выпил грязную воду с небольшого водоёма, так как чистой не нашёл, заболел дизентерией и сразу умер. Бедненький очень хотел мне помочь. Вечером того же дня вместе с двумя женщинами мы похоронили его, в чём был одет, – одним словом, просто закопали в яму без всяких обрядов. Кроме моего сынишки вокруг умирало много других ссыльных детей, поэтому смерть моего мальчика прошла как обыденное дело.

После изнурительного, тяжелого дня похорон и сильного потрясения я долго не могла уснуть, тайком обливалась горькими слезами. Чувствую, не может уснуть и ворочается моя дочка Кюльсюн. Она повернулась ко мне и спрашивает: «Анам, а ты сильно расстроилась, что Салихчик умер»? – «Нет, не расстроилась, потому что мы все когда-нибудь умрём и обязательно встретимся в той вечной жизни, куда он ушёл, ему там хорошо. Давай, родненькая, закрывай глаза и спи». – «Анам, а

я вот очень сильно расстроилась, вот здесь у меня как будто горит, – продолжала она и положила мою руку на свою грудь. – Я очень хочу пить», – попросила Кюльсюн. Но так как все были уставшие и не хотелось никого будить, я ей говорю: «Доченька, потерпи немного, мы скоро встанем на утренний намаз и я тебе обязательно принесу водичку». «Хорошо», – сказала она и отвернулась, буквально сделала выдох и скончалась. Я мгновенно почувствовала это сердцем, попыталась её потормозить, привести в чувства, но всё бесполезно, – она была уже мертва.

Я сильно прижала к себе Кюльсюн и тихо начала оплакивать её и сына. Через какое-то время она стала холодной; подложив между собой и мёртвым телом дочери одеяло, я не отпускала её от себя. Когда стало рассветать, я всем сообщила о своем горе и мы похоронили её рядом с Салихом.

Вот так, Хызыр, в течение одних суток я похоронила сына и дочку».

Бабушка Мадак потихонечку вытирала свои слёзы и продолжала рассказывать свою горькую историю.

Я пытался отвлечь её на другую тему, но она, видимо, хотела рассказать кому-нибудь всю накопленную горечь, поэтому я не стал её перебивать, сидел и слушал.

Позже нашу семью из барака переселили в домик с двумя смежными комнатухами, – продолжала Мадак, – в одной из которых ещё до нас жила пожилая, высокого роста женщина. Она с первого момента нашего знакомства показалась странной, грубой и нелюдимой, нашему заселению была явно не рада. Место жительства мы не выбирали, довольствовались предоставленным и тому были рады, что не на улице живем.

В первую же ночь я проснулась от звука разжигаемой спички, которой эта женщина зажгла свечу. Затем она достала из маленького чемоданчика ножик и потихоньку, без шума, направилась в сторону нашей комнаты. Тогда я, чувствуя неладное, ногой столкнула Зулихат, лежавшую со стороны моих ног, на Байду и Мухаммата, которые лежали на полу возле нашей кровати. Дети проснулись, а Зулихат заплакала. Женщина вернулась и присела на свою кровать. Через некоторое время, как только дети успокоились, она опять направилась в нашу сторону. Я оторвала от груди мою самую младшую дочку Арюю. Лишившись соски, она, как всегда, начала кричать. Женщина что-то неразборчиво пробормотала, вышла из дома и ушла. На следующий день я рассказала об этом нашим старикам, которые помогли мне переселиться с детьми в другой дом.

Позже я узнала, что эта страшная женщина была ма-
ньячкой, убила ножом нескольких детей. Потом её нашли на кладбище убитой её же ножом.

Но мои страдания на этом не кончились. Как бы я ни старалась сохранить жизнь моих детей, в скором времени я похоронила Зулихат и Арюю, они так же, как Салих, умерли от дизентерии. Их могилки остались на чужбине».

Этими словами завершила свой скорбный рассказ бабушка Мадак.

Ислам, несмотря на все тяготы жизни, пережитые в годы депортации, я благодарен Всевышнему Аллаху за то, что он сохранил безвинным сиротам жизнь и позволил мне и моему детскому семейству не потеряться на чужбине, а живым вернуться на родину, исконную землю наших предков.

И вот ещё о чем я думаю: каждый свободный человек должен иметь свою родину и жить на своей родной земле. У карачаевцев говорят: «Тышында Солтан болмада юйюнгде олтан бол» («Чем быть Султаном на чужбине, лучше быть рабом на родине». - *Авт.*).

Среди депортированных разговоры о возвращении на Кавказ никогда не прекращались. Когда встречались два карачаевца, они обязательно спрашивали друг друга «Кетеменден не хапар» (Какие вести о возвращении. - *Авт.*).

В селе Пахта-Арал я устроился помощником табунщика в одноименном совхозе. В мои обязанности входило пасти и следить за сохранностью табуна совхозных лошадей, перегонять его с одного пастбища на другое.

Позже, как и мой отец Узеир, перед тем как уйти на фронт, я занялся дрессировкой лошадей. Она у меня хорошо получалась, хотя это очень тяжёлое и опасное занятие. Особенно когда дело касается молодых, полудиких жеребцов, живших свободными косяками в казахских степях и не признающих уздечки и седока. Для них, как и для человека, свобода превыше всего и расстаются они с ней очень неохотно. Иной жеребец готов покусать и затоптать зазевавшегося жокея. Тут нужен глаз да глаз и большая сноровка. Я этому старательно учился у опытных жокеев, да и генетически заложенная во мне от прадедов любовь к лошадям, видимо, помогла мне в этой работе.

О дрессировке лошадей можно рассказывать очень много, это целая наука, а каждая лошадь имеет свой отличительный характер и норы, свою историю.

Расскажу лишь несколько основных примеров, которые я для себя уяснил, дрессируя лошадей.

Лошадь это очень умное животное, с хорошей памятью. Я не раз убеждался, что она помнит практически всё. Если она тебя послушалась, её надо обязательно похвалить и угостить сахаром. Удивителен тот факт, что если она не послушалась жокея и её наказали, она понимает, за что её наказали. Лошадь считает тебя членом своего стада, а там правит сильнейший, поэтому не дай бог, если ты оказался слабее, чем она, тогда считай, что ты проиграл. После этого лошадь тебя уже никогда не послушается, не подчинится твоим командам. Более того, она начнет руководить тобой. В любой момент может укусить тебя, лягнуть ногой или откажется везти тебя. В общем, она сама начинает решать, что и как ей делать. Еще хуже – если обученная лошадь приобрела скверные привычки. Очень редко такие лошади поддаются дрессировке и перевоспитанию. У них, как и у людей, плохие привычки трудно, а иногда и невозможно вытравить. Так и мучаются они всю жизнь, да и другим от них покоя нет.

Самое главное, необходимое качество дрессировщика лошадей – это спокойный, терпеливый и твёрдый характер. Надо понимать, что этой профессии по книжкам не научишься. Эта наука постигается многочисленными падениями, травмами, тратой нервов и, конечно, огромной любовью к этим умным животным, умением руководствоваться их законами поведения, морали, взаимоотношений.

Когда тренируешь лошадей, надо говорить на их языке, поэтому не всегда их наказание или поощрение работает.

Например, бывают случаи, когда лошадь не дает на себя сесть, а как сел на неё, послушно выполняет твои

команды. В таком случае, независимо от того, бьёшь её кнутом или кормишь сахаром, она не будет слушаться тебя. Надо просто давать ей новую форму поведения и твёрдо её закреплять.

Был такой случай. Одна лошадь имела привычку кружиться перед тем, как начинаешь на неё садиться. Если пытались её остановить и сесть верхом, она брыкалась, нервничала, при возможности топтала всадника. От этой лошади несколько человек пострадали и уже думали, как от неё избавиться.

Мне стало жаль эту лошадь, её за такой норовистый характер запросто пустили бы под нож. После нескольких дней дрессировок я приспособился садиться на неё в момент, когда она кружилась и не останавливая её кружения. Как только садился в седло, я сразу же давал ей кусочек сахара, и у этой лошади в памяти постепенно закреплялся момент моей посадки и угощения. Со временем она привыкла к седокам, и сахар давать ей было уже не обязательно. Вот такая была хитрость.

Ислам, я видел разные эмоции лошадей. Трудно поверить, но они, как и люди, умеют радоваться, плакать, делить с тобой радость или горе. Это очень преданные хозяину животные, ради тебя они могут кинуться в огонь и в воду и не подведут никогда.

Как лошадей я не любил ни одно другое животное. Из-за этого я никогда не ел конину, даже если и был очень голоден.

Один Аллах знает, сколько дней и ночей я провёл в степи под открытым небом, на пастбищах вместе с табунами. Мне порой казалось, что я умею разговаривать с лошадьми и когда они говорят между собой, я всё понимаю.

НОВЫЙ ГОД

Такой снежной зимы я никогда в своей жизни не видел. Густой снег шёл несколько дней, поэтому все дороги и дома были в больших сугробах.

Соседи готовились к празднованию Нового – 1951 года. В нашей семье не принято было отмечать этот праздник. Но в этот раз почему-то у меня появилось желание порадовать своих младших, устроив для них новогоднее угощение.

31 декабря, с утра пораньше, пока дети спали, я съездил на базар, купил подарков, разных сладостей для своих младших и довольный поехал обратно. Но когда вернулся, Хусея дома уже не было.

– Где наш брат? – спрашиваю Муслимат.

– Заходили его друзья, и они поехали на Новогоднюю ёлку в районный центр.

Я был обеспокоен тем, что мой младший брат поехал в райцентр, не сказав мне об этом. Хусей был ещё подростком и без спроса ни на шаг не отходил от дома. «Ничего себе в районный центр на Новогоднюю ёлку», – подумал я.

– Хызыр, только не ругай Хусея, он обещал быстро вернуться, очень хотел на праздник, и я ему разрешила поехать с мальчишками. Посмотришь, он до двенадцати часов обязательно вернётся, – продолжала Муслимат.

– Хорошо, я ругать не буду, но лучше бы он дома сидел в этот суетной предпраздничный день. Муслимат, ты

же знаешь, как я за вас сильно переживаю. Вон Мариям тоже самостоятельно пошла на улицу поиграть, так её собака укусила, хорошо, ещё соседи помогли, отбили от этой злой псины.

Непроизвольно вспомнил тот случай с собакой.

Мариям, ей тогда было лет семь, гуляя на улице, напоролась на бесхозную собаку, которая укусила её. Потом мне пришлось бегать за собакой, чтобы снять с неё шкуру и вылечить Мариям.

У казахов странная народная медицина: то паука подвешивают и смотрят, как поддыхает, то шкуру собаки прикладывают к ране, то шерсть жгут и посыпают ею открытую рану.

Они считают, что если собака укусила человека, надо её обязательно убить, содрать с неё шкуру, вырезать кусок и приложить его к месту укуса. Тогда рана быстро заживает, и даже если собака болеет бешенством, то эта болезнь не передастся человеку.

В подобные методы лечения в душе я не верил, был скепсис и тогда, когда подвешивал смертоносного каракурта, укусившего старика Абая. Но, видимо, я был не прав: казахи древний и мудрый народ, издревле живший небольшими группами в бескрайних азиатских степях, кровью и плотью вжившийся в эту суровую природу, накопивший огромный опыт выживания, сформировавший богатую традициями народную медицину. В тот раз, когда пострадала от собаки Мариям, я был очень зол и готов, несмотря на мои предубеждения, растерзать проклятую собаку, покусавшую мою маленькую сестрёнку и еще нескольких детей.

Целых полдня потерял, чтобы найти этого злого пса и застрелить. После того как я выстрелил, пёс провалился под лёд и его унесло течением. С большим трудом

удалось его вытащить, чтобы снять шкурку и наложить куски кожи пострадавшим детям. Вскоре все они выздоровели.

Как говорится, если суждено выздороветь, то любая медицина помогает, а если нет, то и доктор не поможет.

Эти воспоминания не могли отвлечь меня от тревоги за Хусея, ушедшего из дома без моего разрешения. Думаю про себя, ни дай Аллах, что-нибудь случится с моим братиком. На чём они поехали, с кем они, ведь расстояние до райцентра около тридцати километров, никогда он так далеко не выезжал без меня. Задаю себе разные вопросы, а вразумительно ответить на них некому, лишь сам себя пытаюсь успокоить неубедительными ответами. Но внутренний страх и неосмысленное предчувствие беды всё нарастают и нарастают.

Вдруг вижу, бежит Азиз – друг Хусея, а за ним ещё какой-то мальчик. Увидев их, я ещё больше забеспокоился. Не дожидаясь, пока они подойдут ко мне, сам выскочил навстречу. – Хусей жив? – спросил я, задыхаясь от тревоги.

– Да, он жив, только на него трактор наехал, – ответил Азиз.

Эти слова и их странный смысл были не понятны мне. От страха я не мог быстро осмыслить услышанное. «Причём здесь трактор, как он мог наехать на Хусея?» – думал я. Немного успокоившись и поняв, что братик жив, быстро вскочил на свою лошадь и поскакал в ту сторону, откуда прибежали эти ребята. После длинной дороги на базар лошадь была уставшая и по заснеженной дороге не могла быстро скакать, выбивалась из сил. Когда проехал примерно полпути, я увидел брошенный гусеничный трактор.

«Если это тот трактор, на котором наехали на моего брата, то что же от него осталось?» – подумал я.

Со стороны послышался голос мужчины, который, указывая в сторону рукой, прокричал какую-то фразу, из которой я разобрал, что они в доме неподалёку. Я нашёл этот дом, когда вошёл в него, увидел своего братика, лежащего на кровати, а рядом его друзей и тракториста. Тракторист, узнав меня, сразу же, не дожидаясь вопросов, начал испуганно рассказывать, как всё произошло. Хусей лежал и громко стонал от боли. Судя по тому, как сочилась кровь, им не удавалось остановить её, была повреждена аорта. Я быстро размотал все повязки, туго перетянул верёвкой ногу выше колена и перевязал её. Ногой назвать то, что я увидел, было трудно, она выглядела как отбивное мясо. По бледному лицу Хусея и по его ослабленному состоянию было понятно, что он потерял много крови.

Тракторист, испугавшись ответственности и во избежание лишних вопросов со стороны руководства совхоза, до моего приезда не обращался в сельский фельдшерский пункт за оказанием медицинской помощи Хусею.

Не было смысла терять время на дополнительные перевязки, так как требовалась более квалифицированная медицинская помощь. Тогда я решил везти своего брата в районную больницу.

Винить тракториста в халатности я не стал. Дети сами попросили его посадить их на фаркоп трактора, чтобы ускорить свой путь и быстрее попасть на Новогоднюю ёлку. Выяснилось, что Хусей запрыгнул на край фаркопа со стороны правой гусеницы трактора. Его куртка зацепилась за гусеницу и затащила под крыло,

затем в считанные секунды он оказался под трактором, который передавил Хусею ногу в части голени.

Тракторист очень сожалел о случившемся инциденте и старался мне как-то помочь. Он нашёл лошадь с санями, что значительно облегчило мне доставку брата до больницы. На наше счастье, в новогоднюю ночь дежурил известный во всей области хирург, который в течение нескольких часов оперировал Хусея. Практически по кусочкам он собрал кость ноги моего брата, пересадил вместо содранной кожи ноги новую, с других мест, и спас ему жизнь.

В моей жизни это был самый лучший подарок к Новому году – мой брат Хусей остался жив.

ТЮРЬМА

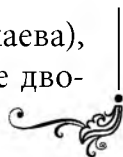
С раннего детства так повелось, что моими друзьями всегда были ребята старше меня возрастом, либо взрослые. Наверное, потому, что я очень рано повзрослел и детства у меня, можно сказать, не было.

В Казахстане моими друзьями были представители многих народов, проживавших на территории нашего совхоза: казахи, узбеки, русские, турки-месхетинцы, ингуши, немцы, курды и другие. Как всегда, был круг близких друзей, их можно посчитать по пальцам, это ребята-казахи Халил, Азиз, Жусип и ещё несколько ребят. С ними мы делили всё: и горе, и радость, и еду.

В Казахстане, Сибири и Средней Азии нас, спецпереселенцев, размещали небольшими группами в маленьких населенных пунктах или просто в степи. В нашем селе тоже было всего несколько семей карачаевцев. Поэтому друзей и знакомых из числа карачаевцев у меня тоже было очень мало, да и тем было не до меня, они – такие же, как я, бедолаги больше были заняты своими проблемами, заботами и выживали как могли.

Однажды, совершенно случайно, на базаре я встретил парня-карачаевца, мы с ним познакомились, разговорились. Его звали Ахмат, родом он был из аула Красный Октябрь, где жил до депортации мой дедушка Исса-Али – отец моей мамы.

Когда Ахмат узнал фамилию моей мамы (Ижаева), говорит: «Хызыр, я встречал здесь в Пахта-Арале дво-

их родных братьев с такой же фамилией, старшего зовут Ханапи, а младшего Хасанби. Может быть, они твои родственники. Надо тебе их срочно найти и познакомиться, они живут недалеко отсюда, в немецком селе. Раньше я с ними на хлопчатнике работал, по-моему, теперь старший – трактористом, а младший – пастухом работает.

Хызыр, так нельзя жить – одному, ни с кем не общаясь, надо искать своих родственников. Если не будешь общаться, то вскоре забудешь свой язык и вообще кто ты и откуда. У тебя наверняка где-то есть родственники, надо их найти и поддерживать связь со своим народом и близкими, иначе потеряешься в этих бескрайних степях».

Я не стал объяснять ему причины, по которым у меня всё так сложилось и я остался один с малолетними сестрёнками и братиком. То, что надо было искать родственников, я и так знал. Не стал перед ним оправдываться, спокойно выслушал и дал понять, что с ним во всём согласен. Поблагодарил его за информацию, которую он мне рассказал, и пошел по своим делам. Теперь моя задача заключалась в том, чтобы найти этих двух парней Ижаевых, о которых поведал Ахмат, – возможно, они окажутся ещё и моими братьями.

Поехал в село, в котором жили репрессированные немцы из Поволжья. Долго искать парней Ижаевых не пришлось, они были более чем известны среди жителей села. При упоминании их имён отзывались о них, как о хороших, доброжелательных, сильных ребятах. Когда встретился с ними, я сам убедился в этом. Меня переполняли радость и гордость за своих новых знакомых. Они меня сразу же пригласили к себе домой, где мы отметили нашу встречу, посидели, я рассказал историю

нашей семьи. Выяснилось, что они хорошо знали моего дедушку Иссу-Али Ижаева, и объяснили наши родственные отношения. После этого они часто приезжали к нам, а мы с моими младшими ездили в гости к ним. Так получилось, что я больше сдружился с Хасанби. Может, потому, что Ханапи был постарше и посерьёзней нас. Но мне кажется, нас ещё с Хасанби сближало совпадение интересов: он так же, как и я, очень любил лошадей.

Не скрою, после того как познакомился с братьями Ханапи и Хасанби, я чувствовал, что у меня есть надёжная защита и опора. Они нам помогали во всём и всегда поддерживали. (К Хасанби Ижаеву в аул Красный Октябрь мы с отцом ездили неоднократно. Когда встречались мой отец, Хызыр и Хасанби, они могли часами беседовать, вспоминая свои молодые годы, проведенные в Казахстане. В моей памяти Хасанби Ижаев запечатлелся высоким, красивым, краснощёким, с белой бородой добрым дедушкой. – *Авт.*)

Как Хасанби, наверное, меня в жизни никто не понимал. Я также старался его слушать и помогать ему. Все секреты и проблемы я доверял только Хасанби, он был для меня настоящим старшим братом.

Много историй могу рассказать связанных с Хасанби и со мной. Это был человек великолепной души, скромный, честный, благородный. Несмотря на то, что он был физически очень сильным, Хасанби никогда никого не обижал, всем помогал чем мог, его все уважали и слушались.

Расскажу один случай, который с нами приключился.

Приезжаю как-то на ферму, где Хасанби работал пастиухом, и наблюдаю следующую картину. Отрешённо

стоит Хасанби, а двое каких-то незнакомых мне мужчин средних лет таскают из его дома какие-то вещи, конское седло со всеми принадлежностями и грузят их на свою бричку.

Я спрашиваю Хасанби, что происходит, почему они так нагло себя ведут, на что он испуганно отвечает, что они собираются у него забрать его седло. По их словам, кто-то из спецпоселенцев, непонятно какой национальности, украл у них сбрую, седло и другие вещи. Они решили, что я знаю, кто совершил кражу, и требуют, чтобы я назвал их имена. Я отказался это делать, поэтому они забирают мои вещи, хотя знают, что я не виноват. И вообще это сделали не наши люди, среди карачаевцев редко встретишь воришку, это у нас не в чести. Умыкнуть красивую невесту или статного коня это куда ни шло, а воровать чьё-то барахло карачаевец не будет, побрезгует.

– Хызыр, похоже на то, что эти двое – внештатные сотрудники милиции, поэтому ты тоже ничего не говори, потерпи. Пусть забирают, потом мы разберёмся по закону, – говорит, а сам еле себя сдерживает, чтобы не поддаваться провокации со стороны этих наглецов и кинуться в драку.

Обидчики Хасанби вели себя нагло, вызывающе, особенно видя его миролюбивое настроение и зная, что он бесправный спецпоселенец, поэтому вряд ли получит защиту у коменданта – единовластного вершителя судеб спецпоселенцев во всей округе. Один из мужчин начал громко говорить оскорбительные слова, пытаюсь вывести Хасанби из себя. Но ему это не удалось: Хасанби как стоял молча, так и продолжал стоять, не предпринимая даже малейшей попытки воспрепятствовать их действиям.

Не выдержав такой несправедливости, я решил вмешаться в это дело. Спрашиваю: «По какому праву вы забираете конские принадлежности для запряжки и седлания у моего брата?»

На свой вопрос получил ответ в очень грубой форме с оскорблениями. Тогда, не дожидаясь дальнейших оскорблений и долго не раздумывая, прямо с седла своей лошади начал хлестать плёткой этих мужчин, обоих по очереди. Затем слез с лошади, взял в руки вилы и направился к мужчине, который пытался нас оскорблять, он же взял седло Хасанби и положил в свою бричку.

Приблизившись к нему, говорю, в приказном тоне: «Верни всё, что взял, и положи на место, либо я вам сейчас животы обоим проткну, быстро, я не шучу!»

Товарищ его испугался и застыл на месте, а этот, надеясь, что я не сделаю сказанного, наступает на меня, демонстрируя всем свою смелость. При этом он нецензурно выражался и оскорблял меня и Хасанби. Потом он начал оскорблять не только нас, но и весь карачаевский народ: «Бандиты, людоеды, нет от вас никому покоя, были бы вы такие хорошие, сидели бы у себя дома». Когда я услышал эти слова, у меня, наверное, мозги совсем отключились. Вдруг слышу, Хасанби кричит: «Хызыр, не надо, не делай этого, успокойся!» – но я не мог себя успокоить, я был очень разъярён и готов был убить этого провокатора и подлеца.

В последний момент я собрал все свои силы, немного успокоился и остановился, стою, воткнув вилы в землю. Жду, дав ему шанс, чтобы одумался, но он и не собирался выполнять то, о чем я его попросил. Наоборот, почувствовав, что я для него не представляю опасности, начал смело ко мне приближаться. Тогда я вонзил в него

вилы. На его или моё счастье, он успел повернуться боком ко мне, и я проткнул ему левую ягодицу насквозь. Он заорал нечеловеческим голосом, но вилы вытаскивать из его мягкого места я не спешил. Начал его таскать по сторонам: куда поворачивал вилы, туда он послушно шёл. Он выглядел как шашлык на шампуре.

Его товарищ быстро скинул с брички всё, что они хотели забрать у Хасанби, запрыгнул на неё и стал погонять свою лошадь. Когда наш обидчик начал плакать как ребёнок, я вытащил вилы из его ягодицы. Он быстро, прихрамывая, побежал вдогонку за бричкой, сел на неё, и они, издали угрожая нам жестами, скрылись из виду.

Хасанби был сильно расстроен и говорит мне: «Надо было потерпеть, зачем ты поспешил, теперь нас посадят, тебя как несовершеннолетнего, может, и не посадят, а вот мне точно тюрьма грозит».

Я засмеялся, а потом спрашиваю: «Хасанби, а тебя – то за что в тюрьму сажать? Или за то, что ты такой большой, сильный не смог остановить меня, несовершеннолетнего подростка, который нахулиганил. За это, что ли?» – издеваюсь я над сконфуженным Хасанби.

Тогда он заулыбался, ему стало стыдно передо мной, видимо, подумал, что его бездействие будет мною расценено как трусость, и говорит: «Ну ничего, будь что будет, правильно ты сделал, пусть знают, что за хамство надо отвечать».

Хасанби был не из трусливых людей, просто он хотел мирно уладить сложившуюся ситуацию. Он и без меня, одной только рукой мог бы с ними обоими справиться, но не хотел этого. Из-за моей необдуманности и вспыльчивости сорвались его планы.

Как выяснилось позже, Хасанби действительно было известно, что какие-то молодые ребята украли седло, но

он не знал, кому оно принадлежало. Поэтому он терпеливо ждал, пока они заберут его седло и уедут. Он хотел сам разобраться с настоящими виновниками, вернуть украденное седло хозяевам и забрать свои вещи обратно.

Вскоре подъехала милиция и нас арестовали, привлекли к административной ответственности в виде ареста на пятнадцать суток.

Вот так мы с Хасанби вместе отбыли пятнадцать суток в подвале.

По возвращении домой Хасанби нашёл вора, забрал украденное седло, вернул его хозяевам и объяснил им ситуацию. Но он так и не сказал ни им, ни милиции, из-за кого же мы все пострадали. Таков был мой друг и брат Хасанби.

КЁКПАР

В наше время не было телевизоров, клубов, театров. Несмотря на это, люди, даже находясь в условиях депортации, умели отдыхать и веселиться, отмечать праздники, если выпадала такая возможность от непосильной работы. Молодые ребята играли в мяч, в кости, устраивали соревнования по бегу или прыжкам. На поле устраивали различные гуляния, пели песни, – короче говоря, жизнь кипела, несмотря на различные запреты и ограничения, в том числе на использование нашего родного языка.

Казахи народ весёлый, жизнерадостный, со своими богатыми традициями, культурой, национальными играми. Когда отмечали какой-нибудь праздник, мы с большим удовольствием смотрели и радовались, как они умели проводить свой досуг, устраивая концерты, скачки на лошадях, играя в кёкпар. Бывало, что и мы, ссылные, принимали участие в этих праздниках.

Большой популярностью пользовалась конно-спортивная игра кёкпар, в нее играли практически все азиатские народы. Мне она тоже очень нравилась, может быть, из-за моего неравнодушного отношения к лошадям.

Проведение кёкпара было грандиозным событием для жителей наших совхозов и аулов. Это очень интересная игра, со своими особенностями, установленными правилами. Главный её смысл заключался в том, что мо-

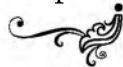

лодые ребята могли продемонстрировать свои навыки верховой езды, силу, ловкость, хитрость и многие другие качества джигита. Побеждал в этой по-настоящему мужской игре, как и в любом спорте, сильнейший. Победителей этих состязаний зрители считали своего рода звёздами. Нескромно, конечно, себя хвалить, но скажу, что одним из популярных игроков в нашем округе считался и я. Не помню уже, сколько раз я побеждал, но не меньше десяти, а может быть и больше. Будучи ещё юнцом, я уже имел своих достойных соперников, которые вполне серьёзно меня опасались и недолюбливали, а может быть даже побаивались как сильного соперника. Когда я приезжал в очередной раз, чтобы поиграть в кёкпар, их болельщики показывали на меня пальцем и злобно говорили: «Ит къарачайны баласы кельди» («пришёл собачий сын карачаевский». - *Авт.*), сейчас всех победит, у него хорошая лошадь. Были и те, которые болели за меня и поддерживали. Они кричали: «Давай, орёл-кавказец, покажи им всем, на что ты способен».

Игра обычно начиналась ближе к обеду и продолжалась до победного конца.

Для кёкпара используется туша козла, так как шкура этого животного считается прочной и разорвать её не так легко.

Обычно мы делились на две команды, бывало по двадцать наездников. Как правило, команды формировались по аулам или совхозам, районам, – когда как. Тушку козла судья оставлял в центре поля, команды от неё отдалялись в противоположные стороны друг от друга, по сто метров от центра поля, затем по сигналу судьи устремлялись к тушке козла. На участника, который первым поднял тушку с земли, нападали сопер-

ники и начинали отбирать у него тушку. Вот тут-то начиналась настоящая схватка, некоторые непорядочные игроки начинали хлестать плётками своих соперников, бывало доходило до драки. Но победителя, как говорится, не судят. По такому принципу приходилось играть и мне. Как и в любом спорте, надо было соображать быстро и грамотно, быть ловким, смелым, выносливым и сильным. А самое главное, у игрока должна была быть надёжная, быстрая и сильная лошадь. Скаковые лошади, которые побеждали на скачках на различные дистанции, не всегда могли хорошо выступить в кёкпаре, или не хватало выносливости и задиристого характера. Поэтому для этой игры нужно было специально дрессировать лошадей. В противном случае в кёкпаре делать нечего, быстро отберут твою добычу.

По условиям, надо было сорвать тушку с земли, и подобно тому как в футболе игроки пасуют мяч друг другу, передавать кёкпар сильнейшему или самому скакать с трофеем до конца к цели, то есть до ближайшего дома и закинуть тушку во двор. Победу можно было одержать как командную, так и личную.

Игра в кёкпар.

Осенью 1950 в года очередной раз объявили о том, что состоится кёкпар. Приехали на этот раз сильнейшие игроки из разных районов, отдаленных аулов, совхозов нашего района. Участники были разных возрастов, ведь игра затевалась на звание абсолютного чемпиона нескольких районов. Каждый участник выступал сам за себя. Всего собралось более полусотни участников.

Как только судья подал сигнал к старту, я практически в числе первых подоспел к тушке, но сорвать с земли мне ее не удалось. Когда кёкпар подняли с земли и начали раздирать, я чудом вырвал его из многочисленных рук, резко оторвался от основной массы игроков и поскакал в сторону аула. На полном скаку, прижав коленом тушку козла, несусь галопом к цели. Интуитивно чувствую за собой погоню, плотно на хвосте моего жеребца скачет лошадь соперника, обернувшись, я разглядел казаха по имени Батыбек. С ним мы были знакомы, он физически крепкий парень, возрастом лет тридцати. Моя лошадь начала нервничать, когда лошадь Батыбека сравнялась с нами. Батыбек попытался вырвать у меня кёкпара, но ему это не удавалось, так как я сидел на туше козла и умудрился ещё как-то замотать её верёвкой к седлу. Поняв это, Батыбек очень разозлился и начал хлестать меня плёткой по спине. Выяснять отношения на скаку или драться не было смысла, он был почти вдвое старше меня, крупнее и сильнее. Да и терять из-за него победу не хотелось. Поэтому я терпел избиение плёткой и продолжал скакать, а он ничего не мог сделать, вырвать у меня кёкпара не получалось. Тогда он начал кричать, всячески обзывать меня, ругаться, провоцируя на драку. Но я его не слушал и продолжал скакать, совсем отпустив уздцы, и немного оторвался от него. Увидев слева

внизу обрыва дом, до которого в объезд было метров триста, я долго не раздумывая повернул в сторону дома и хлестанул свою лошадь плёткой, крича: «Давай, друг, не подводи меня!» И мы прыгнули с обрыва вниз. К несчастью, лошадь при приземлении провалилась в песок до самых колен и опрокинулась, переломав свои передние ноги. Я слетел с седла и кубарем покатился в одну сторону, Кёкпар упал в другую. В состоянии спортивного азарта я не сразу понял того, что произошло, не чувствовал боли. Лежа на земле, начал озираться по сторонам. Смотрю, на верху обрыва стоит Бытыбек, смотрит вниз и качает головой. Поняв, что он не успеет доскакать до финиша раньше меня, постоял немного, понаблюдал за мной, сел на своего коня и ускакал. Тогда я взвалил на себя тушку и направился пешком к дому, который находился в метрах двадцати-тридцати. Хозяева выбежали мне навстречу, начали обнимать, радостно поздравлять, предлагать свою помощь. Но я все же сам дотащил Кёкпара до двора и бросил его на землю. Хозяин дома говорит: «Я думал, что ты к нам во двор на лошади залетишь, орёл кавказский», – а сам смеётся. Но мне было не до смеха, надо было спасти свою покалеченную лошадь, я извинился и быстро побежал к ней. За мной пришли хозяева праздничного дома. Когда я подошёл к лошади, она лежала, уткнувшись грудью в землю, взмыленная, измученная, пытаясь встать на ноги, тяжело дышала и фыркала. Глаза ее были в слезах и жалобно смотрели на меня, мне казалось, что она хотела что-то сказать. У меня на душе было тяжело и мутно. Жалость, горечь, обида, чувство вины перед своим верным другом сменяли друг друга в моем опустошенном сознании. На глаза невольно навернулись слезы.

– Прости, друг, не уберёг я тебя, – произнес я через силу.

Вот такой печальной была моя последняя победа в этой игре, которая называлась кёкпар. Она мне стоила потери моей любимой лошади, которую вылечить так и не удалось.

Больше в кёкпар я никогда не играл.

Есть карачаевская пословица: «Один свадьбу играет – другой лошадь убивает». Это, видимо, про таких, как я.

БУЛАН

Как-то раз я невольно подслушал разговор нашего зоотехника и его напарника. Он рассказывал, что привезли лошадь со знаменитого Луговского конезавода № 97 и хотят пустить на мясо. Луговской конный завод был создан в 1934 году, когда поголовье лошадей знаменитой ахалтекинской породы было переведено сюда из Джамбульского конезавода. Лошади Луговского конного завода являлись постоянными участниками и призерами Всесоюзных сельскохозяйственных выставок, а также конно-спортивных соревнований на ипподромах СССР. Один из самых известных скакунов, прославивших Луговской конный завод, – вороной жеребец Абсент. Он родился в 1952 году от серого Араба и буланой Баккары. Абсент – символ легендарной ахалтекинской породы. В советские времена Абсент был чемпионом XVII Олимпийских игр в Риме (1960 год), бронзовым призером XVIII Олимпиады в Токио (1964 год), призером XIX Олимпийских игр в Мехико (1968 год). Он семикратный чемпион СССР по выездке, обладатель титулов «Лучшая спортивная лошадь мира» (1968 год), «Король среди королей», «Черный лебедь»...

«Такой красавец жеребец, но ведёт себя как дикая необъезженная лошадь. Никто не может на него сесть верхом. По моему мнению, у него приобретённое, после неправильной дрессировки, скверное поведение, и на его счету уже несколько пострадавших тренеров, – продол-

жал свой рассказ зоотехник. – Пострадал племянник директора совхоза, после чего он распорядился, застрелить эту лошадь и пустить на мясо. Эх, если бы я был чуть моложе, постарался бы его приручить, – мечтательно говорил зоотехник. – Уже полгода не подпускает к себе никого, совсем одичал. Не дай бог сорвется с привязи, тогда ищи ветра в поле. Поэтому и держат бедную лошадку взаперти в сарае, как зверя какого-то».

«Что это за лошадь, про которую ты рассказываешь?» – спросил я зоотехника, стора от любопытства. «Хызыр, думаю, она тебе тоже понравится, ведь ты знаешь толк в лошадях». – «Давай поедем покажешь, как можно её посмотреть», – заторопился я. «Это недалеко, спросишь у ребят в соседнем селе – они тебе скажут, в какой конюшне эта лошадь».

Я так сильно загорелся, что ночью спать не мог. Утром сказал Ёске – своему двоюродному брату, что хочу поехать посмотреть чудо-лошадь из Луговского конезавода, про которую вчера зоотехник рассказывал. Если она понравится, я хочу купить её.

Пока я рассказывал Ёске про свои планы по поводу приобретения нового коня, подошёл дядя Юнус и спрашивает, куда это я так спешно собираюсь. Я ему тоже начал рассказывать, но он прервал меня и говорит: «Запомни, Хызыр, если лошадь после дрессировки приобрела плохое поведение, то лучше к ней не подходить. Такая лошадь, причём с плохим характером, очень опасна для наездника, она может убить человека одним ударом копыта или загрызть. Ты только начал жить, ни семьи, ни детей – покалечишься. Зачем это тебе нужно? Смотри – у тебя целый табун, можешь себе выбрать самую лучшую лошадь. Чем тебя не устраивает твоя лошадь?»

Сколько ты на ней скачек побеждал. Я прошу тебя, не надо связываться с этой опасной лошадью. Выбери себе нормального молодого жеребца и дрессируй его: хочешь – для скачек, хочешь – для езды. А про ту лошадь забудь, не нужна она тебе. Кстати, вы Умара одного оставили табун пасти? Лучше отправляйтесь ему помогать, не оставляйте его одного. Мало ли, табун большой, не дай Аллах потеряет лошадь».

Я ответил дяде Юнусу, мол, просто хочу посмотреть на эту лошадь, а может, она мне и не понравится, тогда и не буду её брать.

Ёска и я вскочили на своих жеребцов и рванули на пастбище, где пасся наш табун. Я никак не мог успокоиться и говорю Ёске, что очень хочу посмотреть эту лошадь. «Только нашим дядям ничего не говори, – попросил я. – Если Зулкарнай и Харшим узнают, тогда пиши пропало, влетит мне за такой поступок».

«Давай ты к Умару на помощь, а я к вечеру буду дома», – сказал Ёске и поскакал смотреть хвалёную лошадь.

Когда подъехал к конюшне, недалеко от неё увидел нескольких местных ребят. Я слез с лошади, подошёл к ним, поздоровался и спросил: «Мне сказали, что у вас лошадь мясную продают. Я слышал, что она ещё и людей убивает». Сам при этом смеюсь. Один из них говорит: «Есть такая лошадь, убивает или нет, не знаю, но мяса в ней как у хорошего быка. Если хочешь купить, могу показать».

Мы направились в сторону длинной конюшни. По пути этот парень спрашивает меня: «ты же табунщиком работаешь? Меня зовут Олжас», – и протягивает руку. – «Да я табунщик, меня зовут Хызыр», – отвечаю я.

«Хызыр, послушай, я должен сказать, что продам эту лошадь, если только ты её зарежешь, на мясо, она стала дикой, для езды не пригодна. Ты табунщик и знаешь, что обучать дурных, одичавших лошадей нет смысла». – Это точно», – говорю я, чтобы поддержать разговор. Мы подошли к двери, и он говорит: «Вот отсюда надо стрельнуть в неё, а потом зарезать, ребята тебе помогут. Можно будет поменять на другую, взрослую лошадь, если немного доплатишь, в общем, договоримся», – продолжал Олжас.

Я заглянул в щель двери и увидел лошадь, настороженно смотревшую в мою сторону и нервно шевелившую своими ушами. Затем, опираясь на доску ногой, я заглянул через верх двери вовнутрь сарая и разглядел её лучше. Она была очень стройная, красивая, шерсть буланой (желтовато-песочной) окраски, стать выдавала её породистость. «Во Булан», – сказал я - и с этого момента её звали Буланом. Мы с Буланом встретились взглядами и поняли друг друга.

Соскочив с доски, спрашиваю хозяина: «за сколько ты окончательно отдашь эту лошадь? Он называет цену, сколько тенге это было, уже не помню. Но мы договорились, что за лошадь отдам двух годовалых жеребцов, одного крупного барана и ещё подарю свой нож. Мы с Олжасом пожали друг другу руку согласия и заключения договора.

Когда вернулся на наше пастбище, Ёска и Умар ужинали.

«Ну что, Хызыр, посмотрел лошадь, как она?» – спросил Ёска. «О, если бы ты видел, какая статная, красивая и думаю, что очень быстрая», – молвил я с удовольствием. – «Зоотехник же говорил, что она дурная. Не знаю, мне

так не показалось, думаю, просто надо её еще подрессировать. Она очень сильная, холённая, и, скорее всего, те, кто её дрессировали просто боялись её. «Только теперь надо будет посмотреть и подобрать из жеребцов двух хороших, рассчитаться с хозяином и завтра же забрать эту лошадь. Потом я продам своего коня и верну жеребцов в табун. Только, Ёска, Умар, я прошу вас – дядям ни слова, обещаете?»

В этом отношении Ёске можно было доверить всё, что угодно, никогда никому ни слова не скажет, это человек-могила, Умар тоже умел хранить секреты.

Рано утром я взял свой аркан (сплетённая верёвка с петлюю на конце. –*Авт.*), его я сплёл сам из грив и хвостов, взял нож для подарка, привязал двух жеребцов за уздечки к своему седлу и поскакал за лошадью, я назвал её Буланом.

Когда я подъехал к ферме, пастухи выгоняли скот, доили коров. Хозяин, с которым я договорился о сделке, увидел меня и говорит: «Давай твоих жеребцов, загоняй вот в этот сарай, а лошадь зарежем позже, сейчас пойдём позавтракаем. Мы посидели, поели, поговорили о том о сём, и я в конце сказал, что резать лошадь я не собираюсь, погоню её к себе в табун. «Ну ты, Хызыр, табунщик опытный, тебе видней, а так если хочешь, мы тебе поможем». Я поблагодарил, сказал, что барашку привезу позже, отдал ему нож. И мы направились в сарай за лошадью. Я взял аркан, сел на свою лошадь и, подъехав к двери сарая, открыл её. Как только дверь открылась, лошадь сильно подпрыгнула, ударила копытами задних ног балку сарая. Затем попыталась встать на дыбы и ударилась головой об эту же балку. При этом она утробно ржала, храпела, угрожающе клацала зубами, безум-

но выкатив свои огромные горящие глаза. Стала даже жутковато при виде этой необузданной силы и мощи. Я понял, что ловить в сарае на аркан или привязать этого дикого дракона невозможно и очень опасно. Поэтому я решил выпустить его на улицу, а затем гнать до тех пор, пока он сам не выдохнется. Когда я открыл дверь, хозяин с другой стороны сарая пугнул ее.

Лошадь пулей выскочила из сарая на волю, и давай веселиться, скакать и взбрыкивать. Здесь я её разглядел в полной красе. На солнце её насыщенная ярко-жёлтая окраска шерсти засверкала золотистым отливом, на её лбу было круглое белое пятно, нижние части ног, кроме левой передней ноги, были белого цвета. Картина, а не лошадь, подумал я и радостно поскакал за ней. Она несколько раз отрывалась от меня, затем немного успокаивалась. Когда мы подъехали к полю, на котором корейцы выращивали рис, я поторопил свою лошадь, приблизился к Булану и закинул на его шею аркан. Булан будто взбесился, начал прыгать выше уровня моего седла, пытаясь освободиться. Другой конец веревки я привязал к лошади, на которой сидел, так она бедная за малым не упала, когда Булан начал вырываться от нас.

Наконец, как и планировал, я затащил Булана в заболоченную мочажину, здесь она уже не могла так резво скакать и быстро устала.

Вот так, с первого же дня, началась дрессировка Булана. Из нас кто-то должен был победить, и желательно, чтобы это был я, размышлял я мечтательно в тот момент. В конце концов так и получилось.

Когда я приехал верхом на Булане к дяде Зулкарнаю, тот махнул рукой, покачал головой и говорит: «Сени коркутурукъ бир зат болмаз» («Наверное, нет ничего, что тебя может испугать». – *Авт.*).

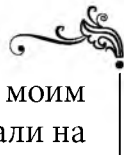

*Хызыр Хубиев на Булане,
Джанбульский район, 1955 год.*

Со временем я мог на Булане уверенно джигитовать, спокойно, без опаски проходить у него между ног. Он меня слушался, беспрекословно выполнял все мои команды.

Я уделял ему много внимания, постоянно кормил овсом, свеклой, морковью, давал запаренный картофель. Постоянно проводил с ним различные тренировки. Я знал почти всех лучших лошадей Джамбульского района и был уверен, что со временем Булан победит на скачках.

Обычно, чтобы хорошо натренировать скаковую лошадь, надо с ней работать не менее двух лет, естественно, если она генетически предрасположена к скачкам. Булану было два с половиной года, самое время для участия в скачках, но соответствующих навыков у него пока не было, поэтому с ним я не торопился на скачки. Только через год я первый раз на нем выступил на районных скачках и занял первое призовое место. Бу-

лан стал очень популярной лошадей и большим моим другом. Впоследствии мы с ним много раз побеждали на различных соревнованиях.

СВАДЬБА ДРУГА

С января 1957 года карачаевцы стали активно готовиться к возвращению на Кавказ, на свою родину. К этому времени были приняты различные законы, указы органов государственной власти страны и на местах о нашем возвращении, создании Карачаево-Черкесской автономной области, о порядке и сроках переезда депортированных народов на свою историческую родину. Ослабили жестокость, прижали хвосты и потихоньку стали сворачивать свою деятельность спецкомендатуры. Мы стали смело и не боясь наказания ездить в гости и по делам за пределы своих сёл, районов и областей. Притихли, куда-то попрятались и те редкие, обжившие раньше нас эти края негодяи, которые, пользуясь беспорядком карачаевцев, пытались оскорбить, унижить, спровоцировать нас перед комендантами на драки, огульно обвинить нас в том, чего мы не совершали. Даже местное начальство стало к нам поласковее и внимательнее.

Многие карачаевцы, не дожидаясь официального разрешения властей и обещанного бесплатного транспорта, за бесценок продавали или просто бросали свои жилища, скот, имущество и тайком своими силами добирались к себе на родную землю – Кавказ.

И тоже активно начали продавать всё нажитое имущество, дом, скотину, бытовой инвентарь, чтобы не везти с собой. Естественно, всё это покупалось местными за бесценок, они видели, что мы готовы бросить всё, лишь бы быстрее вернуться к родным очагам.

Я вспомнил слова моего друга - старика Абая, который говорил, чтобы я при первой же возможности возвращался на свою историческую родину – Кавказ, даже если мне будет здесь очень хорошо. Действительно, нам было уже хорошо, мы были не плохо устроены. У нас появилось много знакомых и друзей, я начал совмещать вечернюю школу с работой. Здесь, наконец, была похоронена наша мать. Но в душе всё равно тянуло на Кавказ, в свой родной аул Къарт-Джурт. Меня не покидала мысль о том, что мой отец жив и он обязательно вернется домой. Ведь сообщения о том, что он погиб, не было, было официальное извещение о том, что он пропал без вести, поэтому мы не теряли надежду и молили Аллаха об этом.

Пока мы ждали своей очереди для отъезда на родину, я решил съездить на денёк в Келесский район, поискать могилу своей матери, да и совхоз, в котором мы жили первое время ссылки, стал для нас родным.

Рано утром сел на своего Булана, набил подарками и угощениями мешки-артмаки и поехал в гости к своим друзьям детства.

Приехав на место, увидел, что здесь уже все изменилось, совхоз «Пахта-Арал» стал цветущим городом-садом в пустыне, школой передового опыта хлопководства, люди стали жить лучше, богаче, кругом новые дома. Красивые улицы, дороги.

Я подъехал к дому своей тёти, посмотрел со стороны, заходить не стал, – видимо, я так и не смог простить свою обиду на зятя. Поехал к могиле своей матери, долго её искал, но, к сожалению, не нашел. Там, где она была похоронена, появилось много новых могил, они были беспорядочно разбросаны, многие были без памятни-

ков, а некоторые из них, особенно первые захоронения, были перерыты. Вспомнить точное место, где мы ее похоронили, я так и не смог. У меня на душе было очень скверно и тяжело. Посидев на кладбище и помолившись за душу моей мамы, поехал к своим друзьям. Здесь у меня их было много.

Первым, кого я встретил, был друг Хусея Манап. Он меня сразу же узнал. Это был уже крепкий подросток лет шестнадцати.

Манап и Хусей были неразлучные друзья, раньше они вместе разводили домашних кроликов, цыплят, ходили вдвоем на рыбалку.

Помню, как-то раз, в детстве, они вдвоем решили пойти поплавать в оросительном канале, но об этом никому ничего не сказали. Соседи, видевшие Хусея и его друга, идущих в сторону канала, сообщили мне об этом. Я забеспокоился и немедля бросился вслед за ними. Как только добежал до канала, навстречу мне вышли дети и испуганно стали в один голос кричать, что Хусей и Манап тонут.

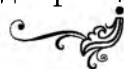
Я подбежал к воде и увидел сначала отплывающую белую войлочную шляпу Хусея, – у меня аж ноги подкосились, но надо было побыстрее спасти ребят. Тогда я в полной мере почувствовал, что такое брат, родная кровь, в первые мгновения я думал только о Хусее, а потом уже о Манапе. Быстро снял с себя одежду и изо всех сил побежал догонять тонущих детей. Я бежал по берегу, пытаюсь разглядеть, кто из них кто. За камышами их сложно было увидеть, оба пытались плыть, но течение уносило их. Наконец я сравнялся с ними и через камыши прыгнул в воду. Подплыл сначала к Хусею, вытащил его на берег, а потом вытащил Манапа. Они были так

перепуганы и дрожали, что мне стало жаль их ругать. Я был счастлив, что удалось спасти своего младшего братика.

Вот такой был случай у меня с Манапом и Хусеем. А теперь Манап повзрослел, окреп. Я слез с лошади, держа её за уздцы и слушая Манапа, направился в сторону дома своего самого лучшего друга Халила. Когда подошли к дому Халила, я попрощался с Манапом и записал ему наш адрес. Он попросил передать большой салам своему другу Хусею. В доме Халила кроме его мамы никого не было. Когда она меня увидела, пригласила в дом и начала накрывать на стол, рассказывая о том, как им живется, и расспрашивая о моей жизни и о моих младших. Она также рассказала о Халиле, о том, что они хотят его женить.

«Хызыр, помнишь Жусипа, – у него три брата и сестра Жанагюль, вот наша невеста и есть Жанагюль». Я вспомнил Жусипа, это был хороший, крепкий парень, возрастом постарше нас с Халилом, он был старший в семье. Жанагюль была предпоследним ребенком, единственной девочкой в семье, её я тоже вспомнил. «Понятно, – сказал я, – так когда женим моего друга?» – спросил я маму Халила. «Эй балам, хоть сегодня», – ответила она. «Ну женим – так женим, – решительно поддержал я её и встал. – Только надо нашего друга Азиза ещё найти. У меня времени мало, надо домой возвращаться, поэтому сегодня мы его и женим», – продолжил я. И начал выходить из дома, мама Халила одобряюще кивала мне. К этому времени пришел Халил и мы с ним разыскали Азиза. Собрались и другие ребята во дворе Халила, но никто о моих планах не знал. Мы просто отмечали мой приезд, о свадьбе и речи не было. Сидели во дворе

дома, было уже поздно, но расходиться никто не хотел, мы вспоминали о разных случаях из нашей жизни, смеялись, веселились. Вдруг я говорю ребятам, что никто никуда не расходится, мы сегодня женим нашего друга Халила. Сначала никто не поверил, но когда я сказал, что сейчас Азиз, Халил и я поедem за невестой, и если не верят мне, могут спросить маму, которая тоже ещё не ложилась спать, мне поверили.

*Хызыр Хубиев со своим другом Халилом,
с.Пахта-Арал, 1950 год.*

«Халил, садись на мою лошадь, мы с Азизом поедem на его лошади, а вы ждите нас здесь», – сказал я ребятам и мы поехали к дому невесты.

Едем, а Халил говорит: «Хызыр, какая резвая лошадь, я никогда в жизни не садился на такую лошадь». Я не стал его пугать характером моей лошади, только рассказал, как в прошлом году эта лошадь заняла первое место и выиграла приз секретаря райкома партии.

Когда мы приблизились к дому Жусипа, я соскочил с лошади и сказал Азизу: «Возьми мою лошадь, оставайся здесь и жди, пока мы выйдем. Как увидишь нас, скачи к нам». Мы с Халилом пошли дальше пешком, а Азиз остался ждать нас в начале улицы.

Подойдя к дому, я аккуратно открыл калитку и зашел во двор, а Халил за мной. Неожиданно для нас зарычала собака и бросилась на меня. Видимо, сработал инстинкт самосохранения, я схватил собаку за шею и начал её душить.

Увидев происходящее, Халил испугался, выбежал на улицу, потом сообразив, что делать, резко снял с себя ремень, начал им, как намордником, перевязывать челюсти собаки. Мы вдвоем вынесли со двора на улицу скулящую от страха собаку и привязали её к забору. Стали ждать, пока не успокоятся соседские собаки, которые всполошились на шум и начали громко лаять.

На счастье собака меня не укусила, только немного поцарапала шею, пытаясь цапнуть меня за горло.

Собаки утихли и мы смело пошли в дом, где по нашим сведениям должна была быть только Жанагюль со своей матерью и младшим братом. Но когда зашли в дом, увидели, что людей здесь было гораздо больше, чем мы предполагали. В комнате у входа в дом спали отец с матерью, дальше в комнатке спал Жусип и один из его младших братьев. В самом конце второй комнаты спала Жанагюль.

Обратного пути у нас не было, и мы потихоньку пошли, перешагивая через спящих людей, к нашей цели – Жанагюль, чтобы умыкнуть её. Приблизившись к ней, я показал жестами Халилу, чтобы он взял её со стороны ног, а сам беру Жанагюль со стороны головы и поти-

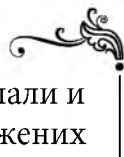

хоньку начинаем поднимать её матрац. Она проснулась, и тогда я резко зажал ей рот, чтобы не разбудить остальных, мы с нашей пленницей на руках быстро начали выходить из дома. Чувствуя, что Жанагюль начинает задыхаться, я немного освободил ей рот и она во весь голос начала кричать. Её слова я запомнил на всю жизнь. Она кричала: «Ой экей, ой апас, ой Жусип» (так она звала на помощь своего отца, мать и брата Жусипа).

На наше счастье Азиз с лошадьми стоял наготове возле калитки. Мы быстро выскочили из дома, Азиз помог Халилу подать мне Жанагюль на мою лошадь, я пулей взлетел на Булана и мгновенно сорвался с места, придерживая рукой нашу ценную пленницу. Друзья скакали за мной верхом на одной лошади. Когда я объяснил Жанагюль, в чем дело, она успокоилась и мы привезли её в дом Халила. Я, не дожидаясь приезда братьев Жанагюль, сам поехал к ним навстречу.

Только отъехал от дома своего друга Халила, как увидел в метрах двухстах-трехстах двоих скачущих всадников. Было не трудно догадаться, что в три часа ночи это могли быть только братья Жанагюль, которые бросились на поиски своей сестры.

Мы встретились с ними, поздоровались, Жусип меня сразу же узнал. «Хызыр, так это ты так ловко украл нашу сестру?» – спросил Жусип. «Какую сестру, вы о чём?» – спросил я как ни в чём не бывало. – Ничью сестру я не крал, я только приехал. Еду к тебе, чтобы переночевать, с дороги очень устал. Давно здесь у вас не был. Вы-то куда на ночь глядя собрались?» А сам смеюсь, не могу удержаться. Младший брат Жусипа Жуман заподозрил неладное и говорит: «Это точно они. Хватит, Хызыр, говори, где наша сестра!»

Я продолжаю над ними шутить: Если вы проспали и прозевали свою сестру, то я причём? Видно, этот жених намного шустрее, чем вы – все четыре брата. Если не хотите меня к себе пригласить, буду искать другое место, где можно будет переночевать».

Тогда Жусип говорит: «Хызыр, езжай ночевать к нам домой, там наши отец и мать, только они тоже очень расстроены. Мы как найдем свою сестру, приедем».

«Жусип, слушай меня, ты успокойся, твоя сестра Жанагюль вышла замуж за нашего хорошего друга Халила. Если бы она не была согласна, я бы её сейчас же привез к вам домой. Я специально ехал к вам сообщить об этом, чтобы вы не переживали. Дай Аллах, чтобы они стали счастливой семьей», – сказал я. Жусип со злости и обиды заплакал.

На следующий день мы сыграли свадьбу. Вот так женили мы нашего друга Халила на красавице Жанагюль. У них сложилась хорошая и дружная семья.

На свадьбу своему лучшему другу я подарил своего любимого Булана.

Где-то через месяц мы вернулись к себе на историческую родину – Кавказ.

РОДИНА

Одними из тех, кто первыми вернулся из мест депортации карачаевского народа на свою историческую родину – Кавказ, была и наша семья – я, мои брат Хусей, сёстры Муслимат и Мариям.

В ноябре 1943 года, когда выселяли карачаевский народ насильно, под дулами автоматов, сгоняя как изгоев с исконной родной земли в телячьи вагоны для отправки на чужбину, мы были детьми-несмышлёнышами. Мне, старшему в семье ребёнку, было около девяти лет, а младшей Мариям два годика. Конечно же, мы тогда не понимали происходящего ужаса, почему нас, ехавших в гости к своему дедушке в аул Красный Октябрь, прямо с дороги военные с оружием в руках спешно погрузили в грузовую машину, затем отвезли на железнодорожную станцию и в набитом людьми душном вагоне отправили в неизвестность.

Прошли годы. Мы, дети-спецпереселенцы, повзрослели в чужом краю и как манкурты стали забывать свою родину, язык, культуру, свой отчий край. Для меня и моих младших её заменил Казахстан. Здесь прошли мое детство и юность, я обрёл друзей, прошёл через тяжёлые испытания. Научился взрослой жизни и труду. Здесь, наконец, я похоронил свою любимую маму и лишился без вести пропавшего на войне отца. Чужие люди, как могли, помогали мне выжить, но они не могли заменить мне отца, мать и потерянную родину.

Слава Всевышнему Аллаху: несмотря ни на какие испытания судьбы, я, как мне кажется, всё-таки сохранил в себе и своих младших нашу национальную отличительность, основные черты карачаевского народа, наш родной язык и культуру, память о предках, историю семьи Хубиевых до седьмого колена.

Потерявший свою национальную идентичность (миллетлик. – *Авт.*) теряет свою родину, язык, национальную культуру, внутренний стержень и разлагается изнутри как личность и становится подобен траве перекасти-поле, которая бесконечно катится по степи то туда, то сюда – куда подует ветер.

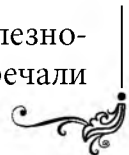
Помни, Ислам: такой человек, как дерево без корней, никогда не будет патриотом – ни своего народа, ни своей страны. Если ты не любишь свою семью, фамильный род, свой родной народ, ты никогда не полюбишь других людей, другой народ и судьба страны будет тебе безразлична. Для таких людей родина там, где хорошо кормят, а не там, где родовые корни растут.

Об этих вещах часто говорил мой любимый старик Абай.

«Кыдыр, даже если тебе будет очень хорошо здесь, на казахской земле, возвращайся к себе на родину – Кавказ. У каждого человека должна быть своя родина, на которой он должен жить, растить детей, возделывать родную землю и охранять свой отчий край» – наставлял меня, юнца, старый мудрый казах.

Как только появилась возможность вернуться, в течение короткого времени, продав всё наше имущество за бесценок, я и мои младшие вернулись домой на Кавказ.

Весной 1957 года мы прибыли поездом на железнодорожную станцию Усть-Джегута. Здесь нас встречали

хлебом-солью, музыкой и песнями представители русского, черкесского, абазинского, ногайского и других народов Карачаево-Черкесии.

Нашей радости не было предела, каждый непроизвольно повторял, что наконец-то мы вернулись на родину, старики говорили: «Тюзлюк тюзде къалмайды» («справедливость не может не восторжествовать». – *Авт.*).

Мне очень запомнился тот тёплый весенний день. Он был необычным днём в моей жизни. На голубом небе светило яркое горное солнце, веял нежный воздух, вокруг буйно цвели деревья и кустарники, сама природа радовалась нашему возвращению.

Несмотря на то, что мы были в дороге несколько суток, я не чувствовал усталости. На сердце было легко и радостно, хотелось бежать не останавливаясь до самого Карт-Джурта, моего родного аула, которого мне не хватало целых четырнадцать лет. «Ровно четырнадцать лет назад нас насильно выселили из этих красивейших мест», – думал я. Волнение и радость встречи с родной землёй, горечь и обида за пережитое, за незаслуженное выселение целого народа переполняли мою душу. Я представлял себя орлом, которого посадили совсем ещё маленьким в клетку, вырастили в ней и потом отпустили на свободу. Даже для меня, уже взрослого парня, встреча после долгой разлуки со старой, полузабытой родиной, полтора десятка лет грезившейся мне в мечтах, была очень сильным психологическим стрессом. Он вызвал целую череду самых разных воспоминаний, мгновенно промелькнувших в моём возбужденном мозгу.

Как только поезд остановился, все кинулись из него на перрон, стали падать ниц, целовать землю и камни,

обнимать друг друга. Впервые я слышал и плач и песни одновременно, это были слёзы и плач радости, такого больше я никогда в жизни не видел.

Тогда я запомнил одного русского мужчину, который на бричке, запряжённой осликом, привёз воду во флягах из реки Кубань и угощал всех ею. Как потом выяснилось, это был отец моего будущего соседа и хорошего друга Василия Городкова.

По приезду я думал поселиться в своем родном ауле Карт-Джурт, в котором жили мои предки, где похоронены мои дед и прадеды. Но наш старший дядя Зулкарнай сказал: «Хызыр, к большому моему сожалению, наших домов в Карт-Джурте уже нет, во время войны их сожгли. Считаю, что нам лучше остаться пока где-то здесь. Есть хорошее село Знаменка, давайте там все вместе и будем жить, а потом жизнь покажет».

Дядя поступил мудро, он знал, что в тех наших домах, которые сохранились целыми, уже жили другие люди, организованно завезённые сюда государством, съезжать из занятых ими чужих домов они не планировали. Некоторым карачаевцам приходилось выкупать свои же дома у новых хозяев.

Я поехал в свой любимый родной аул Карт-Джурт, чтобы убедиться, на самом ли деле нет нашего дома. Приехал и был крайне удивлён и подавлен увиденной картиной. Это была полная разруха, многих домов не было, в том числе я не увидел нашего дома. Некоторые дома были полусожженные-полуразобранные, сохранившихся домов почти не осталось. Чтобы не заготовливать на зиму дрова, новые жильцы топили печи досками, разбирая оставленные нами добротные сараи и дома, даже заборы ушли на топку. Походил по улочкам, спустился к

воде. Мое сердце сжималось от боли, я ходил и плакал. Как я хотел всё вернуть обратно, чтобы было как раньше, до войны, но, увы, уже ничего не вернёшь.

Я поднялся на пригорок и, сидя на большом камне, долго наблюдал за аулом. Не мог никак налюбоваться красотой родной – природы и насладиться свежим горным воздухом, это всё, что осталось от древнего аула. Мысленно я находился на перепутье нескольких дорог и не мог никак выбрать одну из них, – куда идти мне. Тогда я решил послушать своего дядю Зулкарная, зная, что он желает нам самого лучшего.

Мы купили дом в селе Знаменка и стали жить рядом со своими родственниками на новом месте. По возможности мы ездили в Карт-Джурт, чтобы утолить ностальгию, подышать родным воздухом и посетить могилы наших предков.

Я поступил в Первомайский зооветеринарный техникум в Малокарачаевском районе, успешно его окончил. Затем был направлен на учебу в г.Ставрополь на курсы повышения квалификации по специальности «машинист холодильных установок». Позже был призван в Советскую армию, служил химиком-разведчиком в роте химзащиты в войсках радиационной, химической и биологической защиты.

Так началась моя новая жизнь на старой родине – Каказе.

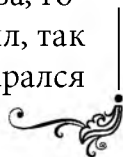
КРАСНОГОРКА

Когда я вернулся из армии, увлёкся техникой, тракторами, автомашинами. Постепенно стал изучать устройство двигателей внутреннего сгорания. На совхозном поле помогал трактористам, когда случались поломки. Мне это нравилось, а главное, получалось чинить различные неисправности.

К тому времени, окончив механический факультет Фрунзенского сельскохозяйственного института по специальности «инженер-механик», вернулся мой двоюродный дядя Тауби Мамаев. Он работал на разных предприятиях Карачаево-Черкесии по своей специальности, преподавал в учебных заведениях. Вскоре он был направлен в совхоз «Красногорский» главным инженером-механиком.

Тауби знал мою тягу к технике и предложил поработать с ним в качестве автослесаря автогаража совхоза. Я долго недумая согласился и пошёл с ним работать. Первое время приходилось ездить на работу из Знаменки. Мне нравилась моя работа, а ещё больше понравилась сама станица и её жители, поэтому твёрдо решил, что буду жить именно в этой станице, и купил дом с большим участком.

Тауби для меня был не только дядей, но и наставником и другом. Мы понимали друг друга с полуслова, говорили на языке техники. Он многому меня научил, так как был очень образован в этой сфере. Я тоже старался

его ни в чем не подводить. Наверное, не было человека в районе, который бы о Таубие мог сказать что-то нехорошее, все его любили и уважали. Это был яркий, умный, добрый и надежный человек.

Но, к сожалению, его жизнь трагически оборвалась в самом расцвете сил, ему было чуть больше тридцати лет. 15 августа 1964 года Таубия не стало, он утонул в реке. Этот день я запомнил как один из самых страшных дней в моей жизни. Тогда я потерял еще одного из самых близких для меня людей.

Я продолжал жить и работать в станице Красногорской, между собой мы называли её просто Красногорка. Со временем у меня здесь появилось много друзей, меня знали практически все станичники. С местными казаками я всегда мог найти общий язык. Они меня уважали и считали за своего и всегда говорили: «Хызыр, ты верхом скачешь лучше многих наших казаков и в лошадях знаешь толк лучше любого из нас. У нас говорят «каждый казак должен уметь скакать на коне, иначе что это за казак». Поэтому мы тебя считаем настоящим казаком».

Не скрою, живя рядом с казаками, я был влюблён в этих свободолюбивых, мужественных и сильных людей. Я мог полностью доверять им всё и никогда они меня не предавали. Они умеют дружить и ценить дружбу, если делаешь им добро, никогда они об этом не забывают.

Был у меня случай, когда я как-то помог одному парнишке, Витя его звали.

С Витей я познакомился, когда он вернулся из армии и устроился работать водителем автомашины Газ 52 в нашем гараже. Витя, как и я, был сиротой с раннего детства, его воспитала бабушка. Он был ответственным и добросовестным работником, любил технику, но не

проработав даже и месяца, как-то заклинил двигатель своей грузовой машины.

Вечером в пятницу, к концу рабочего дня, вижу, на буксире тянут Витину машину. «Интересно, машина вроде новая, что могло случиться, почему они её при-тянули?» – подумал я.

На тот момент во дворе гаража кроме нашего сторожа никого не было, я тоже собирался уходить. Когда машину поставили на место, Витя бросился в сторону моего цеха. Я вышел к нему на встречу, спрашиваю – что случилось? Он отвечает: – Хызыр, горе у меня, движок клина поймал, что делать, ума не приложу.

– Как клина поймал, с чего ты взял? – спрашиваю я.

– Директор узнает, выгонит меня с работы. Что делать, Хызыр? – продолжал он взволнованно.

– Витя, пойдём, открывай капот, посмотрим, что у тебя там стряслось, – ответил я, пытаюсь успокоить его.

Когда он открыл капот, я достал рукоятку, попытался проверить коленчатый вал двигателя и понял, что всё действительно печально, мотор заклинило.

Витя испуганно смотрел мне в глаза, ожидая услышать от меня смертельный диагноз. Но я не стал его расстраивать ещё больше, улыбнулся и спрашиваю: – Рассказывай, как так получилось?

– Хызыр, я просто не знал, что у меня в радиаторе воды нет вообще, она из патрубка вытекла. –И показывает на сорванный хомут патрубка. – Теперь всё, никак не сделать это до понедельника? Если я в поле на уборку в понедельник не выйду, то всё – конец, меня уволят. Похорошему мы и в выходные работаем, не знаю, что мне делать, – печально проговорил Витя, а у самого слёзы на глаза наворачиваются.

– Витя, у тебя друг есть? – спрашиваю я. – Конечно же есть, у меня полстаницы друзей, – отвечает он. – Тогда иди сегодня домой, завтра в шесть часов утра бери своего друга и приходи на работу. Я тоже приду и мы будем чинить твою машину. Сейчас ни о чём не думай, иди отдыхай. Договорились? – спрашиваю я. – Да, – ответил он и пошёл понуриив голову.

Нам предстояла очень серьёзная работа, а времени было всего два дня. Я очень переживал за Витю, из-за своей неопытности он мог серьёзно пострадать и потерять работу.

Утром, как мы и договорились, пришёл Витя, но помощника у него не было. Он выглядел сильно подавленным и начал говорить: – Хызыр, может, я пойду к директору и признаюсь в своей вине? Скажу, что мы с ребятами устроили гонки на поле, а то, что у меня в радиаторе сухо, я не знал и перегрел двигатель.

– Витя, если и есть чья-то вина в этой поломке, то это точно не твоя, думаю, что завод – изготовитель виноват во всем. Почему он не предусмотрел на твоей машине воздушное охлаждение? Витя понял мою шутку, заулыбался и говорит: – Хызыр, а как мы вдвоем снимем двигатель и как егоотремонтируем?

– Витя, глаза боятся, а руки делают, – сказал я и мы принялись за работу. Практически на одном дыхании сняли двигатель, разобрали его, всё промыли, заменили запчасти. К счастью, у меня были расточенный и коленчатый вал и цилиндры, новая поршневая группа. Работая круглосуточно, мы вдвоем собрали двигатель, установили его при помощи тали на место. Затем подключили шланг с водой, провели холодную обкатку двигателя и в понедельник, ближе к обеду, Витя выехал на своей машине в поле.

Об этом случае никто из руководства гаража и совхоза так и не узнал.

Витя больше не допускал подобных ошибок, стал первоклассным водителем. Он долго вспоминал тот случай и постоянно благодарил меня за то, что я помог ему в трудную минуту. Уверен, случись подобное со мной, Витя поступил бы так же. Эти люди умеют ценить дружбу и отзывчивы на помощь.

P.S. Хубиев Хызыр Узеирович, выполнив свой долг и долг своих умерших родителей перед своими младшими – братом Хусеем и сёстрами Муслимат и Мариям, а именно определив их в жизни и оказав посильную помощь и поддержку, позже создал свою семью. Он женился на Кипкеевой Зюльфризе Умаровне – моей будущей маме, дочери известного в Карачаево-Черкесии мусульманского духовного служителя – Умара Абулкеримовича Кипкеева (Умар-Апенди) из г. Теберда.

(Мой дедушка Умар пользовался большим уважением среди людей разных национальностей, проживающих в Карачаево-Черкесии. Знавшие Умара-Апенди люди до сих пор отмечают его как честного, порядочного, доброго, справедливого, авторитетного и принципиального человека, известного как в нашей республике, так и за ее пределами. Около тридцати лет (с 1970 гг.) он служил в качестве эфенди всех аулов, расположенных в Тебердинском ущелье. Умар-Апенди обладал красивым голосом, ораторским даром и имел хорошее исламское теологическое образование, свободно владел арабским языком. Умер в 2007 году в возрасте восьмидесяти пяти лет (Аллах джандетли этсин). – *Авт.*).

В конце первой части книги автор включил несколько рассказов из взрослой жизни своего отца, Хызыра Хубиева, которые ему особенно запомнились.

Хызыр Узеирович никогда не любил бахвалиться и рассказывать, даже своим детям, о своих благородных поступках или достижениях. Он всегда говорил, что человек не должен сам себя хвалить, так как собственная

похвала унижает его. Теперь, вспоминая услышанные в детстве рассказы отца, автор понимает, что некоторые истории про себя он рассказывал как про совершенно другого человека. Многие интересные случаи и рассказы из жизни своего отца автор слышал от его знакомых, друзей, родственников. Они легли в основу следующих рассказов, повествуемых уже не от имени главного героя – Хызыра, а от лица автора книги.

МОТОРИСТ-РАЦИОНАЛИЗАТОР

Для моториста-механика вождение автомобиля это само собой разумеющееся дело, поэтому никому даже в голову не могло прийти, что у Хызыра Хубиева – моториста совхоза «Красногорский» нет водительских прав. В гараже он управлял всеми автомобилями и тракторами, проверял их ход, испытывал после ремонта. Ежегодно готовил к прохождению технического осмотра весь имеющийся автотранспорт совхоза.

При необходимости Хызыр брал пулевизатор вместо маляра и красил кабины машин, если надо было что-то подварить, становился сварщиком, что-то выточить – токарем. Одним словом, не делил работу на «моё» – не «моё».

(Авт.: Как-то встретил знакомого моего отца Хызыра, который работал с ним вместе много лет. Он высказывал столько хороших слов об отце, что мне было безумно приятно и гордость переполняла душу.

– Мы всегда называли Хызыра – человек с золотыми руками, – говорил он. Наш Хызыр мог устранить любую поломку техники. Никогда не хвастался своими умениями, был очень скромным. Когда что-то починит, он говорил, что дело чепуховое. Хотя мы-то понимали, чего это ему стоило, и старались хоть как-то отблагодарить его, но он не принимал от нас подарков, говорил, что это его работа и благодарить не за что.

После смерти отца я нашёл у своей тётки Мариим вырезки из местных газет, которые она бережно хранит до сих пор.

Приведу лишь некоторые из них.

В статье «Идет ремонт» писалось: «Механизаторы совхоза «Красногорский» стремятся своевременно и надёжно подготовить сельскохозяйственную технику к весне. Свой вклад в общее дело вносит и слесарь по ремонту тракторных и автомобильных моторов Хызыр Узеирович Хубиев. Восемь лет работает он в этом цехе, и ещё не было случая, чтобы Хубиев не выполнил ту или иную работу в срок. А качество? Оно у него всегда высокое. Хызыр Хубиев – рационализатор. Изготовленный им станок для фрезеровки гнезд клапанов блока к трактору «Белорусь» позволяет вести ремонт моторов вовремя и качественно».

В статье «Золотые руки у парня» отмечалось: «Кто ни разу не разбирал старые двигатели, тот, как говорят,

и горя не знал. А уж кто разбирал, никогда не забудет ссадин и синяков на руках. Приходилось в ход пускать зубило, молоток и даже кувалду. Мотор проработал тысячи часов. Деталь приросла к детали, пригорела, попробуй их разъединить. Вот и били кувалдой и, чего греха таить, уродовали ценные детали. Так было и в совхозе «Красногорский», пока в мастерскую не пришёл Хызыр Хубиев. Он токарь, он и слесарь. На его долю выпало самое сложное дело – ремонт двигателей, вернее, он сам пожелал этим заниматься. И вот на стеллаже для инструмента появились какие-то замысловатые скобы с винтами и тягами. Начал Хызыр с небольшого: сначала он сконструировал и изготовил съёмник клапанов автомобильного мотора и ряд других мелких приспособлений для его разборки. А позднее сделал и съёмник коленчатого вала. Теперь уж не нужна кувалда, да и времени на разборку двигателей уходит меньше. Не случайно Хубиев план ремонта в первом квартале выполнил на 120 процентов. Он подготовил 17 автомобильных двигателей и 15 тракторных. Ещё выше были его показатели в дни предмайской трудовой вахты. Быстро работает Хызыр, но это совсем не значит, что он все делает на скорую руку. Качество ремонта двигателей всегда отличное. Все делает прочно, и всё у него получается просто и легко, потому что технику отлично знает и технологию ремонта изучил назубок. Одним словом, золотые руки у парня. Доволен и сам рационализатор, что сбываются все его задумки и желания. Если задумает что-то, обязательно добьётся своего...»

ВОЛГА

В 1960-е годы легковых машин в частном пользовании было очень мало. В станице Красногорской была единственная легковая машина «Волга» Газ 21, которая принадлежала директору совхоза. Когда она проезжала по улице, все смотрели ей вслед, восхищались ею, и каждый мечтал на ней прокатиться. Если кому-то вдруг это удавалось сделать, то он долго делился со станичниками своими впечатлениями.

Как-то раз на этой «Волге» произошла небольшая поломка, которую Хызыр быстро устранил, после чего директор разрешил ему на ней покататься. Позже отец вспоминал: «Тогда я влюбился в эту машину, сидя за рулём, мечтал о том, что обязательно куплю себе именно такую же «Волгу».

Сын директора совхоза «Красногорский» Абрек был одним из близких друзей Хызыра, они оба были одного возраста. Абрек – очень хороший и отзывчивый парень, душа любой компании. Хызыр вспоминал: «Мы с Абреком были не разлей вода, где только не носило нас по молодости. Мы с ним были как братья, его родители меня считали своим сыном и очень любили меня. Абрек говорил: «Хызыр, иногда мне кажется, что мой отец тебя больше меня любит. Он тебе дает на своей машине покататься, а мне ещё ни разу не дал».

Видя способности Хызыра хорошо управлять автомобилем, директор совхоза предлагал стать его штат-

ным водителем, но Хызыру больше нравилась работа моториста, тем не менее он окончил автошколу, получил удостоверение на право вождения категории легковых и грузовых автомобилей.

Очень хотелось иметь свою личную машину, но стоимость «Волги» была для Хызыра неподъёмной, а другую он не хотел. Тогда решил попробовать сам собрать себе машину.

Из г. Тбилиси привёз голый кузов «Волги» Газ 21, затем накопил деньги и купил новый двигатель, ходовую часть. Некоторые детали и запчасти выписывал из разных городов СССР.

Так началась сборка своей первой машины. Хызыр вспоминал: «Я был так увлечён сборкой машины, что бывало, ночами, без сна, проводил время в своём гараже. Изучал конструкцию, электрику, ходовую часть «Волги» Газ 21.

Через два года стараний в гараже Хызыра стояла новенькая, как будто только что снятая с конвейера автозавода «Волга» ярко – зелёного цвета. Позже Хызыр собрал машину «Москвич - 408» и другие.

Отец, часто вспоминая про свою первую машину, говорил мне: «Помню, как все мои знакомые удивлялись, некоторые даже не верили, что машину я собрал сам своими руками».

На этой «Волге» отец объездил города Северного Кавказа и некоторых других частей нашей страны. Часто возил своих соседей и знакомых по их делам.

Отцовская «Волга» запомнилась как свадебная машина. В те годы ни одна свадьба в станице практически не обходилась без участия Хызыра, и он на своей машине всегда возглавлял свадебный кортеж.

РУЖЬЁ

Как-то раз я увидел, что дома за шкафом на гвозде, прибитом к стенке, висит ружье. Для меня, ребёнка-дошкольника, такая находка была необычной и неожиданной, так как до этого я никогда не видел настоящего ружья. Чтобы разобраться, откуда оно там взялось и кому оно принадлежит, я поинтересовался у мамы. Она мне сказала, что это ружьё моего отца, и когда он придет с работы, обязательно мне всё расскажет. В тот день я с ещё большим нетерпением ждал возвращения отца с работы. Несколько раз ходил посмотреть в зазор между стенкой и шкафом, светил фонариком, пытаюсь лучше рассмотреть эту серьёзную игрушку. Достать её и потрогать рукой не удавалось, так как оно висело далеко, а зазор был узкий.

Наконец, когда отец пришёл с работы, я бросился к нему навстречу и начал расспрашивать, что это за ружьё, которое висит за шкафом. Отец улыбнулся и спокойно сказал: «Это мое ружьё, когда станешь большим, оно будет твоим».

В тот вечер впервые в моей жизни состоялось знакомство с оружием. Отец даже дал подержать в руках настоящее охотничье ружьё. Достал рюкзак и стал вытаскивать из него и укладывать на пол различные приспособления для отливки пуль и картечи, войлок для изготовления пыжей для патронов, медные гильзы, баночки с капсюлями и порохом, шампуры, щёточки и инстру-

менты и многое другое. Он не спеша рассказывал мне, что для чего предназначено.

Для меня это было безумно интересно, я слушал его с большим вниманием, затаив дыхание. После того как закончил рассказывать про все необходимые принадлежности, отец достал ружьё и произнёс: «Сынок, это ружьё, с ним надо быть очень осторожным. Есть такая поговорка «В год раз даже обычная палка стреляет». Это означает, что с оружием нельзя играть, направлять его дуло на человека и лучше всего хранить его в железном шкафу под замком». Я сразу же спросил, почему тогда он не хранит ружьё как положено. Тут отец заулыбался и говорит: «Замечание принято, я скоро привезу сейф, и будем хранить ружьё именно так, как положено.

Отец увлечённо рассказывал о том, для чего необходимо оружие мужчине, какие виды оружия бывают, почему это ружьё называется охотничьим и так далее. Информация, которую я получил в тот день, была для меня очень познавательной.

Когда отец закончил рассказывать, я спросил его: «Атам, а ты убивал животных? И пойдём ли мы с тобой на охоту?» Тогда он ответил: «Сынок, не дай Аллах, чтобы у нас была такая нужда и чтобы мы пошли на охоту и убивали животных». Затем он рассказал историю из своей юности.

В Казахстане ему приходилось охотиться на кроликов и других животных, но это было необходимо для выживания в голодные годы. «Там с ребятами мы охотились на лис, ставили на них капканы, а шкурки продавали для шитья воротников и шапок. Это был наш дополнительный заработок», – нехотя вспоминал отец.

– Помню, случай произошёл со мной. Как-то я поймал лису на капкан и приблизился к ней, чтобы умерт-

вить её. Она резко схватила меня за ногу, чуть не перекусила пяточное сухожилие. Меня спасло то, что на ногах были кирзовые сапоги. А так мог остаться хромым на всю жизнь. Лисы имеют острые, как лезвие, зубы, – лучше не попадаться.

Мои дяди не одобряли моё занятие охотой. Как-то дядя Харшим говорит: «Хызыр, я давно хотел тебе сказать, чтобы ты бросил заниматься охотой, не убивай животных, это нехорошее дело. Сейчас вы не голодаете, у тебя нет нужды охотиться, избавься от своего ружья и больше не ходи на охоту, я тебя очень прошу. Я воевал на фронте, знаю, что такое стрелять по живой мишени, но мы защищали свою Родину, стреляли в ее врагов – немецко-фашистских захватчиков, а животные – наши друзья, которых мы должны беречь».

– После тех слов дяди Харшима я решил отказаться от охоты навсегда, избавился от своего охотничьего ружья и больше не ходил на охоту.

– Никогда больше я не приобретал оружие, но это ружьё имеет для меня особое значение, – вспоминал отец.

– За год до возвращения на Кавказ я его выиграл на скачках, когда мой любимый жеребец Булан пришёл первым к финишу на скачках в Джамбульском районе. Руководство района учредило главным призом за первое место – охотничье ружьё. Вот поэтому оно у меня и оказалось, я храню его как память о тех годах и событиях.

– Ислам, когда вырастешь, я подарю это ружьё тебе, но запомни: никогда не стреляй из него в живую мишень без особой надобности.

P.S. После смерти отца охотничье ружьё, которое мой отец Хызыр выиграл на скачках в Казахстане, принадлежит мне. Я, как и завещал мой отец, никогда не стрелял из него в живую мишень, а лишь стреляю по спортивным мишеням. Надеюсь, что никогда не придётся из него стрелять в животных или людей. Это очень ценная реликвия для нашей семьи, память о нашем отце. Придёт время, и я передам её, даст Аллах, своему подрастающему сыну Аслану, чтобы наша семейная традиция не прерывалась.

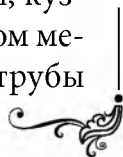

НАКОВАЛЬНЯ

Как обычно гуляя по территории совхозного автогаража и играясь с железками на груде металлолома, я увидел неподалёку шофёров, как всегда, после обеда собравшихся возле большой наковальни во дворе гаража. Это было их излюбленное место, здесь они могли потратить свои анекдоты или просто посидеть на корточках, покурить. Когда я подошёл, они громко над чем-то хохотали. Один из них, сидевший на наковальне, привстал с неё, убрал дощечку, которая лежала сверху и служила ему скамейкой, и, показывая на меня пальцем, произнёс: «Отец этого парня всего одним пальцем поднял эту наковальню, я сам это видел».

Сначала я подумал, что он решил подшутить надо мной, и заулыбался, якобы соглашаясь с его весёлой шуткой. Но шофёры всерьёз подхватили тему и начали расспрашивать, как это было, каким способом он смог поднять эту железку, которая весит свыше ста килограммов. Некоторые, просунув свои пальцы в отверстие наковальни, пробовали её поднять, но их попытки были безуспешны. Один из них, на вид постарше всех остальных мужчина, говорит: «Я видел, как Хызыр это сделал. Именно эта наковальня стояла тогда в механическом цеху, мы её сюда на каре привезли».

Дело было так: наши ребята из гаража – токаря, кузнецы, водители – устроили как-то уборку в большом механическом цеху. Начали перетаскивать детали, трубы

и другие железки с одного места на другое. И тут завязался спор – кто сильнее по поднятию тяжести, такое у нас часто случалось. Так как ребята все у нас здоровые, сильные, энергию свою не знают куда девать, взялись именно за эту наковальню, и давай спорить, кто выше её от земли оторвёт. В этот момент подошёл к нам Хызыр, спокойно просунул свой палец в это вот отверстие (мужчина показывает отверстие с краю наковальни. – *Авт.*) и поднял её до уровня своего колена. То, что Мурат сейчас сказал про трюк Хызыра, это чистая правда. Больше я не видел никого, кто мог бы повторить этот трюк», – завершил он.

Наверное, кто-то поверил, а кто-то не принял всерьёз сказанное, но меня эта история очень зацепила и заинтриговала.

Закончился обеденный перерыв, все люди разошлись по своим рабочим местам. Только я один остался и долго рассматривал эту загадочную наковальню. Ходил вокруг, рассматривал, залазил и спрыгивал с неё, даже попытался подвинуть, но попытки мои были безуспешными.

Пришёл в цех к отцу, но спросить у него про случай с наковальней не смог, он был очень занят. Со своими помощниками занимался сборкой двигателя, я не стал их отвлекать, постоял, понаблюдал за работой, которая кипела, и опять пошёл гулять по другим цехам и двору гаража. Едва дотерпел до конца рабочего дня, и как только отец вымыл руки, я подошёл к нему, чтобы побыстрее задать мучающий меня вопрос.

Кстати, мытьё рук после ремонта двигателя представляло собой очень интересную процедуру. Выглядело это так с краю стеллажа были установлены два встро-

енных металлических корыта, одно с соляркой, а другое с древесными опилками. Отец аккуратно мыл свои руки в солярке, затем вытирал их опилками, несколько раз повторяя эту процедуру, затем при помощи стирального порошка или пасты и щёточки тщательно мыл руки водой. Так он делал каждый божий день после работы. Поэтому у отца всегда были очень чистые ногти и руки, хотя они были в синяках и ссадинах от ударов молотков и зубил. Его цех мне напоминал хирургическую операционную, только в отличие от операционной здесь инструменты и халаты были черного цвета.

Я подошёл к отцу, когда он вымыв руки, вытирал их полотенцем, и спросил: «Атам, правда, что ты одним пальцем можешь поднять наковальню?» Он заулыбался и пошел в сторону наковальни, которая стояла у него в цеху.

Обычно, когда отец хотел меня чем-то занять, он давал мне старые ржавые кривые гвозди, которые я часами ровнял на этой наковальне. Затем складывал в жестяные баночки из-под консервов, сортируя их по размерам. За этот скрупулёзный труд отец меня очень хвалил.

Однажды копаясь в инструментах отца, я обнаружил много новых гвоздей разных размеров, которые были завёрнуты в матовую бумагу, пропитанную солидом. Я очень расстроился, что отец так неэффективно меня использовал. Но он сумел меня переубедить, что гвозди, которые я выровнял, намного лучше тех, которые лежат у него на полках. Видя, что я очень расстроен отец проговорил: «Я могу эти новые гвозди выкинуть на металллом, так как они изготовлены из некачественного металла и забивать их крайне трудно, они постоянно гнутся. А те, которые ты выровнял, – калённые и про-

служат ещё сто лет». Я тогда наивно поверил, хотя сейчас понимаю, что отец просто хотел меня приобщить к труду, к тяжёлому мужскому труду. За это я ему очень благодарен. Он научил меня делать всё, что должен уметь каждый мужчина.

– Ислам, подойди сюда, к наковальне, и смотри, – говорит отец, достает из кармана носовой платок, перематывает им свой указательный палец, к концу наматывает побольше. – Видишь получился крючок, – показывает мне, – теперь надо просунуть его в отверстие, только палец должен оставаться ровным. Затем он очень легко оторвал наковальню от пола. – Эта наковальня весит всего семьдесят пять килограммов, та, которая на улице, – весит гораздо больше, – сказал отец и улыбнулся.

– Почему никто не смог сделать так, как ты? – спросил я.

– Просто, сынок, у тех, кто мог бы поднять эту наковальню, были толстые пальцы и они не могли намотать на них носовой платок. А те, кто имел тонкие пальцы, были слабы не могли поднять ту тяжесть. Вот и всё – секрет прост, – ответил отец на мой вопрос и снова заулыбался.

В тот момент моему удивлению не было предела.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОЛГИЙ ПУТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ

(Научные статьи)

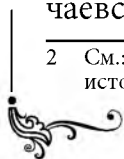
ДОЛГИЙ ПУТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ

(к вопросу о возвращении карачаевского народа из ссылки)

Теме незаконной депортации карачаевского народа в 1943 г. в Среднюю Азию и Казахстан, последующей его реабилитации и возвращения в 1957 г. на свою родную землю посвящены научно-практические конференции², научные исследования, произведения литературы, искусства зарубежных, российских и местных авторов. Но все они раскрывают лишь только малую часть той огромной национальной трагедии, незаслуженного насилия, унижения национального и человеческого достоинства карачаевцев, совершенного от имени своего же родного государства. Неисчислимо горе утрат и море слез бессилия, пролитых в далёкой чужбине нашими стариками, матерями, детьми, нельзя ничем измерить, полностью описать или даже осознать и прочувствовать с высоты сегодняшнего дня, так как история депортации карачаевского народа неисчерпаема, ее трагедия многолика и бездонна. Поэтому эта тема остается актуальной и животрепещущей, и будет интересна и в будущем не только специалистам-историкам, но и грядущим поколениям молодежи.

Долгим и тернистым был путь возвращения карачаевского народа из мест депортации на свою истори-

² См.: II Всероссийская научная конференция «Репрессированные народы: история и современность». Карачаевск, 1994.

ческую родину – Кавказ. Судьбоносную роль в этом процессе сыграл XX съезд КПСС, состоявшийся 14-25 февраля 1956 года в Москве³. Съезд осудил культ личности Сталина, массовые политические репрессии граждан в 1930-х – 1940-х годах и ничем не обоснованную депортацию целых народов, в том числе карачаевского народа. XX съезд и наступившая хрущёвская «оттепель» позволили людям впервые почувствовать долгожданный запах свободы и веру в справедливость. У репрессированных народов появилась реальная возможность обращаться в высшие партийные и советские органы, свободнее перемещаться в местах ссылки, проводить собрания по месту проживания. Наиболее инициативные и мужественные представители карачаевского народа, бывшие фронтовики, интеллигенция, труженики полей, стали открыто и смело поднимать вопрос о возвращении карачаевцев на свою родину. Несмотря на жестокость и преследования спецкомендатур, они смело защищали свой народ от чинимых притеснений, вели активную разъяснительную работу.

Карачаевцы первыми из депортированных народов публично потребовали от властей восстановления исторической справедливости и возвращения на свою родину – Кавказ, создали первые инициативные группы для борьбы за свои права.

В это время в Москву были направлены сотни писем: до 30 тысяч подписей карачаевцев с просьбой восстановить их национальную автономию и разрешить вернуться на свою историческую родину⁴.

15 мая 1956 года Инициативной группой карачаевцев была сформирована и направлена в Москву делегация

³ Известия ЦК КПСС.1989. - №3.

⁴ Тебугев Р.С. Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. Составитель, автор предисловия и заключения Тебугев Р.С. – Черкесск,1997. – С.314.

для встречи с Первым Секретарём ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Никитой Сергеевичем Хрущёвым. Но, к сожалению, эта попытка не увенчалась успехом, встреча с Хрущёвым не состоялась. Более того, в телефонном разговоре с Сеит-Умаром Токаевым, видным карачаевским партийным и государственным деятелем, секретарь ЦК КПСС Суслов угрожающе спросил: «Они, что, хотят второго переселения?» – а о возвращении карачаевцев к себе на родину он сказал: «Это иллюзия»⁵. Тогда карачаевцы направили вторую делегацию к Н.С. Хрущёву. В нее вошли авторитетные, уважаемые люди, Герой Социалистического труда, офицеры-фронтовики – Курджиева (девичья фамилия Кубанова) Нузула Хачьяевна, Чагаров Ибрагим Джашарбекович, Гаджаев Маджир Ибрагимович, Байрамуков Юсуф Мамурович, Курджиев Таубий Хамзатович, Джаммаев Мурат Исхакович, Урусов Умар Хамзатович, Байрамкулов Ибрагим Узденович⁶.

4 июля 1956 года делегация была принята Н.С. Хрущёвым в Кремле и 55 минут беседовала с ним. В ходе беседы Никита Сергеевич увидел награды Нузулы Курджиевой, удивился и стал её расспрашивать, за что она получила звание Героя Социалистического труда. Тогда ей было всего 28 лет.

Получив разъяснение, Хрущёв произнес фразу, ставшую знаковой по своим последствиям: «Сахарную свёклу можно будет выращивать по возвращении и на Кавказе»⁷.

Во время встречи Нузула Хачьяевна передала Хрущёву написанное ею за день до встречи письмо от имени женщин-карачаевок.

5 Абайханов М.Х. Великое избиение.- Ставрополь, 2012. – С.389.

6 Там же – С.391.

7 Борлакова К.З. Героические женщины наказанного народа. – Пятигорск, 2009. – С.153.

Этот пронзительный, глубоко человечный документ поражает своей проникновенностью, болью за страдания своего народа.

Приведём некоторые выдержки из этого письма, сохраняя стилистику автора: «Мы видели не слыханные в истории муки, нищету и голод, от которых погибли целыми семьями, зачастую трупы которых лежали по 4-6 дней не похороненными, так как мужчины-карачаевцы находились на фронтах Великой Отечественной войны, а у женщин и детей не было сил от голода вырыть яму для похорон, умерших от голода и от климатических условий Средней Азии... Мы, женщины горянки-карачаевки, несмотря на перенесенные муки, на голод и большую смертность наших людей, воодушевляли друг друга на трудовые подвиги... для нашей любимой Родины и для фронта... когда не было чего одеть, шили платья из обыкновенного мешка, ели траву, босиком работали днём и ночью. Таким трудом несколько горянок заслужили звание Героя Социалистического труда, а многие награждены орденами и медалями Советского Союза...»⁸

После встречи с Н.С. Хрущёвым делегация вернулась в Среднюю Азию с хорошей вестью о том, что Президиум ЦК КПСС будет решать вопрос о возвращении карачаевцев на родину и Н.С. Хрущёв пообещал, что будет на стороне карачаевцев.

Эта весть быстро разошлась повсеместно. О ней узнали и руководители ЦК Компартии Казахстана, которые тут же заявили о своем желании выделить на территории Казахской ССР специальные земли и поселить там карачаевцев и восстановить их автономию. Такое

⁸ Борлакова К.З. Героические женщины наказанного народа. - Пятигорск, - 2009. - С.155.

же предложение в адрес карачаевцев поступило от руководства Киргизии. От этих предложений карачаевцы отказались: «Сууун ичиб, ташын джалаб турсакъ да Ата джуртубузда дшашарыкъбыз», – говорили старики («Даже если будем пить воду и лизать камни, лучше жить у себя на Родине»). Карачаевцы твёрдо решили вернуться к себе на историческую Родину, чего бы это ни стоило⁹.

Через две недели после встречи карачаевской делегации с Н.С. Хрущевым Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 года все репрессированные народы были сняты с учета спецпоселений и освобождены из-под административного надзора органов МВД СССР. Однако снятием ограничения переселенцы еще не имели права возвращаться на Родину и требовать конфискованного при выселении имущества¹⁰.

Такое «освобождение» не могло удовлетворить репрессированные народы, пишет в своей книге «Депортация карачаевцев» известный историк Рамазан Тебуев. Поэтому началась новая волна собраний, заявлений, обращений в партийные и советские инстанции. Усилилось стремление репрессированных народов к возвращению на родину и восстановлению национальной автономии. Несмотря на существующие запреты, тысячи спецпереселенцев за бесценок продавали или просто бросали свои жилища, нажитое имущество и самовольно возвращались на Кавказ. Начавшиеся возвращенче-

9 Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общества «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». 1989 г./Личный архив Темирова С.С.

10 Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны. Москва, Кремль. 26 июля 1956 г. Без опубликования в печати. ГАРФ, ф.7523, Оп.72, Д.629, Л.201.

ские процессы трудно, а точнее невозможно было уже остановить.

24 ноября 1956 года ЦК КПСС, исходя из решений XX съезда партии, принял постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». Центральный Комитет партии постановил преобразовать Черкесскую автономную область в Карачаево-Черкесскую автономную область в составе Ставропольского края РСФСР и в организованном порядке в течение 1957-1958 годов начать переселение, прием и расселение карачаевского народа¹¹.

9 января 1957 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область»¹².

В связи с созданием объединенной автономии представители карачаевского народа были включены в состав руководящих органов области.

4 марта 1957 года бюро обкома КПСС и облисполком, рассмотрев план размещения прибывающих карачаевцев, разрешили в первом году принять 10000 семей. Для учёта карачаевского населения, возвращающегося в область, а также для учёта принадлежащего ему скота в Казахстан и Среднюю Азию были направлены представители области: Акбаев Магомед, Чотчаев Ислам, Тохчуков Хусей, Лайпанов Хамид, Темиров Ибрагим, Урусов Юнус¹³.

Для организации приёма и расселения возвращающихся на свою историческую родину карачаевцев были

11 Ссылка калмыков: как это было. – Элиста, 1993. – С.238-241.

12 ГАРФ, Ф.7523, Оп.72, Д.701, Л.68.

13 Абайханов М.Х. Великое избиение. - Ставрополь, 2012. – С.404-405.

созданы областная, городские, районные, сельские комиссии. Областную комиссию возглавлял второй секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС Токаев Сейт-Умар Биболатович¹⁴.

В очень ответственном процессе организованного возвращения карачаевского народа в Карачаево-Черкесскую Автономную область, формирования и отправки эшелонов с отбывающими на Кавказ карачаевцами, приёма и расселения их на родной земле успешно занималась специально созданная группа во главе с первым заместителем председателя облисполкома Баучиевым Аубекиром Джумуковичем (члены группы: Урусов Халит Юсуфович, Урусов Юнус Гиргоккаевич)¹⁵.

Благодаря предпринятым властями и отдельными энтузиастами мерам за 1957-1959 годы, на Кавказ на свою родную землю прибыло 20514 семей карачаевцев, всего 73442 человека¹⁶. Часть карачаевцев по тем или иным причинам осталась жить в Казахстане и Средней Азии.

3 мая 1957 года первый эшелон с карачаевцами, сформированный Уполномоченным ЦК партии, ветераном Великой Отечественной войны Урусовым Юнусом Гиргоккаевичем, после 14 лет депортации прибыл на историческую родину – Кавказ¹⁷.

Торжественной была встреча прибывших карачаевцев на железнодорожных станциях Ураковская, Черкесск, Усть-Джегута, Кисловодск. Ногайцы, русские,

14 Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. Составитель, автор предисловия и заключения Тебуев Р.С. – Черкесск, 1997. – С.315.

15 Справка Президенту Карачаево-Черкесской Республики В.М. Семенову «О роли республиканского общества «Джамагъат» в реабилитации карачаевского народа» за подписью А.Г. Урусова. /Личный архив Темирова С.С

16 Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев. Документы рассказывают». Составитель, автор предисловия и заключения Тебуев Р.С. – Черкесск, 1997. – С.316.

17 Абайханов М.Х. Великое избиение. – Ставрополь, 2012. – С.405.

абазины, черкесы и другие народы встречали карачаевцев хлебом-солью, танцами, песнями и помогали им чем могли для скорейшего обустройства.

Прибывшие на родину карачаевцы были расселены в 54 населённых пунктах Карачаево-Черкесии, в том числе в девяти новых¹⁸.

Каждая шестая карачаевская семья получила средства на покупку скота, почти каждая вторая семья получила единовременную помощь. Часть семей получили кредиты и ссуды на строительство жилья. С 1957 по 1959 годы был построен 10351 дом, в стадии завершения находились 1.140 домов, строилось еще более шести тысяч¹⁹. Однако в этой работе, как указывается в Акте республиканской комиссии по реабилитации карачаевского народа, были допущены и серьёзные недостатки и перекосы, в том числе нецелевое использование строительных материалов и денежных средств, выделенных специально для поддержки карачаевского народа и других²⁰.

За первые три года из 31711 человек трудоспособных карачаевцев было трудоустроено 86 процентов, создано 13 новых совхозов, много других предприятий. Большой опыт и выдающиеся достижения карачаевцев в выращивании сахарной свёклы послужили толчком для массового внедрения этой культуры на полях области и строительства Эркин-Шахарского сахарного завода.

В связи с возвращением карачаевцев и созданием объединенной Карачаево-Черкесии нашей автономной области со стороны Правительства СССР и РСФСР была оказана огромная финансовая и материально-ресурс-

18 Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. Составитель, автор предисловия и заключения Тебуев Р.С. – Черкесск, 1997. – С.316.

19 Там же – С.316.

20 Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943-1957). Материалы и документы. – Черкесск, 1993. – С.16.

ная помощь на ремонт и строительство жилья, дорог, школ, детских садов, больниц, клубов, электростанций в г. Черкесске, Адыге-Хабльском, Прикубанском, Предградненском, Усть-Джегутинском, и Хабезском районах. Так, в г. Черкесске, который в те годы представлял собой слаборазвитую одноэтажную станицу, застроенную хатами с соломенными крышами, началось бурное строительство. Здесь был развернут ремонт и строительство водопровода, электростанции, гостиницы, бани, школ, детских садов, драматического театра, музея, мясокомбината, типографии, заводов, многоэтажных домов и других объектов. Карачаево-Черкесия в эти годы была превращена в большую строительную площадку. В эти годы область получила значительное количество строительных материалов и техники, тракторов, сельско-

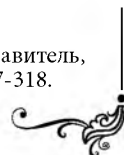

хозяйственных машин, оборудования, транспортных средств, сельскохозяйственного скота²¹.

Таким образом, огромная помощь государства и трудолюбие народов положили начало возрождению объединённой Карачаево-Черкесии и со временем превратили ее из аграрной в аграрно-индустриальную область с развитой экономикой. Через несколько лет «хрущёвская оттепель» кончилась. В стране и Карачаево-Черкесии развернулись новые политические процессы. В жизни карачаевского народа начался новый нелёгкий этап развития.

---

21 Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. Составитель, автор предисловия и заключения Тебуев Р.С. – Черкесск, 1997. – С.317-318.

ВКЛАД ОБЩЕСТВА «ДЖАМАГЪАТ» В ЗАЩИТУ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И РЕАБИЛИТАЦИЮ РЕПРЕССИРОВАННОГО КАРАЧАЕВСКОГО НАРОДА

Весной 1957 года, реабилитированные и счастливые, карачаевцы возвращались из Средней Азии и Казахстана, куда они были незаконно сосланы сталинско-бериевским режимом в 1943 году, на свою историческую родину – Кавказ.

На железнодорожных станциях Карачаево-Черкесии их тепло и радушно встречали русские, абазины, черкесы, ногайцы, греки, армяне, осетины. Они чем могли помогали карачаевцам обустроиваться на родной земле. Кругом царили радость, веселье, смех, люди в полную грудь дышали воздухом свободы, воздухом вновь обретенной родной земли, припадая к ней как к любимой матери.

Тогда никто и не полагал, что очень скоро «хрущёвская оттепель» и начавшаяся вместе с ней демократизация советского общества будут свёрнуты. Неосталинисты вытащат из старых запыленных шкафов свои замшелые страшилки и испытанные методы идеологической обработки масс, начнут вновь закручивать гайки общественной жизни и делить людей и народы на «правых» и «неправых».

На юге страны кандидатом для публичной порки вновь избрали непокорный карачаевский народ. В 1960-е – 1990-е годы над ним вновь стугнулись тучи.

Партаппарат Ставропольского крайкома и Карачаево-Черкесского обкома КПСС развернули против опального народа новую, ничем не мотивированную волну клеветы и инсинуаций, оголтелой травли и преследований карачаевских национальных кадров, особенно руководящих работников и интеллигенции.

За всей этой массовой, хорошо отрежиссированной пропагандистской истерией чётко просматривалась тень серого кардинала Кремля, секретаря ЦК КПСС Суслова, в своё время, ради своего спасения, способствовавшего незаконному выселению карачаевского народа из его родных мест.

Историческая справка: карачаевский народ – общая численность по СССР в 1941 г. около 81 тысячи человек; из них в первые же месяцы Великой Отечественной войны 15600 человек, или каждый пятый, практически всё взрослое население – находился на фронтах Великой Отечественной войны. По данным ЦК КПСС, это самый высокий показатель среди всех народов СССР²². Около девяти тысяч человек, или каждый девятый карачаевец, погибли, сражаясь на фронте и в партизанских отрядах, две тысячи карачаевцев служили в тыловых частях и рабочих батальонах, 12 человек командовали партизанскими отрядами в Белоруссии, тысячи карачаевцев за боевые заслуги были награждены орденами и медалями, 24 человека были представлены к званию Героя Советского Союза, 11 из них это высокое звание присвоено.

22 Лайпанов К.Т. Каждый пятый // «Книжное обозрение». М., 1989.40. – С.5.

Остальным 13 карачаевцам это звание не было присвоено из-за принадлежности к репрессированному народу. Тем не менее, на душу населения по числу Героев карачаевцы занимают первое место среди всех народов бывшего СССР²³. С 12 августа 1942 года по 18 января 1943 года территория КАО была оккупирована фашистскими войсками. За пять с половиной месяцев фашисты расстреляли тысячи граждан, уничтожили и вывезли 150 тысяч голов скота²⁴. В июне 1943 года, после освобождения Карачая от фашистских оккупантов, в своём обращении к трудящимся Карачая Ставропольский крайком партии и крайисполком отмечали, что «рука об руку с великим русским народом сражаются и сыны Карачая... Отважные горцы не щадят своих жизней в ожесточённых боях»²⁵. Трудящиеся Карачаевской автономной области неоднократно получали благодарность от Верховного Главнокомандующего за активную материальную поддержку фронта²⁶. После изгнания фашистов народы области с энтузиазмом приступили к восстановлению разрушенного народного хозяйства. К середине 1943 года были в основном восстановлены разрушенные предприятия и животноводческие фермы. К ноябрю того же года были полностью восстановлены более семидесяти колхозов с имеющимся в них поголовьем скота. В официальных документах тех дней отмечают, что «карачаевское население проявляет большую ак-

23 Лайпанов К.Т. Карачай и карачаевцы. – Черкесск, 2005. – С.147.

24 Красный Карачай.1943, 26 июня.

25 Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т.2. Ставрополь, 1970. – С.238.

26 Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т.2. Ставрополь, 1970. – С.238.; Алиев К-М.И. Свет и тени партизанской войны. – Москва - Ставрополь, 2003. – С.117-119.

тивность в проведении всех мероприятий, а также принимает участие в общественной жизни»²⁷. По ложному обвинению, сфабрикованному Берией и Суловым, карачаевский народ незаконно репрессирован и сослан 2 ноября 1943 г. в Среднюю Азию и Казахстан и расселен там в безлюдных местах, дисперсно, в более чем 500 населенных пунктах, без жилья и прочих элементарных условий жизни. Видимо, в расчете на ассимиляцию и вымирание. Вот как пишут об этом известные ученые Р.Медведев, Д. Ермаков в книге «Серый кардинал». Сулов М.А. политический портрет: «2 ноября 1943 года безвинный и ничего не подозревающий карачаевский народ – 69267 человек, из которых 53,9% составляли дети, 28,1% женщины и лишь 18% – мужчины, главным образом старики и инвалиды войны, – под дулами автоматов специально привлечённых для этого 60 тысяч солдат НКВД был в спешном порядке погружён в товарные вагоны и отправлен в неизвестность – на восток»²⁸. Люди ехали в товарных вагонах, в 36 эшелонах, битком набитых несчастными «спецпереселенцами». По пути к местам ссылки погибло 653 человека²⁹.

Спасая свою голову от сурового наказания, за развал партизанского движения в Ставропольском крае в период ее оккупации немецко-фашистскими захватчиками, «М.А. Сулов оказывал посильную поддержку ведомству Л.П. Берии в сборе фальшивых обвинений и свидетельств преступлений карачаевцев против советской

27 ГАКЧР, Ф.45, оп.1, д.122, Л.231.

28 Медведев Р., Ермаков Д. «Серый кардинал». Сулов М.А. Политический портрет. М., 1992. – С.72-73.

29 Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943-1957). Материалы и документы. – Черкесск, 1993. – С.16.

власти. Была организована и пропагандистская кампания в поддержку вершимого насилия и произвола»³⁰.

Акция по выселению карачаевского народа проводилась при участии НКВД Ставропольского края в тесном контакте, взаимодействии и сотрудничестве с местным партийным руководством. М.А. Суслов непосредственно контролировал операцию³¹. Впоследствии, приветствуя выселение ни в чём неповинного, им же оклеветанного народа, Суслов заявлял: «Мы выжили карачаевцев из горных ущелий, теперь нам надо выжить оттуда их дух»³².

Чтобы выжить «карачаевский дух» из Северного Кавказа, Карачаевская автономная область была ликвидирована, а её земли, согласно спешно принятому 6 ноября 1943 г. постановлению Совнаркома СССР №1221-368 СС «О порядке заселения районов бывшей Карачаевской автономной области Ставропольского края», расчленились на три части: южная часть передавалась Грузии, северная, восточная и часть западной – Ставропольскому краю, а западная – Краснодарскому краю. Одновременно спешно менялись и названия населенных пунктов, чтобы ничто не напоминало об опальном народе³³.

Карачаевские населённые пункты были переименованы, а в них организованно заселены малоимущие грузины и жители других регионов страны. Жилые дома, скот, имущество, другие материальные ценности карачаевцев были переданы государству или разграблены

30 Медведев Р., Ермаков Д. «Серый кардинал». Суслов М.А. Политический портрет. – М, 1992. – С.70-71.

31 Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. Составитель, автор предисловия и заключения Тебуев Р.С. – Черкесск, 1997. – С.36.

32 Медведев Р., Ермаков Д. «Серый кардинал». Суслов М.А. политический портрет. – М, 1992. – С.74.

33 ГАСК, ф.18.52, оп.5, д.31, л.86-87.

населением и мародерствующими «энкавэдэшниками» и их командирами³⁴.

Как известно, накануне и в годы Великой Отечественной войны кроме карачаевцев были депортированы ещё 13 народов Советского Союза. Всем этим народам Сталин и его приспешники инкриминировали «измену Родине».

На самом деле выселение целых народов с их исторической родины в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан и другие регионы страны происходило по совершенно другим причинам, о чём свидетельствуют многочисленные исторические факты, архивные документы, материалы, исследования учёных. «Эти причины кроются в природе сталинской тоталитарной системы, разработавшей на государственном уровне антинаучную и преступную концепцию о якобы «неблагонадежности» некоторых народов страны и об их измене Родине «в годы войны»³⁵. По отношению к репрессированным народам «по признаку национальной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы, сопровождающаяся насильственным переселением»³⁶. «... вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин... В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается-

34 Убушаев В. Калмыки: выселение и возвращение. – Элиста, 1991. – С.15; Из решения Ставропольского крайсовета депутатов трудящихся от 10 декабря 1943 г. «О реализации скота и зерна, оставшегося в Карачаевской области после выселения карачаевцев». ГАРФ, Ф.9479, оп.137, д.186, л.186-197.; Докладная записка зам. прокурора Карачаевской автономной области Корсака прокурору Черкесской автономной области Просину от 10 декабря 1943 года О ходе и нарушениях в реализации оставленного имущества карачаевцев. «Карачай». – 1992. – 31 октября.

35 Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» // Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943-1957). Документы и материалы. – Черкесск, 1993. – С.164-165.

36 Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 01.07.93 № 5303-1 <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>.

ся такое положение – как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям, страданиям³⁷.

Сталин, Берия и их прислужники репрессировали целые народы, обвинив их в измене, в восстаниях в тылу Советской Армии и этим самым способствовали поражению Советской Армии в начальный период войны. Этим самым свою вину за поражение Советской Армии в начале войны Сталин приписал отдельным народам, в том числе карачаевскому, – считает известный российский историк А.И. Козлов. Поэтому по команде Сталина Берия «по всей стране зациркулировали, раздуваясь и разрастаясь вздорные и грязные слухи о профашистских восстаниях на Северном Кавказе, в Калмыкии и в Крыму, подрывавших тыл Советской Армии и служивших, следовательно, причиной постигших её неудач³⁸.

Другой причиной депортации народов было стремление Сталина пополнить свежей дешёвой рабочей силой малозаселенные районы Сибири, Казахстана и Средней Азии, куда в начале войны было эвакуировано много военных заводов³⁹.

В депортации карачаевцев, ингушей, чеченцев и балкарцев немалую роль сыграло то обстоятельство, что территории этих народов граничили с Грузией и после их выселения южные части их земель были присоединены к Грузии. Н.С. Хрущёв говорил, что Сталин и Берия хотели расширить территорию родной им Грузии за счёт земель северокавказских народов⁴⁰.

37 Из доклада Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года. «Известия ЦК КПСС». – М, 1989. – №3. – С.151-152.

38 Козлов А.И. Сталин прежде и теперь. – Грозный, 1990. – С.92-93.

39 Лайпанов К.Т. Карачай и карачаевцы. – Черкесск, 2005. – С.145.

40 Некрич А. Наказанные народы//«Родина». 1990.№6.-С.22.

Следует отметить, что карачаевцы даже в условиях жестокой ссылки, беззакония, унижений и преследований со стороны спецкомендатур, тяжёлого и непривычного климата, голода и холода не теряли присущие этому народу черты: храбрость, трудолюбие, верность и красоту.

Карачаевцы, расселённые в более 500 населённых пунктах Казахстана, Киргизии и Узбекистана внесли большой вклад в развитие экономики, науки, образования, культуры и спорта этих республик, о чем свидетельствуют многочисленные документы партийных и государственных органов⁴¹.

В 1957 г. карачаевцы вернулись на свою историческую родину – Северный Кавказ, потеряв в местах ссылки 34,5 процента своей численности, что подпадает под определение геноцида, сформулированное в Конвенции ООН от 9 декабря 1948 года «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него»⁴². Однако Карачаевская автономная область не была восстановлена, карачаевцы в 1960-1990 гг. подверглись второй волне травли, клеветы и гонений, организованных последышами Берия и Суслова – партаппартом Ставропольского крайкома и Карачаево-Черкесского обкома КПСС⁴³.

«Именно Суслов был вдохновителем IV-го (1974 г.) и III-го (1981 г.) пленумов Карачаево-Черкесского обкома

41 Лайпанов К.Т. Карачай и карачаевцы. - Черкесск, 2005. -С.150-153.

42 Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943-1957) Материалы и документы. Черкесск, 1993, с.с. 43-45.

43 См.: Доклад первого секретаря ЦК КПСС Хрущева Н.С. на XX – съезде КПСС. Известия ЦК КПСС, №3, 1989.с.с 145-152; Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. Сборник документов. (Составитель Тебуев Р.С.). – КЧИГИ, Черкесск.1995.-344.; А.В. Бутурлин «Нужна полная справедливость «Советская Россия». – Москва, 1989.01 октября; Б. Пономарев «Владимир Хубиев: лидер на стыке эпох (субъективные заметки)». Ставрополь.1999.С.60.; ПМА. Письмо редактору газеты «Советская Россия» Чикину В.В. от 01.11.1990 г. исх.№59 «О проблемах реабилитации карачаевского народа». За подписью А.Г. Урусова и А.М. Кубанова и др.

КПСС, на которых была развернута вторая волна клеветы и дискредитации карачаевского народа», – пишет Борис Понамарёв⁴⁴.

Во исполнение указаний М.А. Суслова в Карачаево-Черкесии под руководством Ставропольского крайкома были проведены вышеназванные пленумы обкома КПСС, научно-практическая конференция «Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны» (1977г.), ряд других мероприятий. По их итогам проводились пленумы горкомов и райкомов КПСС, сессии городских и районных Советов депутатов, сходы и собрания жителей аулов, сёл и станиц, собрания первичных партийных и комсомольских организаций, трудовых коллективов и интеллигенции, Единые дни политического информирования населения. Вся эта огромная, целенаправленная политическая работа имела открытую антикарачаевскую направленность и осуществлялась с одной целью – осуществления идеологического и морально-психологического геноцида карачаевского народа. На этих общественно-политических мероприятиях широко и беззастенчиво пропагандировались подготовленные бериевской агентурой фальшивки об истории карачаевского народа в годы войны, фактически перекраивались решения XX съезда КПСС о культе личности Сталина и реабилитации жертв политических решений, в том числе репрессированного карачаевского народа. В общественном сознании людей, особенно молодежи, формировался искажённый образ карачаевского народа как «изменника Родины», бандита и тунеядца⁴⁵.

44 Владимир Хубиев: лидер на стыке эпох (субъективные заметки). – Ставрополь, 1999. – С.60.

45 Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943-1957) Материалы и документы. Черкесск, 1993. – С.С. 43-45.

Для этой работы были мобилизованы все партийно-советские органы, учёные, правоохранительные органы, интеллигенция, средства массовой информации области и края.

Ставропольское краевое книжное издательство выпустило ряд специальных книг («Именем ВЧК», «Партизанский заслон» и другие), порочащих честь и человеческие и гражданские достоинства карачаевцев. С 1974 по 1981 годы на страницах областной газеты «Ленинское знамя» было напечатано более 100 статей антикарачаевской направленности⁴⁶.

Таким образом, карачаевский народ после возвращения в 1957 году на свою историческую родину – Кавказ не только не был полностью реабилитирован, но испытывал новые унижения и репрессии в моральном, психологическом, экономическом, кадровом и культурном отношениях. Попытки отдельных смельчаков – патриотов выступить против устроенного партаппаратчиками идеологического и морально-психологического геноцида карачаевского народа заканчивались, как правило, исключением из партии, освобождением от занимаемой должности, уголовным преследованием. Расправа над карачаевцами приняла в те годы соревновательный характер⁴⁷.

Как вспоминал в октябре 1991 г. заместитель прокурора РСФСР А.В. Бутурлин (в 1970-х годах работал в прокуратуре Ставропольского края, затем 7 лет прокурором КЧАО. – *Авт.*) Карачаево-Черкесский обком КПСС и его руководство предвзято, с предубеждением относилось к карачаевцам, проявляло повышенный

⁴⁶ Полевой материал автора (ПМА). Справка Президенту Карачаево-Черкесской Республики В.М. Семенову «О роли республиканского общества «Джамгаъат» в реабилитации карачаевского народа» за подписью А.Г. Урусова.

⁴⁷ Там же.

интерес к преступлениям, если они совершались карачаевцами, и стремилось придать этим преступлениям националистическую окраску, что фактически вело к разжиганию межнациональной вражды. «Помнится, какое недоумение у многих вызвала оскорбительная для чисто человеческих чувств многих людей, установившаяся в области практика «борьбы с религиозным дурманом», - отмечает А.В. Бутурлин, - когда мерам партийного воздействия стали подвергать коммунистов за то, что их ушедшие в мир иной отец или мать были похоронены по мусульманским обычаям, резкой критике подвергались даже просто оказавшиеся на подобных похоронах члены партии... С позиции сегодняшнего дня представляется невероятным, но в середине 1970-х годов мне, как депутату областного Совета народных депутатов от поселка Верхняя Мара, пришлось потратить много усилий при попытке получить разрешение на установление обелиска в этом населенном пункте в память карачаевцам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Никто прямо этого не запрещал, но... разрешения не давал... Встречи со многими людьми во время недавней поездки в составе пропагандистской группы ЦК КПСС в Карачаево-Черкесию показали, что не все эти перекосы устранены и сейчас. Местному руководству и сейчас нужно обязательно специальное решение центральных органов, чтобы дать согласие на установление памятника жертвам сталинских репрессий, который карачаевцы собираются установить на собранные народом деньги. Да и нужно ли оно вообще, это разрешение? Зачем же создавать ещё один очаг напряжённости, возражая против проведения митинга, посвящённого памяти жертв

произвола в годовщину памяти незаконного выселения целого народа?» – вопрошает А.В. Бутурлин⁴⁸.

«Сложившаяся вокруг карачаевского народа стараниями партаппаратчиков и всяких проходимцев обстановка, негативная и взрывоопасная ситуация в самой доведённой до отчаяния карачаевской среде со всей очевидностью свидетельствовали о необходимости объединения разрозненных усилий отдельных граждан по защите интересов репрессированного карачаевского народа и создания для этих целей единого национального общественного движения. После известного III пленума Карачаево-Черкесского обкома КПСС (1981 г.) для карачаевского народа сложилась сложная ситуация, – вспоминает А.М. Кубанов, один из организаторов и руководителей первого карачаевского общественного движения «Джамагъат». – «Он обвинялся во всех грехах. Партийные органы области и Ставропольского края делали всё возможное для того, чтобы унизить честь и достоинство карачаевцев, держать его в полном повиновении. Терпеть далее такое отношение к народу было невозможно. Настал момент либо молча согласиться с проводимой политикой, либо выступить против этой гнусной лжи. Кто-то должен был начать всенародное движение за реабилитацию карачаевского народа»⁴⁹. Организовать и возглавить такое общественное патриотическое движение было суждено двум патриотам-интернационалистам Азрету Урусову и Абдулу Кубанову. Позже к ним присоединился Казим Лайпанов. Для начала А.Урусов и А.Кубанов вдвоем решили доведения коммунистов в своих партийных организациях антинародную, антикарачаевскую суть решений III (1981г.)

48 «Карачаево-Балкарский мир». – г. Черкесск. – №1-2 (77). – февраль 2010 г.

49 Газета «Карачаево-Балкарский мир», №1-2(77). – Черкесск, 2010. – февраль.

плenums обкома КПСС, явившихся продолжением и развитием антикарачаевской политико-идеологической линии Ставропольского крайкома КПСС, впервые официально заявленной с подачи секретаря ЦК КПСС М.А.Суслова на IV (1974 г.) пленуме Карачаево-Черкесского обкома партии и подкреплённой на областной научно-практической конференции «Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1977 г.)» и ряде других шумных политических акций по шельмованию карачаевского народа и его представителей.

А. Кубанов, пользуясь тем, что он был заместителем секретаря партбюро в домоуправлении г. Карачаевска, сумел разъяснить коммунистам парторганизации вредную сущность III пленума обкома КПСС. На общем собрании коммунистов домоуправления было принято постановление, осуждающее антинациональную политику обкома КПСС. Таким же образом поступил в своей парторганизации и А.Урусов. Принятые в парторганизациях г. Карачаевска решения поразили партийное руководство области и края, как гром среди ясного неба, и вызвали огромный резонанс среди коммунистов и всего населения КЧАО. Ответная реакция не заставила себя долго ждать. Кубанов был исключён из партии якобы за политическую клевету на руководство обкома и крайкома КПСС и на члена обкома партии Кипкева К.Р., а Урусову был объявлен строгий выговор с последним предупреждением и с таким же обвинением⁵⁰.

По признанию Азрета Урусова, - сама обстановка нетерпимости, клеветы и лжи, созданная вокруг карачаевцев под непосредственным руководством партийных органов, «явилась как бы организатором Инициативной группы, которая должна была защищать

50 Газета «Карачаево-Балкарский мир». – №1-2 (77). – Черкесск, 2010. – февраль.

гражданские права, восстановление отнятой автономии и реабилитацию карачаевского народа от наговоров и оскорблений»⁵¹. Так, ещё в 1981 г. начала зарождаться неформальная Инициативная группа в составе Урусова А.Г. (председатель), Кубанова А.М. и Лайпанова К.Т. Со временем Инициативная группа окрепла и преобразовалась в общество «Джамагъат», возглавившее общенациональное общественное движение карачаевцев за полную реабилитацию карачаевского и других репрессированных народов. Эта группа ветеранов войны в течение нескольких лет направляла письма в адрес руководства ЦК КПСС, в которых сообщалось о нарушениях конституционных прав карачаевского народа, норм партийной жизни в Карачаево-Черкесской партийной организации. В частности, в письме на имя Генерального Секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнева Л.И. от 22.07.1981 г. Урусов А.Г. и Кубанов А.М. писали: «Отдельные руководители области открыто ревизуют решение 20-го съезда КПСС (февраль 1956 г.) и Постановление ЦК КПСС от 24 ноября 1956 года о реабилитации и восстановлении автономии депортированных народов, в частности карачаевского народа, что они (Инжиевский А.А. и Темиров УЕ. – секретари ОК КПСС) допускают грубые нарушения в кадровой политике. Оно выражается, – указывается в письме, – в основном в недоверии к достойным кадрам карачаевской национальности и так далее»⁵².

«Однако проведенные партийными органами проверки в автономной области, беседы руководства пар-

51 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа Инициативной группы по созданию общественного движения». – 1993 г.

52 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общ-ва «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». – 1989г.

тийных органов с авторами этих писем не только не устранили указанные недостатки, но ещё больше усилили идеологические диверсии против карачаевского народа»⁵³, – вспоминает Урусов А.Г.

«Инициативная группа поняла, – признает А.Урусов, – что жалобами и письмами невозможно восстановить равноправие карачаевского народа. Поэтому надо было искать такие пути, которые объединили бы коренные интересы народа и консолидировали его, позволили бы преодолеть чувство безысходности и многолетнего страха, насаждавшегося репрессивным аппаратом государства под руководством партийных органов КПСС в центре и на местах»⁵⁴. Необходимо было создать массовое общественное движение, способное выдержать партийный диктат и мобилизовать весь карачаевский народ на защиту своих национальных интересов и полную реабилитацию.

Удобным мероприятием для реализации поставленной задачи Инициативная группа посчитала траурный митинг, посвященный 45-летию выселения карачаевского народа из родных мест 2 ноября 1943 г. Началась активная подготовка к проведению митинга. Прежде всего предстояло расширить круг своих сторонников, создать общественное движение.

Для достижения этой цели А.Г. Урусов и А.М. Кубанов в августе-сентябре 1988 года ходили по домам, встречались и беседовали с ветеранами Великой Отечественной войны, выясняли их отношение к идее создания массового общественного движения за реабилитацию незаконно репрессированного карачаевского народа,

⁵³ Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа Инициативной группы по созданию общественного движения». – 1993 г.

⁵⁴ Там же.

его защиты от морально-психологического давления и преследований со стороны партийных органов края и области. После обхода фронтовиков 36 человек согласились войти в состав ранее существовавшей Инициативной группы (в некоторых воспоминаниях упоминается как Инициативный комитет. – *Авт.*) Урусова, Кубанова, Лайпанова. Все расписались в том, что они коллективно несут ответственность перед своим народом и будут добиваться полной реабилитации карачаевского народа⁵⁵. Список этих мужественных людей хранится в архиве общества «Джамагъат».

Первое заседание обновленной и расширенной Инициативной группы состоялось 10 октября 1988 года. Чтобы не вызвать подозрения со стороны партийных органов, его проводили в г. Карачаевске на улице Мира, возле почты, где обычно собирались для отдыха горожане. На заседании Инициативной группы был создан её постоянно действующий орган в составе трёх человек: А.Г. Урусов (председатель), А.М. Кубанов и К.Т. Лайпанов. Здесь же, из числа ветеранов Великой Отечественной войны, был утвержден Оргкомитет (22 человека) по подготовке и проведению траурного митинга, посвященного 45-летию выселения карачаевского народа из родных мест (А.М. Кубанов – председатель, М.Х.-М. Семенов – заместитель, А.Г. Урусов – секретарь)⁵⁶.

На втором заседании Инициативной группы 16 октября 1988 года был согласован и принят текст официального заявления о проведении митинга, а также его цели, задачи, тематика. Основными задачами митинга и основными положениями для обсуждения на нем были утверждены:

55 Газета «Карачаево-Балкарский мир». – №1-2(77). – Черкесск, 2010. – февраль.
56 Там же.

«1. День 2 ноября 1988 года – день выселения карачаевского народа считать чёрным днём и отмечать каждый год как траурный день карачаевцев.

2. Главными виновниками подготовки и проведения незаконного выселения карачаевского народа, геноцида против него считать Сталина, Берию и Суслова. Карачаевский народ обвиняет их как врагов малых народов, он осуждает их.

3. В ознаменование памяти жертв культа личности установить мемориальный памятник в городе Карачаевске.

4. Потребовать от партийных и советских органов решить вопрос о возмещении карачаевцам материального ущерба, нанесенного выселением (каждому из них).

5. Карачаевский народ требует от Государства и Партии немедленной политической реабилитации карачаевского народа.

6. Установление правдивой истории карачаевского народа в период ВОВ и послевоенного периода (Средняя Азия и Казахстан), а также возвращения народа к историческим землям (удачи и трудности).

Вести откровенный, нелицемерный разговор на митинге о фальсификации фактической истории народа, назвать имена организаторов выселения.

На митинге рассказать народу, участникам митинга о фактах волокиты в бюрократических аппаратах партии и власти и об их неспособности объективно и правдиво решать эти проблемы.

7. Принять на митинге обращение к трудящимся, общественным организациям, работникам религиозных конфессий об активизации работы по воспитанию молодежи на примерах народных традиций и обычаев»

(излагается с сохранением текста и стилистики оригинала. – *Авт.*)⁵⁷.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О порядке организации проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» от 28 июля 1988 г. в заявлении Инициативной группы на имя председателей исполкомов и Советов Карачаевского районного и городского советов народных депутатов была выражена просьба разрешить проведение общенационального траурного митинга 30 октября 1988 года в городе Карачаевске на площади Дома Советов. В заявлении было указано, что Инициативная группа берёт на себя обязательство провести митинг в рамках закона⁵⁸.

Как стало известно позже, заявление Инициативной группы о проведении траурного митинга в экстренном порядке было доставлено в обком КПСС, а затем в крайком КПСС. В спешном порядке были сформированы специальные бригады партийных и государственных органов области для челночных поездок в г. Карачаевск и психологической обработки организаторов митинга с целью сорвать его проведение. Руководящие партийно-государственные чиновники боялись гласного общественного обсуждения назревших национальных проблем и неприглядной антикарачаевской деятельности, некоторых из них, которые вскрылись бы на митинге⁵⁹.

Несмотря на законность этого обращения, митинг провести не удалось, власти сделали всё для его срыва. На следующий день после подачи заявления из Черкес-

57 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа Инициативной группы по созданию общественного движения». – 1993 г.

58 Газета «Карачаево-Балкарский мир». – №1-2(77). – Черкесск, 2010. – февраль.

59 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа Инициативной группы по созданию общественного движения». – 1993 г.

ска прибыла первая группа ответственных работников во главе с секретарём обкома КПСС Кипкеевым Р. К. Эта группа с участием первого секретаря Карачаевского ГК КПСС Соловьёва М. Н. и других стала настойчиво уговаривать инициаторов митинга отказаться от его проведения. В этих переговорах участвовали 18 членов Инициативной группы. После длительных дебатов переговоры закончились безрезультатно. Для проведения следующего раунда переговоров в г. Карачаевск прибыл председатель облисполкома В.И. Хубиев и с ним уважаемые в народе карачаевцы: Акбаев М.О., Шаманов А.Ш., Деккушев К.А. и другие. Следом потянулись новые бригады ответработников области. Однако в ходе длительного переговорного процесса и консультаций переговорщики оказались перед фактом, что обком и крайком КПСС уже начали действовать за их спиной. Была дана команда блокировать Дом Советов со всех сторон. В ночь с 28 на 29 октября 1988 года улицы и подъезды к Дому Советов г. Карачаевска перекрыли бетонными тумбами, подтянули подразделения внутренних войск и мобилизовали милицию области и края. По воспоминаниям очевидцев, все прилегающие к Дому Советов площади, скверы и улицы были заняты толпами милицейских офицеров. «Одновременно власти пустили провокационный слух о том, что карачаевцы готовятся устроить погром в городе. Даже распространили небылицу, что над аулом Джингирик в горах приземлился вертолет, где руководство инициативного комитета встретилось с неизвестными экстремистами и от них получило большое количество оружия»⁶⁰.

⁶⁰ Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа Инициативной группы по созданию общественного движения». – 1993 г.

Руководство области и края не скрывало от членов Оргкомитета по проведению траурного митинга, что если митинг всё-таки начнется без официального разрешения, то будут приняты все меры для силового разгона митингующих. Одновременно велась индивидуальная обработка активистов и членов их семей, вплоть до прямых угроз, шантажа и давления на них. Поэтому многие члены Оргкомитета к 25-26 октября 1988 г. вышли из его состава, а в нём остались одни лишь члены Инициативной группы. В те дни в г. Карачаевске участились попытки спровоцировать массовые столкновения карачаевской молодёжи и студентов с милицией, чтобы дать возможность последним применить оружие и устроить показательную порку карачаевцев.

В ход пошли подложные, якобы написанные карачаевцами провокационные листовки с угрозой, что 2 ноября 1943 г. они, карачаевцы, устроят резню русских и людей других национальностей. Задержанные активистами Инициативной группы раздатчики этих листовок (оказались некарачаевской национальности) были переданы органам милиции⁶¹.

При условии отказа от проведения митинга власти пообещали Инициативной группе внимательно изучить выдвигаемые ею требования, предоставить активистам возможность выступить о них на радио и в областных газетах.

В связи со сложившейся ситуацией Инициативной группе пришлось прекратить переговорный процесс, отозвать свое заявление и отложить митинг. «После того, как представители обкома КПСС заверили нас, что проведут соответствующие мероприятия по восстанов-

⁶¹ Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа Инициативной группы по созданию общественного движения». – 1993 г.

лению справедливости по отношению к карачаевскому народу, – отмечает А.М. Кубанов, – (мы действительно верили и надеялись, что обком КПСС отменит решения III и IV пленумов обкома, объявит ложью несуществовавший карачаевский политический бандитизм, т.е. снимет все тяжкие обвинения) был отложен митинг»⁶².

29 октября 1988 года в газете «Ленинское знамя» была опубликована статья «Беречь и приумножать братскую дружбу народов». В ней впервые отмечалось, что ...«обстановка, сложившаяся на Северном Кавказе после изгнания врага, ни в коей мере не требовала таких чрезвычайных мер, как переселение народов в другие регионы страны. Однако такая преступная акция была проведена. Произошло чудовищное отождествление предательства отдельных лиц или групп с предательством народностей, населяющих Северный Кавказ. В измене Родине обвинили и малых и старых, с Северного Кавказа в 1943-1944 годы были переселены один из народов Карачаево-Черкесии – карачаевцы, а также балкарцы, чеченцы, ингуши»⁶³.

Эта публикация была воспринята с удовлетворением жителями автономной области. Однако, как выяснилось чуть позже, обком и крайком КПСС, успокоив карачаевцев общими разговорами и призывами к дружбе народов, не хотели и не думали осуществить их реабилитацию в полном объёме, ограничив её ранее принятыми частичными полумерами. Партийные органы считали, что реабилитация полностью завершена, карачаевцы вернулись на свои прежние места жительства и этого достаточно.

62 Газета «Карачаево-Балкарский мир». – №1-2 (77). – Черкесск, 2010. – февраль.

63 Газета «Ленинское знамя». – 1988 г. – 29 октября.

Анализируя сложившуюся после отмены траурного митинга ситуацию, Инициативная группа отдавала себе отчёт и хорошо понимала, что если вопрос о реабилитации оставить в том виде, в каком предлагают партийно-советские органы области и края, и согласиться с ними, то это станет предательством перед своим народом. Стало понятным, что обстановка требует от оставшейся части Инициативной группы более слаженной и масштабной работы. В конце 1988 года Инициативная группа была преобразована в областной Организационный комитет по реабилитации карачаевского народа и восстановлению его автономии⁶⁴ (Урусов А.Г. – председатель Оргкомитета, Кубанов А.М. – заместитель председателя и Лайпанов К.Т. – член комитета). «Цель такого преобразования, – отмечает А.Г. Урусов, – заключалась в том, чтобы: более организованно, масштабно и ответственно вести работу по восстановлению подлинной истории карачаевского народа, и прежде всего периода Великой Отечественной войны, который больше всего был подвергнут преднамеренному искажению, более того – явной фальсификации. Однако по ходу работы задача Оргкомитета осложнялась. Надо было более основательно, глубоко заниматься вопросами полной реабилитации и восстановления насильственно и незаконно ликвидированной в 1943 году автономии, последовательно очищать нашу историю от тяжких сфальсифицированных обвинительных актов, ставших причиной выселения народа⁶⁵.

Одновременно с этим развернулась активная организационная работа по увеличению численности об-

64 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа Инициативной группы по созданию общественного движения». – 1993 г.

65 Там же.

шественного движения. Для того, чтобы переломить сложившуюся ситуацию, выдержать давление и противодействие со стороны партийных органов и реализовать свои реабилитационные планы, Организационный комитет поставил перед собой ряд неотложных задач. Прежде всего было необходимо организовать широкую разъяснительную работу среди карачаевцев и других народов о содержании и значении реабилитации репрессированных народов, повысить национальное самосознание и сплоченность карачаевского народа, расширить социальную базу и увеличить численность национального общественного движения и количество его сторонников. Тогда же впервые зародилась мысль о необходимости добиться от властей принятия специального федерального закона о реабилитации карачаевского и других репрессированных народов страны. Для решения этих задач руководители областного оргкомитета: Урусов, Кубанов, Лайпанов и Герюков весной 1989 года выезжали в ущелье Джингирик, где в лесу около нарзанных источников организовали встречи с преподавателями и студентами Карачаево-Черкесского государственного педагогического института. Выезжали туда три раза в течение 10 дней. На каждой встрече присутствовало по 50-70 человек. Преподаватели и студенты согласились войти в ряды Оргкомитета по реабилитации карачаевского народа и восстановлению его автономии. В организации этих встреч помогали преподаватели института Маршанкулов Джашау, Токов Абдуллах, Лайпанов Кази, Асхаков Солтан⁶⁶.

Вслед за этим Оргкомитетом были проведены соборания в рабочих коллективах конденсаторного и ин-

⁶⁶ Газета «Карачаево-Балкарский мир». – №1-2 (77). – Черкесск, 2010. – февраль.

струментального заводов, других предприятий для разъяснения своей позиции по национальному вопросу, реабилитации карачаевского народа, решениям IV (1974 г.) и III (1981 г.) пленумов и других политических акций обкома КПСС, направленных на политическую дискредитацию карачаевцев. Члены Организационного комитета вели активную разъяснительную работу в населенных пунктах области, встречались с влиятельными представителями других народов.

Следующим важным шагом руководителей национального движения явилось преобразование в мае 1989 года Областного Оргкомитета в национальное общественное движение «Джамагъат» (общество «Джамагъат»), формирование его руководящего органа – Совета, разработка Устава и платформы по реабилитации репрессированного карачаевского народа и восстановлению его автономии. Руководство движения было сохранено прежнее. С этого момента началось массовое вступление новых членов в ряды «Джамагъата». Наряду с отдельными гражданами в него вступали целые трудовые коллективы предприятий и организаций. Так, коллективными членами «Джамагъата» стали колхозники колхоза «Родина» Прикубанского района вместе со своим руководителем Народным депутатом СССР Хачиризовым И.А., внесшим большой и всесторонний вклад в реабилитационную деятельность «Джамагъата». К 1990 году общее число его членов достигло 10 тысяч человек, деятельность общества распространилась на всю территорию области. Были созданы первичные организации «Джамагъата» во многих аулах и предприятиях области, в Ставрополе, Москве, Ленинграде и других городах СССР, а также в США, Турции и т.д. Во многих городах

и районах действовали районные и городские отделения этого общественного движения⁶⁷.

Такая организационная работа продолжалась с конца 1988 года до середины 1989 года. Одновременно с созданием первичных, городских и районных структур, расширением социальной базы и численности своих рядов общество «Джамагъат» провело в этот период три митинга: один в клубе конторы «Курортторг», в котором участвовало около 350 человек. В нём принял участие заместитель председателя облисполкома Р.Ш. Татаршао, Два других митинги проводились на стадионе города Карачаевска. Эти митинги показали консолидацию, возросшее самосознание карачаевцев, их твёрдую волю и намерение добиться своей полной реабилитации»⁶⁸.

Для обеспечения выполнения реабилитационной миссии общество «Джамагъат» и его Совет сформулировали ряд жизненно важных теоретических и прикладных задач. В том числе:

- 1) Разработка концепции реабилитации репрессированного карачаевского народа.
- 2) Политическая реабилитация карачаевского народа, восстановление его объективной истории, особенно периода Великой Отечественной войны, а также честного и доброго имени карачаевцев, подвергнутого злонамеренным искажениям и деформациям.
- 3) Восстановление автономии карачаевского народа.
- 4) Обеспечение компенсации за экономический ущерб, нанесённый карачаевскому народу в результате депортации.
- 5) Добиться присвоения звания «Герой России» во-

67 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа Инициативной группы по созданию общественного движения». – 1993 г.

68 Газета «Карачаево-Балкарский мир». – №1-2 (77), февраль. – 2010 г.

инам-карачаевцам, представленным в годы Великой Отечественной войны к званию Героя Советского Союза, но не получивших его из-за принадлежности к репрессированному народу.

6) Культурная реабилитация репрессированного народа, повышение статуса государственных вузов Карачаево-Черкесии и укрепление их материально-технической базы.

7) Сооружение в г. Карачаевске мемориального памятника жертвам сталинских репрессий.

8) Официальное признание дня депортации карачаевского народа 2 ноября 1943 г. Днем памяти и скорби в Карачаево-Черкесии.

9) Установление на государственном уровне и официальное празднование Дня возрождения карачаевского народа.

«Джамагъат» также добивался от органов государственной власти создания в столице региона г. Черкеске Аллеи Героев Советского Союза и России в целях патриотического воспитания подрастающего поколения.

По ходу своей деятельности общество «Джамагъат» детализировало, дополняло эти задачи и планомерно добивалось их выполнения.

Рассмотренный выше этап зарождения общества «Джамагъат» – первого общественного национального движения в Карачаево-Черкесии и на Северном Кавказе показывает, что он проходил в достаточно трудных и противоречивых общественно-политических условиях.

Это объяснялось рядом характерных для того периода причин.

С одной стороны, советская перестройка, гласность и демократизация государства и общества, набравшие в

конец 1980-х годов полную силу, объективно создавали условия для развития общественной самодеятельности масс, формирования общественных объединений граждан, легализации и разрешения накопившихся национальных проблем. С другой стороны, в реальных условиях регионов, в частности Карачаево-Черкесии, где у власти по-прежнему находилась старая номенклатура, региональные и местные органы КПСС всё ещё находились в плену у старых, доперестроечных догм и стереотипов, в том числе и по национальным проблемам тех или иных этносов. В силу этого они действовали устаревшими, в основном запретительными методами, подрывая веру простых граждан и целых народов в проводимую в стране советскую перестройку и другие реформы.

Немотивированно жёсткая политическая репрессия и депортация карачаевского народа в 1943 году, затем продолжавшийся тридцать лет морально-психологический геноцид карачаевцев, после возвращения на историческую родину – Кавказ неоправданно долго затянувшийся процесс его полной реабилитации на фоне общего кризиса власти и доверия к ней со стороны граждан стали основными причинами создания карачаевского национального движения «Джамагъат». Названные факторы определили основные цели и задачи этого общественного объединения.

По замыслу её создателей общество «Джамагъат» было создано 10 октября 1988 года для защиты гражданских прав и достижения полной политической, юридической и морально-психологической реабилитации незаконно репрессированного в 1943 году карачаевского народа.

Оно было призвано в первую очередь:

1) Защищать гражданские права карачаевского народа от нападков партийных органов и лжепатриотов, то есть отвести идеологический геноцид;

2) Принять необходимые меры по полной реабилитации карачаевского народа.

Других защитников законных прав в 1980-е и 1990-е годы у карачаевского народа просто не было, не существовало кроме республиканского общества «Джамагъат», которое мужественно приступило к выполнению этих непростых проблем»⁶⁹.

Важно подчеркнуть, что карачаевское общественное национальное движение с первых дней своего зарождения занимало интернациональную позицию, выступало за сохранение единой Карачаево-Черкесии, соблюдение интересов всех населяющих ее народов. Эта позиция просматривается и в письме общества «Джамагъат» от 17 сентября 1989 года в адрес сентябрьского (1989) пленума ЦК КПСС «О национальной политике партии в современных условиях». «... Мы просим ЦК КПСС, – говорится в этом письме, – восстановить национальную справедливость в отношении карачаевского народа, полностью реабилитировать его, отменив Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1943 года о выселении карачаевского народа и ликвидации его автономии, а также восстановить подлинную историю народа.

Одновременно мы просим преобразовать Карачаево-Черкесскую область в Карачаево-Черкесскую Советскую Социалистическую республику»⁷⁰.

69 Личный архив Темирова С.С. // Справка Президенту Карачаево-Черкесской Республики В.М. Семенову «О роли республиканского общества «Джамагъат» в реабилитации карачаевского народа» за подписью А.Г. Урусова.

70 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общества «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». – 1989 г.

Несмотря на всевозможные встречи, беседы, переговоры, обращения «джамагъатовцев» в областные, краевые, центральные партийные и советские органы, проблемы репрессированного карачаевского народа не решались. Более того, отмечают руководители национального движения, «в области усилилась работа по дискредитации карачаевцев, идеологическая диверсия против карачаевцев активизирована, а их историческое прошлое, в частности участие в Великой Отечественной войне, умышленно искажалось»⁷¹.

В этих условиях «Джамагъат», ещё не завершив до конца этап организационно-правового оформления, приступил к выполнению своих реабилитационных задач и начал готовить представительную делегацию карачаевского народа для встречи в Верховном Совете СССР, Совмине СССР и ЦК КПСС. Для этого «Джамагъатом» было подготовлено письмо-обращение от имени карачаевского народа к высшим органам государственной власти страны и организован сбор подписей в его поддержку. Под обращением поставили свои подписи ветераны Великой Отечественной войны, ветераны труда, награжденные орденами и медалями СССР, заслуженные люди в сфере науки, образования, культуры, здравоохранения, журналисты, писатели, специалисты отраслей народного хозяйства. Всего 3500 человек. Вся эта большая и ответственная политическая работа была хорошо организована и оперативно проведена «джамагъатовцами» в короткие сроки, несмотря на противодействие аппарата области и края⁷².

71 Личный архив Темирова С.С. // Отчет народного депутата РСФСР, председателя общества «Джамагъат» Урусова А.Г. – 1995г.

72 Газета «Карачаево-Балкарский мир». - №1-2 (77). - Черкесск, 2010. - февраль. // Абдул Кубанов. «Джамагъат»: путь мирного решения судьбоносных проблем карачаевского народа»; Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа Инициативной группы по созданию общественного движения». - 1993.

В августе 1989 года общество «Джамагъат» завершило подготовку и направило в Москву свою первую официальную делегацию в количестве 10 человек во главе с Урусовым, Кубановым и Лайпановым. Делегация была принята в ЦК КПСС, Верховном Совете СССР и КГБ СССР. В результате этих встреч и переговоров в высших эшелонах власти СССР было достигнуто понимание национальных проблем карачаевского и других репрессированных народов страны и необходимости принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов». Это была первая крупная политическая победа молодого карачаевского национального движения. Властные структуры страны обратили внимание на то, что все лучшие люди нации поставили свои подписи под обращением о необходимости полной и безоговорочной реабилитации карачаевского народа. Тем не менее некоторые чиновники дали понять членам карачаевской делегации, что для 160-тысячного народа мнения 3500 человек ещё недостаточно. Кроме того, было сделано замечание, чтобы карачаевцы ходатайствовали только за свой народ, а не за все репрессированные народы⁷³.

После возвращения делегации из Москвы «Джамагъат» продолжил сбор подписей в поддержку своего доработанного Обращения. В короткий срок – за 10 дней – под этот важный документ свои подписи поставили свыше 65 тысяч человек. Вторая делегация «Джамагъата» передала в Москве все эти материалы Председателю Совета Национальностей Верховного Совета СССР Нишанову Р.Н.⁷⁴

73 Газета «Карачаево-Балкарский мир». - №1-2(77). - Черкесск, 2010. - февраль.
// Абдул Кубанов. «Джамагъат»: путь мирного решения судьбоносных проблем карачаевского народа.

74 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа Инициативной группы по созданию общественного движения». – 1993 г.

Такая мощная политическая акция общества «Джамагъат» не могла не привлечь внимания партийно-советских органов области и края и не повлиять на этнополитическую ситуацию в регионе.

16 сентября 1989 года состоялась X (внеочередная) сессия Карачаево-Черкесского областного Совета народных депутатов 20-го созыва, на которой представителями карачаевского национального движения «Джамагъат» впервые официально был поднят вопрос об изменении формы национально-государственного устройства КЧАО. В скупой официальной информации сообщалось, что «группой депутатов Совета народных депутатов области был поднят вопрос о необходимости пересмотра статуса автономной области в свете новых положений, изложенных в проекте платформы КПСС «Национальная политика партии в новых условиях». На него ответ дал председатель облисполкома В.И. Хубиев. В обмене мнениями приняли участие первый секретарь обкома КПСС В.Е. Лесниченко, другие депутаты. Сессия поручила облисполкому образовать компетентную комиссию, которая всесторонне проработала бы политические и социально-экономические последствия реализации выдвинутых предложений»⁷⁵.

На этой сессии основным вопросом повестки дня был «Отчёт о работе исполнительного комитета Совета народных депутатов области и задачи советских и хозяйственных органов, вытекающие из постановления съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР». В заключительном слове по этому вопросу докладчик депутат Хубиев В.И. (председатель облисполкома. – *Авт.*),

⁷⁵ Газета «Ленинское знамя». – Черкесск, 1989. – 19 сентября.

ответил на вопросы группы депутатов: Болуровой А.И., Тараненко Л.Г., Холходжаевой Г.Е., Кубанова К.А., народного депутата СССР Хачирова И.А., касающиеся пересмотра статуса области. Хубиев В.И. рассказал о встрече в Карачаевске с Инициативной группой по реабилитации карачаевского народа и с населением, о том, что он дошёл до сведения собравшихся точку зрения обкома КПСС и облисполкома о нецелесообразности деления области и образования Карачаевской автономной области. Затем Хубиев В.И. высказал участникам сессии своё мнение по вопросу выхода автономной области из состава Ставропольского края. Выразив благодарность Ставропольской краевой партийной организации, всем трудящимся края за ту помощь, которую они оказали народам области в их социально-экономическом развитии, далее он отметил: «Сегодня двойное подчинение области – сначала краю, затем союзной республике – сковывает местную инициативу, тормозит процесс демократизации, управление народным хозяйством Карачаево-Черкесской автономной области. Двойное подчинение, отсутствие самостоятельности в решении важных вопросов приводят и уже привели к отставанию области в духовной и социальной сферах... край держит автономную область на правах района»⁷⁶, – заявил председатель облисполкома. Он отметил, что сегодня автономная область явно встала на ноги, накопила опыт в политической, экономической, культурной жизни, имеются подготовленные кадры. «Так что ещё раз спасибо за проявленную о нас заботу, нам дальше не

⁷⁶ Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики. РГУ «ЦДОДП КЧР», Ф.Р-399, оп.1, д.2927, л.8. Протокол десятой сессии Совета народных депутатов Карачаево-Черкесской автономной области двадцатого созыва 16.09.89 г. г. Черкесск. Выступление председателя облисполкома В.И. Хубиева.

надо быть обузой краю, ибо у него есть заботы и без нас. А мы испробуем свои силы в составе непосредственно РСФСР в форме АССР, а если нет, то и в виде автономной области», – сказал в завершение Хубиев В.И.⁷⁷

После заключительного слова докладчика на сессии развернулись бурные дебаты. Часть депутатов, в том числе Салпагаров И.З., Найманов Н.Ю., Редькин В.П., Татаршао Р.Ш. и другие, поддержала мнение, высказанное Хубиевым В.И., и предложила придать этому процессу организованный характер, изучить и учесть мнение народов по этому вопросу, активнее взаимодействовать с общественностью. Другая часть депутатов не поддержала идею отделения от края, повышения статуса автономии (см. Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики. РГУ ЦДОДП КЧР», Ф.Р.-399, оп.1, д.2927, л.8.). Не получила поддержки и идея восстановления упраздненной автономии карачаевского народа в границах 1943 года, так как это, по мнению упомянутых выше депутатов, может привести к обострению межнациональных отношений. В итоге обсуждения сессия, по предложению депутатов Редькина В.П., Снежко Л.И. и ряда других, приняла решение создать компетентную комиссию для всестороннего изучения обсуждаемого вопроса⁷⁸.

Комиссия облисполкома была создана, она разработала предложения по изменению статуса автономной

⁷⁷ Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики. РГУ «ЦДОДП КЧР», Ф.Р.-399, оп.1, д.2927, л.8. Протокол десятой сессии Совета народных депутатов Карачаево-Черкесской автономной области двадцатого созыва 16.09.89 г. г. Черкесск. Выступление председателя облисполкома В.И. Хубиева.

⁷⁸ Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики. РГУ ЦДОДП КЧР», Ф.Р.-399, оп.1, д.2927, л.8. Протокол десятой сессии Совета народных депутатов Карачаево-Черкесской автономной области двадцатого созыва 16.09.89 г. г. Черкесск. Выступление председателя облисполкома В.И. Хубиева.

области. Однако эти предложения не были востребованы, более того, были проигнорированы руководством обкома и Ставропольского крайкома КПСС. В их политике по отношению к карачаевскому народу ничего не изменилось, морально-психологическое давление на карачаевцев со стороны партаппарата продолжалось и «подогревало» антиставропольские настроения в автономии⁷⁹.

После вышеупомянутой сессии обком КПСС провел целую серию встреч с группами активистов по национальному признаку. Поочередно были приглашены представители всех основных народов области, кроме карачаевцев, для обсуждения складывающейся в регионе этнополитической ситуации, вопросов, поднимаемых карачаевским общественным движением. На этих встречах инициировалось создание альтернативных общественных организаций этих народов. Об этих фактах говорил в своем выступлении 30 ноября 1990 года на внеочередной сессии областного Совета народных депутатов председатель Карачаево-Черкесского облисполкома Хубиев В.И.⁸⁰

В сентябре 1989 года «общество «Джамагъат» энергично приступило к подготовке I-го съезда народов Карачая». Официально работа шла от имени Инициативной группы по реабилитации карачаевского народа и восстановлению его автономии, так как «Джамагъат» ещё находился в стадии организационного становления и не прошёл государственную регистрацию. «Оперативно были проведены выборы делегатов съезда от всех ше-

79 Карачаевский научно-исследовательский институт им. А.И. Батчаева КНИИ Ф.7. Оп.Д.11.Л.13. // Хатуев Р.Т.«Рождение национальных организаций. Казачество».

80 Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф.Р-399. Оп.1.Д.3127.Л.49.Л.50.Л.51.

сти районов бывшей Карачаевской автономной области, подготовлены проекты всех итоговых документов съезда» и т.п.⁸¹

I-й съезд народов Карачая начал свою работу 8 октября 1989 г. в 14.00 в актовом зале Дома Советов г. Карачаевска и продолжался до рассвета 9 октября. Это был первый самостоятельный форум такого уровня после 1920-х годов. Он сыграл историческую роль в консолидации и легитимизации карачаевского национального движения, впервые отфиксировал и выдвинул в публичном политическом пространстве основные положения и требования реабилитационной программы одного из репрессированных народов страны – карачаевцев. В официальной прессе сообщалось, что «съезд не был санкционирован исполкомом областного Совета народных депутатов»⁸². Однако, учитывая, что Инициативная группа приняла решение о его проведении, бюро обкома КПСС направило для участия в работе съезда заместителя председателя облисполкома Р.Ш. Татаршао, члена бюро обкома КПСС, заведующего отделом организационно-партийной и кадровой работы Ю.А. Никулина, заведующего идеологическим отделом обкома КПСС Э.Х. Джегутанова»⁸³. Тем самым обком КПСС де-факто признал правомерным проведение съезда. В работе съезда приняло участие 502 делегата и 110 приглашенных лиц. На съезде присутствовали делегации из всех районов КЧАО, братских автономных республик и репрессированных народов страны, Ставропольского и Краснодарского краев, Калмыкии, республик Средней Азии и Ка-

81 Личный архив Темирова С.С. // Отчет народного депутата РСФСР, председателя общ-ва «Джамагъат» Урусова А.Г. - 1995г.

82 Газета «Ленинское знамя». - Черкесск, 1989. - 27 октября.

83 Там же.

захстана, представители интеллигенции из различных городов Советского Союза⁸⁴.

Открыл съезд и председательствовал на нем А.Г. Урусов. В кратком вступительном слове он в качестве основной политической задачи национального движения отметил: «...В соответствии с Платформой партии осуществить полную политическую реабилитацию карачаевского народа с восстановлением его национальной автономии в статусе Карачаевской Автономной Советской Социалистической Республики с подчинением центральным органам государственной власти. При волеизъявлении всех народов Карачая и Черкесии рассмотреть возможность образования Карачаево-Черкесской Автономной Советской Социалистической Республики»⁸⁵. По поручению Инициативной группы с докладом на съезде выступил член группы профессор К. Лайпанов. В прениях приняло участие 23 человека⁸⁶ (в т.ч. карачаевцы, абазины, черкесы, русские, представители гостей).

Завершив обсуждение вопросов повестки дня, делегаты I съезда приняли развернутую резолюцию, основные пункты которой сводились к следующему:

– восстановить автономию карачаевского народа в статусе Карачаевской АССР;

– установить дату 2 ноября 1943 года (день депортации карачаевского народа в Среднюю Азию и Казахстан.

– *Авт.*) днём национальной трагедии карачаевского народа;

84 Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики РГУ «ЦДОДП КЧР», Ф.1, Оп.70, Д.383, Л.1-5.

85 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общ-ва «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР», - 1989 г.

86 Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики РГУ «ЦДОДП КЧР», Ф.1, Оп.70, Д.383, Л.1-5.

– образовать карачаевское общество «Джамагъат» за перестройку»;

– создать оргкомитет по полной реабилитации карачаевского народа и восстановлению его национальной автономии с учреждением своего счёта, фонда и образованием его районных отделений.

Обращаясь к Верховному Совету СССР, II съезду народных депутатов СССР, делегаты I съезда народов Карачая в принятой резолюции просили «в целях безотлагательной полной политической, юридической, морально-психологической реабилитации карачаевского народа законодательно отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 года и другие юридические акты, дискриминирующие карачаевцев. Восстановить несправедливо отнятую у целого народа национальную государственность - статус Карачаевской автономной области с непосредственным подчинением органам государственной власти и управления РСФСР и СССР»⁸⁷.

Далее в резолюции съезда депутаты просили «Учитывая возросшую численность карачаевского народа, его экономические и социальные достижения за 32 года после возвращения на родную территорию, равно как и необходимость создания более благоприятных условий для преодоления всё ещё ощущающихся социально-экономических, морально-психологических издержек и отголосков переселения, рассмотреть вопрос о предоставлении карачаевскому народу совместно с проживающими на его исконной территории другими национальностями статуса Карачаевской Автономной Советской Социалистической Республики. При волеизъявлении

⁸⁷ Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики РГУ «ЦДООДП КЧР», Ф.1, Оп.70, Д.383, Л.16-19.

всех народов Карачая и Черкесии считать возможным образование единой Карачаево-Черкесской Автономной Советской Социалистической Республики»⁸⁸.

Съезд принял решение создать Организационный комитет по полной реабилитации карачаевского народа и восстановлению его национальной автономии с учреждением своего счёта, фонда и образованием его районных отделений. Съезд выдвинул ряд постановочных предложений и просьб в адрес партийных и советских органов власти различного уровня.

Делегаты съезда приняли обращение народов к Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Верховного Совета СССР М.С. Горбачёву, Председателю Совета Национальностей Р.Н. Нишанову, Председателю Верховного Совета РСФСР В.И. Воротникову, II съезду народных депутатов СССР. В этом обращении были изложены все основные положения принятой резолюции, даны необходимые разъяснения и уточнения. Делегаты съезда обращались к Верховному Совету СССР и призывали народных депутатов всех уровней принять активное участие в восстановлении исторической справедливости по отношению к карачаевскому народу. Они выражали уверенность в том, что «трудящиеся области примут самое действенное участие в реабилитации карачаевского народа, что, несомненно будет способствовать ещё большему укреплению дружбы и братства между народами»⁸⁹.

Специально созданной решением съезда комиссии в составе 11 человек во главе с А.Г. Урусовым было поручено

88 Газета «Ленинское знамя». - Черкесск, 1989. - 27 октября.

89 Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики РГУ «ЦДОДП КЧР», Ф.1, Оп.70, Д.383, Л.19.

чено вручить это обращение и резолюцию съезда лично адресатам⁹⁰.

Однако это поручение съезда было исполнено некорректно, что привело к негативным политическим последствиям.

В связи с тем, что А.Г. Урусов, по уважительной причине, не смог возглавить вышеупомянутую комиссию в её встречах с руководством высших органов власти страны и КПСС, её руководителем был назначен член Совета общества «Джамагъат» К.Т. Лайпанов. Прибыв в Москву, он самолично, не имея на то никаких полномочий, изменил текст формулировки и тем самым искажил смысл утвержденной резолюции I-го съезда. Она гласила: «При волеизъявлении всех народов Карачая и Черкесии считать возможным образование единой Карачаево-Черкесской Автономной Советской Социалистической Республики»⁹¹. После внесенной поправки Лайпанова этот текст выглядел так: «При волеизъявлении всех народов Карачая и Черкесии считать впоследствии (выделено. – *Авт.*) возможным образование единой Карачаево-Черкесской Автономной Советской Социалистической Республики»⁹². Таким образом, это принципиально важное положение резолюции съезда обрело иную, двусмысленную интерпретацию. На это обстоятельство немедленно отреагировали региональные партийно-советские органы. По мнению А.Г. Урусова, «видно было, что они ждали идею подлога резолюции съезда с целью обострения межнациональных

90 Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики РГУ «ЦДЮДП КЧР», Ф.1, Оп.70, Д.383, Л.16.

91 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общ-ва «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». - 1989 г.

92 Там же.

отношений в области, срыва реабилитации карачаевцев⁹³, хотя в областных газетах, в частности в газете «Ленинское знамя» за 27 октября 1989 года, по итогам съезда был опубликован правильный вариант этого текста. По автономной области немедленно поползли слухи и толкования о том, быть ли реабилитации депортированного народа, если быть, то в какой форме, и тому подобное. В высшие органы государственной власти страны, ЦК КПСС были направлены многочисленные письма и телеграммы, «искажающие содержание реабилитации депортированного народа, в том числе карачаевского народа». Общественному движению «Джамагъат» стало ясно, «что процесс реабилитации принимает затяжной характер. Предстоит трудная борьба»⁹⁴, – пишет А.Г. Урусов.

I съезд народов Карачая официально учредил общественную организацию (общество) «Джамагъат» за перестройку», ранее де-юре оно не было учреждено, но де-факто действовало и упоминается в документах, начиная с октября 1988 года⁹⁵. Съезд избрал Совет (руководящий орган) общества «Джамагъат» (в количестве 62 человек), его председателя А.Г. Урусова и заместителей председателя И.И. Алиева и А.М. Кубанова. Устав общества «Джамагъат» был зарегистрирован решением исполкома Карачаевского городского Совета народных депутатов №90 от 26 октября 1989 года⁹⁶. Позже общество «Джамагъат» было перерегистрировано решением

93 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общ-ва «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». -1989.

94 Там же.

95 Личный архив Темирова С.С.//Справка Президенту Карачаево-Черкесской Республики В.М. Семенову «О роли республиканского общества «Джамагъат» в реабилитации карачаевского народа» за подписью А.Г. Урусова.

96 Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф.582, Оп.1, Д.632, Л.10-16.

№254 Карачаево-Черкесского облисполкома от 9 августа 1990 года⁹⁷, а 9 июня 1998 года оно было зарегистрировано Министерством юстиции Карачаево-Черкесской Республики как общенациональная региональная общественная организация «Джамагъат» КЧР.

В материалах I съезда фактически были изложены основные направления политической идеологии общества «Джамагъат»:

1) Полная политическая, юридическая и морально-психологическая реабилитация репрессированного карачаевского народа с обязательным восстановлением его советской национальной автономии, незаконно ликвидированной в 1943 году, и с выходом из состава Ставропольского края.

2) Восстановление исторической справедливости по отношению к балкарцам, чеченцам, ингушам, калмыкам, крымским татарам, советским немцам, туркам-месхетинцам, грекам, курдам и другим ранее высланным из родных мест в ходе сталинских репрессий народам.

3) Сохранение и развитие национального языка, культуры, обрядов и традиций, исторической памяти народа.

4) Сохранение Карачаево-Черкесии как неотъемлемой составной части Российской Федерации, укрепление мира, дружбы и единства между её народами. Поддержка объявленной в СССР перестройки всех сфер общественной жизни страны, создавшей в частности для карачаевского народа благоприятные условия для полной реабилитации и восстановления всех его поправленных прав⁹⁸. Таким образом, I съезд народов Карачая явился

97 Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф.399, Оп.1, Д.2857, Л.17-23.

98 Газета «Ленинское знамя». - Черкесск, 1989. - 27 октября.

первым крупным политическим мероприятием карачаевского национального движения. Он заложил основы значительного роста национального самосознания, политической активизации, консолидации карачаевского народа вокруг реабилитационных идей общества «Джамагъат». Важно отметить, что помимо выдвижения уже известных реабилитационных требований одним из итогов этого форума явилось учреждение (точнее – легитимизация. – *Авт.*) первого за всю советскую историю Карачаево-Черкесии независимого общественного объединения – общества «Джамагъат». Республиканское общество «Джамагъат» имело трехуровневую организационную структуру (городские, районные, первичные отделения), фиксированное членство, членские взносы, Устав, зарегистрированный в органах Минюста, четкую систему управления, являлось в первые годы самой массовой и влиятельной общественной организацией в регионе. Этой организации было суждено сыграть важную роль в политической жизни автономии и реабилитации репрессированных народов Карачаево-Черкесии и страны.

Решения съезда были неоднозначно восприняты в общественном мнении КЧАО, что было характерно и в реакциях на предшествующие акции карачаевских автономистов⁹⁹. «Джамагатовцам» пришлось приложить немало усилий и не один год для разъяснения и отстаивания своих позиций, заявленных на съезде.

Так, 20 февраля 1990 года в газете «Ленинское знамя» в статье «Что такое «Джамагъат»?» председатель Совета общества «Джамагъат» А.Г. Урусов, его за-

---

⁹⁹ Карачаевский научно-исследовательский институт им. А.И. Батчаева КНИИ Ф.7. Оп. 2.Д.11.Л.13. // Хатуев Р.Т. «Рождение национальных организаций. Казачество».

меститель И.И. Алиев, член Совета «Джамагъата» К.Т. Лайпанов разъясняли, что «Общество «Джамагъат» преследует две главные цели: защиту карачаевского этноса и всемерное укрепление дружбы народов области на основе лучшего самосознания и взаимопонимания, воспитания молодежи в духе подлинного интернационализма, уважения к другим народам, их проблемам, обычаям и традициям»¹⁰⁰. Они категорически отвергали распространяемые в области «слухи о том, что карачаевцы вооружаются, вытесняют представителей других народов»¹⁰¹.

Позже, отвечая на вопросы журналиста газеты «Союз» Сергея Харлова, председатель общества «Джамагъат», народный депутат РСФСР Азрет Урусов пояснял: «Джамагъат» – это по-карачаевски уважительное обращение к народу. И так же называется наша общественная организация, которая представляет интересы карачаевского народа по восстановлению автономии и его полной реабилитации., когда карачаевский народ вернулся из четырнадцатилетней ссылки в 1957 году, ему не вернули прежнюю автономию... Это стало повторным ущемлением законных прав карачаевского народа... Под пристальным взглядом Суслова... жители Карачая на протяжении трёх десятков лет подвергались морально-психологическому террору на собственной земле. Возвращение карачаевцев из ссылки все партийные комитеты рассматривали не как реабилитацию, а как амнистию... Ещё два года ни один руководящий пост в области не мог занять карачаевец – все назнача-

100 Газета «Ленинское знамя». -1990. №33 (14.505). - 20 февраля. // Урусов А., Алиев И., Лайпанов К. «Что такое «Джамагъат»?».

101 Там же.

лись сверху... Со стороны Крайкома, обкома и горкомов партии постоянно нагнетались антикарачаевские настроения. Всюду подчеркивалось, что это бандиты, враги и убийцы детей... Хотя уже тогда были найдены архивные документы, опровергающие все эти состряпанные по спецзаказу «факты бандитизма и зверских убийств» и «измены». Даже в годы перестройки партийные комитеты Ставропольского края и Карачаево-Черкесии продолжали выполнять «завещание» Сулова. Например, в 1989 году появилось методическое указание обкома партии об обязательном изучении в детских садах Карачаево-Черкесии книги «Именем ВЧК», в которой карачаевцы показаны как людоеды, бандиты и предатели. Спрашивается, кому это нужно? Кто так упорно заинтересован в том, чтобы перессорить народы нашего края?» – вопрошал лидер «Джамагъата»¹⁰².

После съезда народов Карачая «Джамагъат» в октябре 1989 г. направил третью делегацию в Москву. Ее принимали председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Нишанов Р.Н. и заместитель председателя Совета Министров РСФСР Захаров В.Г. Им были вручены документы и материалы первого съезда народов Карачая. Затем делегация была принята в ЦК КПСС¹⁰³.

Следующим важным политическим шагом «Джамагъата» по реализации своей реабилитационной программы явилось проведение 30 – тысячного общенационального траурного митинга, посвящённого 46-й годовщине депортации карачаевского народа, который состоялся

---

102 Газета «Союз». - 1990. - октябрь, №42.

103 Личный архив Темирова С. С. // Отчет о деятельности общ-ва «Джамагъат» за подписью А.Г. Урусова.

29 октября 1989 г. на аэродроме г. Карачаевска¹⁰⁴. Следует отметить, что прежде в истории карачаевского народа не было такого мероприятия, где бы одновременно собралось 30 тыс. человек. Этот факт доказывает, как был огромен интерес карачаевцев к проводимым мероприятиям, связанным с реабилитацией народа. Митинг привлёк внимание широкой общественности и СМИ Северного Кавказа, Москвы и других регионов, вызвал огромный общественно-политический резонанс в стране. Он вынудил краевое и областное партийно-государственное руководство впервые посчитаться с мнением общественного движения и стоящего за ним народа, вступить в равноправный диалог с обществом «Джамагъат». Когда не удалось запугать руководство «Джамагъата» и запретить этот митинг, краевые и областные партийные органы направили на него своих представителей¹⁰⁵.

На митинг прибыли делегации всех городов и районов КЧАО, Ставропольского края, областей и республик Северного Кавказа, республик Средней Азии и Казахстана, депортированных народов страны, партийных и советских органов области, края, РСФСР и СССР, народные депутаты облсовета, Верховного Совета РСФСР и СССР, журналисты региональных и центральных СМИ. На митинге присутствовали практически все руководители области и представители Ставропольского крайкома КПСС.

Цель проведения митинга – «ознакомить народ,

104 Личный архив Темирова С. С. // «Правда и правда – превыше всего!» – выступление председателя Совета общества «Джамагъат» А.Г. Урусова на открытии областного траурного митинга 29.10.1989 г. в г. Карачаевске, посвященного 46-й годовщине депортации карачаевского народа.

105 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общ-ва «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». - 1989 г.

общественность области и края с фактическим положением выселения карачаевского народа и его последствиями»¹⁰⁶.

Митинг по решению Совета общества «Джамагъат» вели поочерёдно первый секретарь Карачаевского горкома КПСС Койчуев Р.И., председатель горисполкома Эльканова Б.И., председатель Совета общества «Джамагъат» Урусов А.Г.¹⁰⁷

С докладом на митинге выступил первый заместитель председателя общества «Джамагъат» А.М. Кубанов.

На митинге выступили 17 человек. В том числе первый секретарь обкома КПСС, депутат Верховного Совета СССР В.Е. Лесниченко, депутаты, представители народов области и депортированных народов страны. Выступила на митинге специально приехавшая из Воронежа Перова Зинаида Алексеевна, свидетельница злодеяния немецко-фашистских палачей в пос. Курорт-Теберда в годы Великой Отечественной войны, долгое время злонамеренно приписываемого карачаевцам¹⁰⁸.

Перед закрытием митинга с заключительной речью перед собравшимися выступил председатель Совета общества «Джамагъат» А.Г. Урусов. Он, в частности, сказал: «Во имя восстановления национальной справедливости от имени карачаевского и других народов области и всех честных людей Оргкомитет требует:

Первое, полной юридической, морально-психологической и политической реабилитации карачаевского народа с восстановлением его национальной автономии;

Во-вторых, безусловного выхода из состава Ставропольского края;

106 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общ-ва «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». - 1989 г.

107 Там же.

108 Там же.

В-третьих, прекращения донныне распространяемых провокационных домыслов об истории карачаевского народа, публичного уничтожения бериевско-сусловских фальшивок, публичного осуждения тех, кто до сих пор занимается популяризацией этих фальшивок, прекращения провокационной возни вокруг проблем политической реабилитации карачаевского народа и т.д.»¹⁰⁹.

Митинг принял развернутую резолюцию, в которой его участники поддержали политику Коммунистической партии и Советского правительства по перестройке всех сфер жизни общества, осудили массовые репрессии 1930-1940-х и начала 1950-х годов. Далее участники митинга потребовали от Совета общества «Джамагъат» «осуществлять руководство в решении следующих реабилитационных проблем:

- 1) Полной реабилитации карачаевского народа;
- 2) Сооружение в г. Карачаевске мемориального памятника, посвящённого жертвам сталинских репрессий;
- 3) 2-е ноября считать Днём памяти;
- 4) Переименовать ул. Калинина на ул. Хрущёва;
- 5) Издать «Книгу памяти», как часть истории карачаевского народа;
- 6) Резолюцию митинга направить в центральные органы власти и партии.

Обществу «Джамагъат» руководствоваться выводами, сделанными митингом»¹¹⁰.

Митинг решил на добровольные пожертвования граждан, предприятий, учреждений и общественных организаций воздвигнуть в Карачаевске мемориал па-

¹⁰⁹ Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общ-ва «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». - 1989 г.

¹¹⁰ Там же.

мяти жертв политических репрессий – карачаевцам, трагически погибшим в местах ссылки.

В принятом Обращении участники митинга обратились к Верховному Совету СССР принять закон, «гарантирующий свободы и права граждан, а также судебноправовую защиту чести и достоинства как граждан, так и народов»¹¹¹.

По завершении траурного митинга «Джамагъат» отправил в Москву четвёртую делегацию, которая ещё раз встретилась с ответственными работниками ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и РСФСР и передала им принятые на митинге документы с требованием безотлагательной и полной реабилитации карачаевского и других репрессированных народов СССР.

19 ноября 1989 года общество «Джамагъат» провело в г. Карачаевске областную читательскую конференцию по теме «К освещению истории карачаевского народа с 1941 года по настоящее время». Руководили конференцией председатель Совета общества «Джамагъат» А.Г. Урусов и его первый заместитель А.М. Кубанов.

Потребность в проведении такой конференции вытекала из того, «что в ряде публикаций и выступлений тенденциозно извращались исторические факты, произвольно истолковывались отдельные события и действия людей»¹¹². Цель конференции, по замыслу организаторов, – «восстановить историческую правду о карачаевском народе в период Великой Отечественной войны, воссоздать и укрепить его национальное достоинство,

---

111 Газета «Ленинское знамя». - 1989. №211 (14.433). 31 октября. // День скорби и памяти.

112 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общества «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». - 1989 г.

оздоровить, улучшить морально-психологический климат в крае и области»¹¹³.

На конференцию были приглашены авторы книг, научных и журналистских публикаций об истории карачаевского народа, ученые, представители интеллигенции. Редакторы и журналисты областных газет, представители партийных и советских органов, руководители управлений КГБ СССР по КЧАО и Ставропольскому краю. На этом форуме выступило 38 человек. Они высказали немало критических замечаний в адрес крайкома и обкома КПСС, авторов ряда книг и публикаций (Попутько А.А., Христинин Ю.Н., Авксентьев А.В. и др.) за тенденциозное освещение истории и попытки очернения карачаевского народа. Были заданы нелिцеприятные вопросы присутствовавшим здесь же руководителям управлений КГБ края и области, на которые те не смогли вразумительно ответить¹¹⁴.

Конференция вскрыла и осветила новые, ранее не публиковавшиеся факты и исторические документы об участии карачаевцев в Великой Отечественной войне и послевоенном хозяйственном строительстве, причинах насильственной депортации карачаевского народа в 1943 г. и его последующей морально-психологической дискриминации в 1960-1990 гг.

Читательская конференция одобрила деятельность общества «Джамагъат» по реабилитации репрессированного карачаевского народа, поддержала решения I Съезда народов Карачая (08.10.1989 г.) и резолюцию траурного митинга в г. Карачаевске от 29.10.1989 г.

¹¹³ Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общества «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». - 1989 г.

¹¹⁴ Там же.

Материалы и документы конференции были представлены руководящим партийным, советским органам и КГБ СССР и РСФСР. «Она (конференция. – Авт.) сыграла громадную роль в деле реабилитации депортированных народов на историческом заседании Верховного Совета РСФСР 26 апреля 1991 года. И одновременно она сыграла большую роль в ослаблении позиций партийно-советских органов, отдельных деятелей от политики в вопросах реабилитации карачаевского народа и других депортированных народов Российской Федерации»¹¹⁵.

В начале 1990 года «Джамагъат» выдвинул кандидатуру своего председателя – Урусова А.Г. для избрания депутатом на предстоящих 4 марта того же года выборах депутатов Верховного Совета РСФСР. Урусов А.Г. победил своих соперников в первом же туре и был избран народным депутатом Верховного Совета РСФСР. Это позволило «Джамагъату» эффективнее вести реабилитационную работу.

Несмотря на предпринимаемые меры со стороны «джамагъатовцев», реабилитационные требования репрессированного карачаевского народа не получили понимания и поддержки со стороны Ставропольского крайкома и Карачаево-Черкесского обкома КПСС, областного Совета народных депутатов. Принятие соответствующих законодательных актов по реабилитации репрессированных народов, как это было предусмотрено Декларацией Верховного Совета СССР от 14 декабря 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся на-

---

115 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общества «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». - 1989 г.

сильственному переселению, и обеспечении их прав»¹¹⁶, затягивалось.

В депутатском запросе Секретариату I Съезда народных депутатов РСФСР от 24 мая 1990 года председатель общества «Джамагъат», народный депутат РСФСР Урусов А.Г. пишет: «Делегации карачаевского народа в течение 1989 и 1990 годов передали заявления, подписи свыше 60 тысяч карачаевцев, русских и других национальностей, проживающих на территории Карачая; резолюции I съезда народов Карачая и траурного митинга, справочные материалы в Верховные Советы СССР и РСФСР, в Президиумы Верховных Советов СССР и РСФСР. Однако никакого движения пока что нет, прошу рассмотреть вопрос восстановления автономии карачаевского народа», – обращается к участникам I Съезда народных депутатов РСФСР Урусов А.Г.¹¹⁷

В мае 1990 года группа активистов общества «Джамагъат» пикетировала вход в здание Дома политпросвещения обкома КПСС, где проходила Карачаево-Черкесская областная отчетно-выборная партийная конференция. Пикетчики держали в руках плакаты с критикой наиболее одиозных, руководящих работников области, по их мнению, тормозящих реабилитацию карачаевцев¹¹⁸.

Это была первая публичная манифестация протеста сторонников реабилитации репрессированного карачаевского народа в Черкесске.

В первой половине 1990 года «Джамагъат» направил в Москву еще две делегации, которые были приняты ру-

116 Газета «Ленинское знамя». - 1989. №229 (14.451). 25 ноября.

117 Личный архив Темирова С.С. // Депутатский запрос народного депутата РСФСР от Карачаевского территориального округа №245 Урусова А.Г. В Секретариат I Съезда народных депутатов РСФСР от 24 мая 1990 г. - г. Москва. - С.3.

118 См. Эгизов С. Молчать больше не будем // Родина. - 1990. - №1. - Сентябрь.

ководителями КГБ СССР, и передали им решения съезда общества «Джамагъат», областного траурного митинга, читательской конференции и другие документы, доказывающие ложность, сфабрикованность предъявленных карачаевскому народу обвинений, необоснованность его депортации в 1943 г. и морально-психологического геноцида карачаевцев в 1960-1990 годы.

Общество «Джамагъат» обладало мощным интеллектуальным потенциалом, что позволило ему в короткие сроки подготовить соответствующие требованиям времени программно-уставные документы, сформулировать общенациональную идею карачаевского народа (полная реабилитация и восстановление национальной автономии карачаевцев), основные направления своей политической идеологии, определить стратегические и тактические задачи, нацеленные на выполнение общенациональной идеи. Уже к 1990 году «Джамагъатом» была выдвинута идея и разработана собственная Концепция реабилитации репрессированного карачаевского народа. В ее основе лежит мирный конституционный путь, что означает следующее:

1. Территория Карачаево-Черкесии едина и неделима. Она принадлежит всем народам и гражданам проживающим в ней.

2. Только совместное проживание братских народов Карачаево-Черкесии обеспечит каждому из них мир и стабильность, право на труд и отдых, на образование и расцвет культуры, развитие подлинно народных традиций и обычаев.

3. Реабилитация карачаевского народа должна осуществляться не за счет ущемления прав других народов, а за счет средств федерального бюджета.

Концепция общества «Джамагъат» о реабилитации репрессированного карачаевского народа легла в основу Закона Российской Федерации о реабилитации репрессированных народов¹¹⁹.

Представители общества «Джамагъат» активно привлекались к разработке проектов различных реабилитационных документов. В том числе они подготовили и представили девять вариантов федерального закона о реабилитации репрессированных народов, а также других законопроектов и документов¹²⁰.

9 июня 1990 г. общество «Джамагъат» провело в областном драматическом театре г. Черкесска II Съезд народов Карачая (заявленный вначале как II Съезд общества «Джамагъат»). Помимо делегатов-карачаевцев, из различных регионов СССР в его работе приняли участие и представители диаспор из США и Турции, гости из Казахстана, Киргизии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, представители немцев Поволжья, крымских татар, кумыкского движения «Тенглик» из Дагестана и др. Всего 641 делегат и около 200 гостей¹²¹. 104 делегата съезда были некарачаевской национальности (русские, черкесы, абазины, греки, осетины). Съезд открыл вступительным словом председатель Совета общества «Джамагъат» Урусов А.Г. Председательствовал на этом форуме заместитель председателя Совета общества «Джамагъат» Кубанов А.М. С докладом «Итоги работы за прошедший период и задачи общества на перспективу» на съезде выступил заместитель председателя Совета общества «Джамагъат» Бай-

119 Личный архив Темирова С.С. // Доклад о деятельности общества «Джамагъат».

120 Там же.

121 Газета «Джамагъат». - 1990. - №1. - Август. // Урусов А.Г. Выступление на первом Съезде народных депутатов РСФСР.

рамуков И.Х.¹²² Для выступлений в прениях записалось около 100 человек, выступило 38 человек, представители разных национальностей. Среди выступавших – народные депутаты СССР Фаргиев Хамзат (Чечено-Ингушетия), Хубиев Хаджибек (Киргизия), Хачиров Исмаил (Карачаево-Черкесия), представители делегаций депортированных народов, карачаевской диаспоры из ряда стран, ветераны войны и труда. Съезд прошел бурно, продолжался 15 часов. Делегаты в своих выступлениях подвергли резкой критике руководство обкома КПСС, которое «не считается с мнением карачаевского народа и сознательно саботирует его реабилитацию»¹²³.

Выступления и действия на съезде некоторых делегатов, по мнению Урусова А.Г., носили явно эмоциональный, некорректный и провоцирующий характер и нанесли прямой вред реабилитационному делу. В частности, некоторые делегаты выступили с требованием выразить от имени II Съезда народов Карачая недоверие второму секретарю обкома КПСС Темирову У.Е. и первому секретарю обкома КПСС Лесниченко В.Е. и отозвать их из состава народных депутатов СССР¹²⁴, на что съезд не имел никаких полномочий.

Кроме этого, в альтернативном постановлении, принятом съездом по настоянию вышеназванных делегатов, подтверждалось решение I Съезда народов Карачая о создании Карачаевской Автономной Советской Социалистической Республики. Однако положение о том, что «при волеизъявлении народов Карачая и Черкесии рас-

122 Центр документации новейшей истории ЦДНИ КЧР Ф. №-1. Оп.71. Д.359. Л. 10

123 Личный архив Темирова С. С. // Доклад о деятельности общества «Джамагъат».

124 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общества «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР»- 1990 г. - С.23.С.24.С.25.

смотреть возможность образования единой Карачаево-Черкесской Автономной Советской Социалистической Республики...» в принятом постановлении не упоминалось¹²⁵.

Эти два момента в решениях съезда и горячие, эмоциональные выступления некоторых делегатов стали предметом большой озабоченности общественности за судьбу области. «Напряженность стала накаляться с каждым днем. Дело дошло до того, что 12 октября 1990 года в фойе гостиницы «Россия» утром, перед отправкой в Кремль, на Съезд народных депутатов РСФСР, Лесниченко В.Е. (первый секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС. – *Авт.*) Урусову А.Г. сказал: «Теперь посмотрим, какую автономию карачаевцы получат»¹²⁶. Через день после этого разговора казаки Зеленчукского и Урупского районов на своем казачьем круге приняли решение образовать свои республики и присоединиться к Ставропольскому и Краснодарскому краям. Как по команде началась череда создания автономных республик и округов по национальному признаку¹²⁷.

В принятой резолюции съезд подтвердил решения предыдущего форума народов Карачая, вновь подчеркнув, что «без восстановления национальной автономии, декларируемого Верховным Советом СССР, обеспечение прав народов, подвергшихся насильственному переселению, – не более чем очередная пустая пропагандистская акция»¹²⁸. Съезд отмечал, что «затянувшееся на четыре десятилетия неравноправное положение народа привело к удручающему состоянию науки, культуры Ка-

125 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общества «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР» - 1990 г. - С.23.С.24.С.25.

126 Там же.

127 Там же.

128 Газета «Родина». 1990. - №1. - Сентябрь. // «Ясно и бесповоротно осознанная...»

рачая, забвению родного языка и даже запрету писать на нем научные труды». Выражением политического недоверия к карачаевскому народу съезд назвал «дискриминационную кадровую политику в области»¹²⁹.

В своей резолюции съезд изложил следующие требования:

- выполнение 1-й статьи Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г., где говорится о восстановлении автономии карачаевского народа, и отмена противоречащей этому 2-й статьи Указа, где говорится о преобразовании Черкесской АО в Карачаево-Черкесскую АО;

- восстановление автономии карачаевского народа в границах 1943 года;

- возвращение карачаевским селениям прежних наименований (с учетом мнения их жителей)¹³⁰.

Съезд утвердил платформу общества «Джамагъат», в которой отмечалось, что «принудительное объединение двух автономных областей Черкесии и Карачая без согласия карачаевского народа было актом диктата и самоуправства административного руководства страны». Оно было «грубым игнорированием основополагающего принципа добровольности при образовании автономии. Повторным ущемлением прав и интересов потерпевшего трагедию изгнания карачаевского населения. Восстановление бывшей Карачаевской автономии является не перекройкой чьих-то границ, произвола, а исправлением допущенного произвола в отношении прав карачаевского народа, то есть восстановлением ее территории»¹³¹ подчеркивалось в документе.

---

¹²⁹ Газета «Родина». 1990. - №1. - Сентябрь. // «Ясно и бесповоротно осознанная...»

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

Делегаты съезда вновь, несмотря на возражения партийно-государственного руководства СССР, поддержали требования крымских татар, ингушей, немцев Поволжья и других народов о восстановлении их автономий, а также стремление ногайского народа к обретению своей автономии¹³². Съезд принял Обращение к первому Съезду народных депутатов РСФСР, Верховному Совету РСФСР и его Председателю Б.Н. Ельцину с просьбой «в законодательном порядке ликвидировать историческую и национальную несправедливость и восстановить незаконно упраздненную автономию карачаевского народа в статусе Карачаевской АССР в составе РСФСР»¹³³. В этом документе говорилось: «Идя навстречу к 70-летию советской автономии Карачая (19 ноября 1990 г.), руководствуясь положениями Декларации Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», п.4 Декларации о государственном суверенитете РСФСР, мы, представители карачаевского народа, народные депутаты всех уровней, обращаемся к Вам с просьбой рассмотреть на предстоящем внеочередном съезде народных депутатов РСФСР вопрос, связанный с утверждением справедливости по отношению к репрессированному в годы сталинизма карачаевскому народу, о восстановлении автономии Карачая»¹³⁴. С обращением и другими материалами съезда в Москву была направлена седьмая по счету делегация Карачая во главе с народными депута-

132 Газета «Ленинни байрагы». - Черкесск, 1990. - 16 июня.

133 Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики РГУ «ЦДОДП КЧР», Ф.1, Оп.70, Д.393, Л.1-19.

134 Там же.

тами РСФСР и СССР, соответственно, Урусовым А.Г., Хубиевым В.И., Хачириковым И.А., Хубиевым Х.Н.

Лидер «Джамагъата», народный депутат Верховного Совета РСФСР А.Г. Урусов, выступая на утреннем заседании первого Съезда народных депутатов РСФСР 20 июня 1990 г., впервые на общегосударственном уровне сформулировал, обосновал и выдвинул официальное требование карачаевцев о реабилитации карачаевского и других репрессированных народов страны и озвучил разработанную обществом «Джамагъат» Концепцию реабилитации репрессированного карачаевского народа, предложил создать Конфедерацию репрессированных народов России. В конце выступления А.Г. Урусов передал в президиум Съезда Б.Н. Ельцину адресованное ему Обращение о реабилитации карачаевского народа, принятое на II Съезде народов Карачая 9 июня 1990 года¹³⁵.

Вслед за Урусовым, выступил депутат от Назрановского избирательного округа №884 Чечено-Ингушетии Богатырёв Бембулат Борисович, который поддержал Урусова А.Г. и тоже потребовал реабилитации репрессированных народов¹³⁶.

С однозначной поддержкой реабилитационных требований карачаевского народа и Обращения II Съезда народов Карачая выступил на первом Съезде Народных депутатов РСФСР народный депутат РСФСР, председатель Карачаево-Черкесского облисполкома В.И. Хубиев.

Обращение народов Карачая официально было приобщено к протоколу первого Съезда народных депутатов РСФСР. Рассмотрев Обращение, Б.Н. Ельцин передал его в комиссию Совета Национальностей по ре-

135 Личный архив Темирова С. С. // Письмо Урусова А.Г. редактору газеты «День республики» 07 мая 1996.

136 Там же.

прессированным народам с указанием включить в план работы Верховного Совета РСФСР вопрос о реабилитации репрессированных народов. С этого дня Верховный Совет РСФСР приступил к практическому выполнению исторической задачи по реабилитации карачаевского и других репрессированных народов России¹³⁷.

В ходе I Съезда народных депутатов РСФСР делегация общества «Джамагъат» имела встречи и беседы в комитетах и комиссиях Верховного Совета РСФСР, а также встретила с членами комитета Конституционного надзора СССР¹³⁸.

14 июля 1990 года в г. Черкеске в помещении областного драмтеатра состоялся учредительный съезд «Верхнекубанского казачьего круга». Съезд заявил, что «...поддерживает законные требования карачаевского народа о полной его реабилитации после событий 1943 года и стремление к самоопределению и созданию собственной автономии с выходом из состава Ставропольского края». Вместе с тем, съезд «выступает против включения в состав будущей Карачаевской автономной области земель, незаконно присоединенных к ней за период с 1922 по 1936 годы» и заявляет о «твердом намерении остаться в составе Ставропольского края»¹³⁹. Съезд принял «Обращение к народам Ставрополья» и направил телеграмму в адрес Ставропольского крайсовета народных депутатов. Главным в обоих документах было требование о сохранении Карачаево-Черкесии в составе Ставропольского края¹⁴⁰. Уже один этот пункт вызвал у

137 Личный архив Темирова С. С. // Письмо Урусова А. Г. редактору газеты «День республики» 07 мая 1996.

138 Делегация вернулась из Москвы // Родина. - 1990. - №1. - Сентябрь.

139 Газета «Ленинское знамя». - Черкесск, 1990. - 25 июля. // России вольные сыны.

140 Там же.

многих общественных деятелей и национальных движений, в частности «Джамагъата», весьма настороженное отношение к вновь возникшему объединению, плотно шефируемому обкомом КПСС¹⁴¹.

28 октября 1990 года общество «Джамагъат» провело в актовом зале Дома Советов г. Карачаевска второй областной траурный митинг, посвященный трагедии депортированного карачаевского народа.

На митинг были приглашены делегации городов, районов и ветеранских организаций области. Всего присутствовало на нем более 700 человек.

Траурный митинг вновь осудил массовые политические репрессии и депортации народов по национальному признаку в 1930-1940-х и начале 1950-х годов, морально-психологический геноцид карачаевского народа в 1960-1990-х годах, непрекращающиеся фальсификации истории карачаевского народа и попытки сорвать процесс его полной реабилитации.

Митинг отметил положительную работу общества «Джамагъат» по реабилитации репрессированных народов страны, по строительству в г. Карачаевске мемориального памятника жертвам репрессии карачаевского народа. Митинг поддержал решения II Съезда народов Карачая (08.06.1990 г.) о полной реабилитации карачаевского народа, обратился к народам Карачаево-Черкесии с просьбой о сборе материалов для создания «Книги памяти» и материальных средств для сооружения памятника жертвам сталинских репрессий.

В то же время участники митинга выразили недовольство ходом решения проблем репрессированных

---

141 Карачаевский научно-исследовательский институт им. А.И. Батчаева КНИИ // Ф.7. Оп. 2.Д.11.Л.13.Хатуев Р.Т. «Рождение национальных организаций. Казачество».

народов и просили Верховный Совет РСФСР ускорить реабилитацию репрессированных народов.

Митинг потребовал от обкома КПСС в ближайшее время дать партийную оценку решениям IV (1974 г.) и III (1989 г.) пленумов обкома КПСС, областной научно-практической конференции «Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны»¹⁴².

Документы и материалы митинга были переданы делегацией общества «Джамагъат» руководящим партийно-советским органам области и страны.

12 ноября 1990 года под председательством народных депутатов РСФСР, лидера «Джамагъата» Урусова А.Г. и председателя облисполкома Хубиева В.И. состоялось совместное собрание карачаевских руководителей всех рангов и членов Совета общества «Джамагъат». «Учитывая, что официальные органы власти затягивают рассмотрение вопроса о полной реабилитации карачаевского народа, руководствуясь решениями I и II съездов народов Карачая, собрание постановило:

1) Считать возможным принятие Декларации о провозглашении Карачаевской Республики на Съезде народных депутатов всех уровней Карачая, который желательно провести 17 ноября 1990 года в г. Карачаевске.

2) К этому времени целесообразно провести сессии сельских, поселковых, городских и районных Советов на территории Карачаевского, Малокарачаевского, Зеленчукского, Урупского, Усть-Джегутинского и Прикубанского районов и принять на этих сессиях решения о полной реабилитации карачаевского народа и восстановлении его автономии в статусе республики.

¹⁴² Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общ-ва «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР». С.16.

3) Мы выражаем уверенность, что этот гуманный и справедливый акт, восстанавливающий поправленные права карачаевского народа, будет воспринят с пониманием и удовлетворением всеми братскими народами нашей Родины»¹⁴³.

Здесь важно отметить, что искомое I Съездом народов Карачая «волеизъявление всех народов... Черкесии», чтобы «рассмотреть возможность образования единой Карачаево-Черкесской Автономной Советской Социалистической Республики...», так и не поступило. Этот факт также подталкивал карачаевских автономистов на создание самостоятельной Карачаевской Республики.

17 ноября 1990 года в Доме Советов г. Карачаевска по инициативе общества «Джамагъат» был проведен первый съезд народных депутатов всех уровней Карачая. Съезд единогласно постановил провозгласить Карачаевскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР¹⁴⁴. Это решение болезненно было воспринято руководством обкома КПСС и некоторыми национальными движениями.

Краевой и областной комитеты КПСС были категорически против выхода КЧАО из состава Ставропольского края и создания на основе автономной области самостоятельного национально-государственного образования в составе РСФСР. Партийными органами фактически инспирировались различные домыслы, слухи, конфликты на межэтнической основе, оказывалось давление на партийных, советских, хозяйственных руководителей различного уровня, представителей интеллигенции автономной области с целью заставить их

143 Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики РГУ «ЦДОДП КЧР», Ф.1, Оп.71, Д.359, Л.50-51.

144 Газета «Ленинское знамя». – Черкесск, 1990. - 20 ноября.

отказаться от идеи выхода КЧАО из состава края. Как вспоминает С.С. Темиров (в 1986-1999 гг. – начальник областного управления культуры, затем министр культуры и туризма КЧР. – *Авт.*), ему и другим руководителям областных управлений и ведомств пришлось в 1989-1991 гг. несколько раз по требованию крайкома и обкома КПСС объясняться устно, а затем и письменно излагать свое мнение по вопросу о выходе области из состава края. «При этом нам недвусмысленно предлагали отказаться от этой идеи» – сказал С.С. Темиров¹⁴⁵.

В силу ряда объективных и субъективных причин в этот период (1988-1991 гг.) «Джамагъат» вёл борьбу как бы на два фронта: с одной стороны, его оппонентом часто выступала правящая номенклатура, а с другой – общественные национальные организации других народов («Казачий круг», «Адыгэ-Хасэ», «Адгылара», «Русь»)¹⁴⁶.

Вот что пишет по этому поводу Урусов А.Г.: «Областному комитету партии удалось противопоставить народы Карачаево-Черкесии против карачаевского народа. Для этой цели были умело использованы выборы народных депутатов РСФСР и местных Советов и образование КЧ ССР 2 июля 1991 года. Обстановка в области обострилась. Общественные организации проводили съезды народов, на которых принимались решения с требованиями о создании автономии. Экстремистски настроенная часть общества «Джамагъат» вышла из общества «Джамагъат» и образовала Карачаевскую демократическую организацию «Джамагъат». (Карачаевская

145 Полевой материал автора (ПИМА). Темиров Султан Саидович, 1947 г.р., г. Черкесск, 28.03.2013 г.

146 Личный архив Темирова С. С. // Выступление председателя Оргкомитета по полной реабилитации карачаевского народа и восстановлению его автономии А.Г. Урусова на съезде общественного объединения «Адыгэ-Хасэ» 11.11.1989 г., г. Черкесск.

демократическая организация «Джамагъат», официально созданная 23 марта 1991 года, 25 апреля 1998 года вновь вошла в состав общества «Джамагъат» и прекратила свое существование. – *Авт.*)

По мнению Урусова А.Г., сама организация и ее организаторы неофициально поддерживались обкомом КПСС и другими органами с целью внести раскол в карачаевское национальное движение¹⁴⁷. «Руководство этой организации – пять сопредседателей – вели большую организаторскую работу в области и в центре, привлекая любые силы, чтобы восстановить автономию - Карачаевскую автономную область в границах 1943 года, тем самым дестабилизировали обстановку в Карачаево-Черкесии»¹⁴⁸.

Линия раскола между «старым» руководством «Джамагъата» и «отделенцами», проходила по принципиально важной составной части реабилитации репрессированного карачаевского народа – территориальной реабилитации, предполагающей, в том числе воссоздание упраздненной в 1943 году национально-территориальной автономии карачаевцев.

Общество «Джамагъат», учитывая, что воссоздание бывшей Карачаевской автономной области в сложившихся новых исторических условиях может привести к резкому обострению этнополитической ситуации и ущемлению интересов других народов региона, считало целесообразным ограничиться созданием единой Карачаево-Черкесской Республики в составе РФ. Это была принципиальная позиция «Джамагъата», которая

147 Личный архив Темирова С.С. // Справка Урусова А.Г. «Работа республиканского общества «Джамагъат» по реабилитации карачаевского народа и казачества в КЧР.

148 Личный архив Темирова С.С. // Отчет народного депутата РСФСР, председателя общ-ва «Джамагъат» Урусова А.Г. 1995г.

не разделялась демократическим «Джамагъатом» и появившимися вслед за ним новыми карачаевскими общественными организациями. Эта разновекторная борьба, которую вел «Джамагъат» одновременно с правящей номенклатурой и общественными организациями как своего, так и других народов Карачаево-Черкесии, впоследствии окончилась значительным ослаблением и устранением на длительное время карачаевского национального движения в лице общества «Джамагъат» с политической арены Карачаево-Черкесии. Новообразованные карачаевские общественные движения были малочисленными, ангажированными различными группировками и не обладали той легитимностью, авторитетом и общественным влиянием, которым обладало общество «Джамагъат» в начале своей деятельности. Эти разрозненные организации не могли достойно и в полном объеме представлять национальные интересы карачаевского народа. Ослабление и разобщенность карачаевского национального движения в определенной степени были выгодны федеральным, региональным и местным властям и не только им. Тем не менее «Джамагъат» не сдавал своих позиций и активно продолжал свою реабилитационную деятельность.

30 ноября 1990 г. состоялась инициированная «джамагъатовцами» внеочередная сессия областного Совета народных депутатов. Она обсудила вопросы реабилитации репрессированных народов и будущего национально-территориального устройства автономии. Выступивший на сессии председатель облисполкома В.И. Хубиев фактически обвинил обком КПСС в противостоянии мнению народов о выходе Карачаево-Черкесии из со-

става Ставропольского края и повышении ее статуса до республики, противопоставлении активистов друг другу по национальному признаку, противодействию деятельности общества «Джамагъат» и шельмовании его руководителей¹⁴⁹.

На этой же сессии депутат облсовета, первый заместитель председателя общественной организации «Джамагъат» А.М. Кубанов, обращаясь к первому секретарю Карачаево-Черкесского обкома КПСС В.Е. Лесниченко, заявил: «Шестьдесят пять тысяч карачаевцев поставили свои подписи и представили ходатайство в Верховный Совет ССР с просьбой восстановить свою автономию. Это что, не референдум для карачаевского народа? Или проходившие недавно съезды абазин, ногайцев, черкесов и русского населения, которые выразили свое желание остановиться на объединенной республике. Это что, не воля народа? Почему вы себя противопоставляете всем нам? Или вы выполняете специальный заказ краевого комитета партии, который не учитывал никогда интересы нашего народа и не учитывает до сих пор»¹⁵⁰.

Народный депутат РСФСР, руководитель общественной организации «Джамагъат» А.Г. Урусов особо подчеркнул: «...Как бы не хотел умалить значение этих общественных организаций, прежде всего руководитель областного комитета КПСС, они являются катализаторами в решении вот этих политических вопросов и сегодняшнего события (внеочередной сессии облсовета 30.11.1990 г. – *Авт.*). И зря партийные работники, прежде всего первый секретарь областного комитета КПСС,

149 Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф.Р-399.

Оп. 1. Д. 3127. Л. 50. Л. 51.

150 Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики Ф. Р-399. Оп. 1. Д. 3127. Л. 27. Л. 28.

работу этих общественных организаций приписывают обкому КПСС»¹⁵¹.

Выступая на этой же сессии, депутат областного совета народных депутатов, атаман Верхнекубанского казачьего круга Н.А. Ляшенко, один из активных участников этнополитических процессов того времени, заявил: «В политической жизни Карачаево-Черкесской автономной области в последние годы произошел ряд значительных событий. Особенно выделяются среди них создание общественных организаций «Джамагъат», «Адыгэ-Хасэ», «Адгылара» и «Верхнекубанский казачий круг». Все они представляют основные народы, населяющие нашу область, и создавались как инструмент защиты интересов этих народов»¹⁵².

После продолжительного обсуждения вопроса о статусе области внеочередная сессия приняла решение об образовании Карачаево-Черкесской Советской Социалистической Республики.

3 июля 1991 г. Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин издал Закон «О преобразовании Карачаево-Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР». Народы многонациональной Карачаево-Черкесии однозначно одобрили этот политический акт, так как он отвечал их жизненным интересам.

Надо отметить и то, что вопросами реабилитации так усиленно, как общество «Джамагъат», не занималась ни одна общественная организация других репресси-

151 Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики Ф. Р-399. Оп. 1. Д. 3127. Л.73.

152 Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики Ф. Р-399. Оп. 1. Д. 3127. Л.61. Ляшенко Н.А. народный депутат от избирательного округа №79. Атаман Верхнекубанского казачьего круга – из выступления на внеочередной третьей сессии 21 созыва от 30.11.90 г.

рованных народов. На II Съезде народов Карачая было принято обращение ко всем депортированным народам страны с предложением создать Ассоциацию или Конфедерацию репрессированных народов. 26 октября 1990 г. в с. Учкекен Карачаево-Черкесии по инициативе общества «Джамагъат» состоялась вторая встреча представителей репрессированных народов России. На этой встрече был образован подготовительный комитет Учредительного съезда репрессированных народов и рассмотрены все организационные вопросы. Вскоре в Москве был проведен Учредительный съезд. Делегацию карачаевского народа возглавлял председатель Совета «Джамагъат», народный депутат РФ А.Г. Урусов, он же председательствовал на съезде. По его рекомендации председателем Конфедерации репрессированных народов России съезд избрал И.И. Алиева. Конфедерация внесла весомый вклад в реабилитацию репрессированных народов.

Велика также роль общества «Джамагъат» и её председателя Урусова Азрета Гиргоккаевича в подготовке и принятии 26 апреля 1991 г. Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Как отмечалось выше, А.Г. Урусов выступил с речью на первом заседании Съезда народных депутатов России и первым передал Президиуму парламента страны документы с требованием о реабилитации репрессированных народов. Благодаря его настойчивости эти материалы были внесены в план работы Верховного Совета России и получили практическую реализацию. Урусов А.Г. неоднократно встречался с Ельциным Б.Н., Хасбулатовым Р.И., Абдулатиповым Р.Г., представил им материалы, проекты законов по данному вопросу, подготовленных «джамагъатовцами».

На основе встречи в марте 1991 г. со своими избирателями и тщательного обсуждения на Совете «Джамагъата» Урусов А.Г. дополнительно подготовил и представил Верховному Совету РСФСР предложения и замечания к проекту закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов. Некоторые пункты этих предложений были включены в закон РФ¹⁵³. Поэтому не случайно, что сразу же после принятия Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов» первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Хасбулатов Р. И. прислал телеграмму в г. Карачаевск, где поздравлял участников праздничного митинга и отмечал большие заслуги Урусова А.Г. в подготовке и принятии этого судьбоносного для депортированных народов политического акта. В телеграмме, в частности, отмечалось: «Сердечно поздравляю участников митинга, всех жителей Карачаево-Черкесии с принятием Закона Верховного Совета РСФСР о реабилитации репрессированных народов, в том числе казачества... Хочу отметить активное участие народных депутатов РСФСР Урусова и Хубиева в подготовке материалов для принятия этого исторического документа»¹⁵⁴.

Здесь уместно привести еще один интересный факт из общественно-политической деятельности организатора и первого руководителя национального движения «Джамагъат» Урусова Азрета Гиргоккаевича.

По воле судьбы ему, представителю репрессированного карачаевского народа, лидеру «Джамагъата» и народному депутату России, выпала честь 21 октября

¹⁵³ Личный архив Темирова С.С. // Отчет народного депутата РСФСР, председателя общ-ва «Джамагъат» Урусова А.Г. о своей деятельности. 1990-1994 гг. С.2.

¹⁵⁴ Газета «Ленинское знамя», Черкесск, 21 мая 1991г. №81.

1991 года открыть в Кремле I Съезд народных депутатов СССР и вести его утреннее заседание, предоставлять слово для выступления главе государства Горбачеву М.С. и другим государственным и общественным деятелям страны. Перед началом съезда между Президентом СССР Горбачевым М.С. и Урусовым А.Г. состоялась короткая беседа с глазу на глаз, в ходе которой на просьбу Урусова А.Г. Горбачев М.С. обещал ускорить процесс реабилитации карачаевцев¹⁵⁵.

Общество «Джамагъат» вело большую работу по подготовке и продвижению федерального закона о реабилитации карачаевского народа.

Урусов А.Г. совместно с профессорами Алиевым И.И., Хубиевым К.А. и рядом других членов «Джамагъата» подготовили, согласовали на заседании его Совета и представили в 1991-1993 гг. руководству и комитетам Верховного Совета восемь проектов Постановления Верховного Совета по этому вопросу. По заданию «Джамагъата» доктор экономических наук, профессор МГУ Хубиев К.А. разработал таблицу расчетов средств, необходимых для материальной компенсации ущерба, нанесенного карачаевскому народу за период депортации в 1943-1957 гг. (в ценах 1992 года), в двух страницах и методику расчета в 13 страницах¹⁵⁶.

31 мая 1993 г. народный депутат РФ, председатель «Джамагъата» Урусов А.Г. подготовил и передал Председателю Совета Министров – Правительства РФ Черномырдину В.С. письмо с просьбой принять постановление о мерах реабилитации карачаевского народа в срок

155 Личный архив Темирова С.С. // Отчет народного депутата РСФСР, председателя общ-ва «Джамагъат» Урусова А.Г. 1995 г.

156 Личный архив Темирова С.С. // Отчет народного депутата РСФСР, председателя общ-ва «Джамагъат» Урусова А.Г. о своей депутатской деятельности. 1990-1994 гг. С.2.

до 1 июля 1993 года в связи с 50-летием (2 ноября 1993 г.) выселения карачаевского народа. К письму был приложен соответствующий проект Постановления Правительства РФ¹⁵⁷. 30 октября 1993 г. было принято Постановление №1100 Совета Министров Правительства Российской Федерации «О мерах по реабилитации карачаевского народа и социально-экономической поддержке Карачаево-Черкесской Республики»¹⁵⁸.

В мае было подготовлено и передано Председателю Верховного Совета РФ Хасбулатову Р.М. и Председателю Совета Национальностей Абдулатипову Р.Г. письмо с просьбой обсудить на сессии Верховного Совета РФ вопрос о реабилитации карачаевского народа в связи с 50-летием его депортации (2 ноября 1943 г.). Урусов А.Г. был на личном приеме у Хасбулатова Р.И. и Абдулатипова Р.Г. и получил от них резолюцию на своем письме: «Подготовить материал «О реабилитации карачаевского народа» на 15 октября 1993 года»¹⁵⁹.

Однако в связи с обострением отношений между Президентом и Парламентом Российской Федерации, затем расстрелом Белого дома и разгоном Верховного Совета РФ в декабре 1993 года подготовленный материал так и не был рассмотрен. Процесс реабилитации народа вновь затянулся. «Джамагъату» и его активу пришлось приложить новые усилия, чтобы довести начатое дело до конца.

В результате этого 30 мая 1994 г. «В целях восстановления исторической справедливости, устранения

157 Личный архив Темирова С.С. // Отчет народного депутата РСФСР, председателя общ-ва «Джамагъат» Урусова А.Г. о своей депутатской деятельности. 1990-1994 гг. С.2.

158 Газета «Российская газета». 1993. 4 ноября.

159 Личный архив Темирова С.С. // Отчет народного депутата РСФСР, председателя общ-ва «Джамагъат» Урусова А.Г. о своей депутатской деятельности. 1990-1994 гг. С.3.

последствий незаконной депортации и допущении нарушений прав карачаевского народа...» был издан Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина «О мерах по реабилитации карачаевского народа и государственной поддержке его возрождения и развития», предусматривающий принятие комплекса мер по политическому, социально-экономическому и духовному возрождению карачаевского народа, восстановлению прав граждан, подвергшихся незаконному переселению и репрессиям¹⁶⁰. Указ Президента России был воспринят с большим воодушевлением и радостью среди карачаевского народа, сыграл важную роль в стабилизации этнополитической ситуации в Карачаево-Черкесии и в процессе становления республики. Этот документ вместе с Постановлением Совета Министров – Правительства РФ №1100 от 31.10.1993 г. и Законом РФ «О реабилитации репрессированных народов» законодательно завершил процесс полной политической, юридической, территориальной, культурной, морально-психологической реабилитации репрессированного карачаевского народа. Он завершил важный этап деятельности общественного движения «Джамагъат» по участию в реабилитации репрессированного карачаевского народа. Теперь предстояла настойчивая, каждодневная работа по обеспечению выполнения положений и конкретных пунктов Указа Президента России и Постановления Правительства страны по реабилитации карачаевского народа.

В ходе проведенных по многочисленным обращениям общества «Джамагъат» федеральными и местными органами прокуратуры и КГБ СССР расследований было доказано, что обвинения, на основании которых

¹⁶⁰ Газета «Российская газета», Москва, 1994 г., 1 июня.

карачаевский народ подвергся репрессиям и депортации в 1943 г. и последующему морально-психологическому геноциду в 1960-1990 гг., были сфабрикованы бериевскими органами НКВД и активно поддержаны и раздуты суловским пропагандистским партаппаратом¹⁶¹.

Как известно, главными обвинениями сталинского режима, послужившими формальным поводом для насильственной депортации карачаевского народа, были следующие лживые обвинения, сфабрикованные бериевским НКВД:

1) Поголовное сотрудничество карачаевцев с врагом в период временной оккупации Карачаевской автономной области немцами;

2) Якобы пленение карачаевцами 530 красноармейцев в Учкуланском ущелье до прихода немцев и расстрел их 5-8 августа 1942 года;

3) Формирование карачаевцами 65 политических банд, которые якобы скрывались в горах и воевали против войск Красной Армии;

4) Соучастие карачаевцев в убийстве больных детей и воспитателей из Армавирского детского дома в ауле Нижняя Теберда в августе 1942 года¹⁶².

В результате проведенных компетентными органами дополнительных расследований удалось установить следующее.

По официальным данным прокуратуры Карачаевской автономной области, на всей территории области было возбуждено 673 судебных дела за измену и сотрудничество с фашистами. Из них были переданы в суд 449 дел, прекращено 127, не расследовано 97¹⁶³.

161 Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. Сборник документов. – КЧИГИ, Черкесск, 1995. - С.49.С.50.С.51.С.59.С.60.

162 Там же -С.21.С.22.С.22, 23.

163 Госархивохранилище Комитета по делам архива КЧР. Ф.45, Оп.1, Д.122, Л.231.

По воспоминаниям бывшего заместителя прокурора области по особо важным делам Байрамукова Ю.М., из привлеченных к уголовной ответственности за измену и сотрудничество с фашистами карачаевцы составляли примерно половину¹⁶⁴. Аналогичную цифру приводит в своем ответе на запросы народного депутата СССР Хачирова И.А., народного депутата РСФСР, председателя «Джамагъата» Урусова А.Г. и народного депутата Карачаево-Черкесского облсовета, заместителя председателя «Джамагъата» Кубанова А.М. заместитель председателя КГБ СССР В.А. Пономарев¹⁶⁵.

Таким образом, к уголовной ответственности за измену Родине были привлечены в целом 250-270 карачаевцев, что составляет 0,3 процента от общего числа (88 тыс. человек) карачаевского населения¹⁶⁶. К тому же в 1990 г. полным ходом шел пересмотр уголовных дел, заведенных в годы репрессий, и некоторые из привлеченных к уголовной ответственности карачаевцев могли быть реабилитированы. На это обстоятельство указывал в своем письме и заместитель Председателя КГБ СССР В.А. Пономарев.

В ответе на запрос народного депутата СССР, члена Совета общества «Джамагъат» Хачирова И.А. заместитель Председателя КГБ СССР пишет: «По Вашей, а также А.Г. Урусова и Кубанова А.М. просьбе Комитетом государственной безопасности СССР проведена проверка достоверности обнародованных в 1977 и 1981 годах, а затем в 1982 году в книге «Именем ВЧК» сведений о масштабах предательства во время оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Карачаевской

164 Газета «Ленинни байрагъы». - 1989. - 13 августа.

165 Личный архив Хачирова И.А. от 21.06.1990, №Х-100.

166 Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. Сборник документов. - КЧИГИ, Черкесск, 1995. - С.22.

области»¹⁶⁷. Далее он сообщает ниже приведенные сведения и подчеркивает: «Следует также иметь в виду, что указанные цифры не являются окончательными, так как проводимая в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года работа по реабилитации необоснованно репрессированных граждан еще не завершена»¹⁶⁸.

В ходе дополнительных проверок, сообщает В.А. Пономарев, «Не нашел также подтверждения факт расстрела красноармейцев в ауле Учкулан»¹⁶⁹. По этому вопросу прокуратура Ставропольского края также сообщила: «Виновных лиц карачаевской национальности в расстреле красноармейцев 5-8 августа 1942 года в Учкуланском ущелье не установлено»¹⁷⁰.

«Центральный военный архив Министерства обороны СССР сведений о нападении бандитских групп на отступающие войска в районе Учкулан, Карт-Джурт, Хурзук, Микоян-Шахар, Каменномост, Эльбрус в период с 1-го по 6 августа 1942 года не имеет» (из ответа прокуратуры КЧАО Ставропольского края от 03.04.1990 г.)¹⁷¹.

«В ходе проведенного дополнительного расследования не нашли подтверждения данные об убийстве детей и воспитателей Армавирского детдома в районе аула Н.-

167 Личный архив Темирова С.С. // Письмо за подписью заместителя Председателя Комитета Государственной Безопасности Пономарева В.А. Х-100 от 21.06.1990 г.

168 Там же.

169 Там же.

170 Личный архив народного депутата СССР Хачирова И.А. // Ответ прокурора Ставропольского края Хомутинникова В.В. народному депутату Хачирову И.А.

171 Личный архив Хачирова И.А. // Ответ прокурора КЧАО Лушников Ю.М. председателю Оргкомитета по полной реабилитации карачаевского народа, народному депутату РСФСР Урусову А.Г. о непричастности карачаевцев к убийству детей в а. Нижняя Теберда, о ложности пленения карачаевцами 530 красноармейцев и о полной несостоятельности выдвинутых обвинений вообще от 3 апреля 1990 г.

Теберда»¹⁷², – пишет в своем ответе заместитель Председателя КГБ СССР. «...Убийство детей детского дома не подтвердилось»¹⁷³, – отмечается в ответе прокуратуры Ставропольского края от 09.01.1990 г.

Тем не менее здесь, на туристической автотрассе, возле аула Н.Теберда, на месте мнимого расстрела детей в мае 1979 года по решению партийных органов района и области был установлен лжепамятник с такой табличкой: «Здесь в августе 1942 г. бандитами и предателями Родины зверски уничтожены 150 детей и воспитатели детского дома г. Евпатории». Позже эту табличку по требованию общественности сменили на другую, более «смягченную» надпись: «Здесь в августе 1942 г. немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками зверски уничтожены дети и воспитатели детского дома г. Евпатории».

Проезжающим здесь туристам экскурсоводы рассказывали «о чудовищном злодеянии немецких фашистов и их местных пособников, расстрелявших безвинных детей». Сюда же привозили учащихся из окрестных школ для их «патриотического воспитания» и возложения цветов к памятнику, установленному на пустом месте. Этому лжепамятнику и выдуманному расстрелу детей «бандитами и предателями Родины» возле аула Нижняя Теберда были посвящены газетные статьи, в том числе в газете «Правда», на основе вымысла оскорблявшие и унижавшие честь и достоинство карачаевского народа. И только 20 сентября 1990 году, по требованию обще-

---

172 Личный архив Темирова С.С. // Письмо за подписью заместителя Председателя Комитета Государственной Безопасности Пономарева В.А. Х-100 от 21.06.1990 г.

173 Личный архив народного депутата СССР Хачирова И.А. // Ответ прокурора Ставропольского края Хомутинникова В.В. народному депутату Хачирову И.А.

ства «Джамагъат» и санкции органов прокуратуры этот «лжепамятник» был демонтирован¹⁷⁴.

Относительно политического бандитизма в Карачаевской автономной области в годы войны, долгие годы инкриминировавшегося карачаевцам, в документе КГБ СССР сообщается, что «Установить количество действовавших банд не представлялось возможным»¹⁷⁵. Это был ответ на требование «Джамагъата» уточнить количество банд, действовавших в области, если таковые действительно, и назвать конкретно фамилии их руководителей и членов, чтобы установить правду. В официальном ответе заместителя прокурора РСФСР также отмечается, что на территории Карачаевской автономной области «действовали единичные банды количеством пять-шесть человек»¹⁷⁶. Был демонтирован также памятник в ауле Карт-Джурт, установленный на месте вымышленного пленения и расстрела карачаевцами отступавших красноармейцев. Вымышленным оказалось не только цинично муссировавшееся десятилетиями пленение и расстрел красноармейцев, но и само их нахождение в этот период в Учкуланском ущелье.

Так официально были опровергнуты компетентными органами страны все основные ложные обвинения против карачаевцев, муссировавшиеся с 1943 по 1990 годы.

Доброе имя карачаевского народа стараниями общества «Джамагъат» было восстановлено.

24 февраля 1994 г. Президент Российской Федерации

¹⁷⁴Личный архив Темирова С.С. // Резолюция митинга, посвященного восстановлению правды о трагическом случае, происшедшем в августе 1942 г. у а.Нижняя Теберда 20.09.1990 г.

¹⁷⁵Личный архив Темирова С.С. // Письмо за подписью заместителя Председателя Комитета Государственной Безопасности Пономарева В.А. X-100 от 21.06.1990 г.

¹⁷⁶Газета «Ленинское знамя».1989, 15 декабря.

Б.Н. Ельцин принес извинения всем гражданам России и их семьям, пострадавшим от депортаций. В нем, в частности, говорится: «...Время бежит неумолимо, и уже 50 лет отделяют нас от одного из самых чудовищных преступлений сталинского режима – репрессий по отношению к целым народам. Депортации вошли позорными страницами в историю нашей страны.

От имени Российской Федерации, продолжателя бывшего Советского Союза, будучи главой государства, приношу извинения всем гражданам России и их семьям, пострадавшим от депортаций.

Наш гражданский долг – устранить последствия тех страшных событий»¹⁷⁷.

Выполняя свою ещё одну важную программную задачу, общество «Джамагъат» инициировало кропотливую исследовательскую работу в государственных архивах страны, Центральном военном архиве Министерства обороны РФ, в архиве партизанского движения Белоруссии и других. Стояла задача поиска и сбора документов о воинах-карачаевцах, представленных в годы Великой Отечественной войны к званию «Герой Советского Союза» за проявленные героизм и мужество, но не получивших это звание из-за принадлежности к «опальному» народу. Таких Героев оказалось 24 человека на малочисленный карачаевский народ. Ещё два воина - карачаевца, Осман Касаев и Харун Богатырёв, уже имели к тому времени высокое звание Героя Советского Союза.

«Джамагъату» пришлось преодолеть много объективных и субъективных препятствий, чтобы добиться исторической справедливости в отношении этих мужественных сынов Карачая.

---

¹⁷⁷ Газета «Российская газета», Москва, 1994 г., 25 февраля, №38 (898).

Вот что пишет по этому поводу лидер «Джамагъата» Урусов А.Г.: «Здесь необходимо отметить, что ни у одного другого репрессированного народа такой пункт (о рассмотрении наградных документов воинов, представленных в годы Великой Отечественной войны к присвоению звания «Герой Советского Союза» и не получивших это звание по национальному признаку. – *Авт.*) не указывался в их проектах Постановлений (Постановлений Верховного Совета РФ, Правительства РФ, о реабилитации того или иного репрессированного народа. – *Авт.*). В то же время мы получали советы убрать этот пункт в силу давности. И только наша убежденность в том, что для восстановления справедливости прошедшее время не помеха, а также наша постоянная настойчивость о включении этого пункта в правительственное постановление... определили исход – оправдались наши надежды. Справедливость восторжествовала: награды дошли до Героев»¹⁷⁸.

Указами №910 Президента РФ Б.Н. Ельцина от 7 сентября 1995 года и №1018 от 5 октября 1995 года девяти воинам-карачаевцам было присвоено звание «Герой России», из них четыре посмертно. Остальным 15 воинам это высокое звание не было присвоено, хотя все необходимые документы были подготовлены, согласованы и находились у руководства страны. Но зависть и субъективизм некоторых чиновников не дали довести это справедливое дело до конца.

«По нашему глубокому убеждению, ещё немало таких же достойных этого высокого звания Героя людей не только в среде карачаевского, но и других народов, про-

¹⁷⁸ Личный архив Темирова С.С. // Письмо председателя общества «Джамагъат» Урусова А.Г. редактору газеты «День республики» от 06.05.1996 г.

живающих в КЧР, – писал председатель Совета общества «Джамагъат» Урусов А.Г., обращаясь к Президенту РФ Б.Н. Ельцину. – Их дела незаслуженно пылятся на архивных полках или из-за каких-то завистливых оговоров и наговоров, кочуют из одного кабинета в другой, откладываются на неопределенные времена. Я обращаюсь к правительству КЧР, Народному собранию КЧР, главе республики и к Президенту РФ: давайте же станем выше всякой зависти и дадим возможность руководству страны до конца разобраться в этом вопросе. И если сегодня по каким-то субъективным причинам остановимся на полпути, то завтра будут допускаться серьезные ошибки с тяжелыми последствиями»¹⁷⁹. К сожалению, эти слова оказались пророческими. Тогда 15 воинам-карачаевцам так и не было присвоено звание Героя, причем без всякого на то основания. В 1996-2000 гг. Карачаево-Черкесия пережила целую череду этнополитических потрясений, находилась на грани масштабной кровопролитной войны и было не до наград. Но акт несправедливости по отношению к павшим Героям репрессированного народа и сегодня будируется при каждом удобном случае и болью отдается в сердцах людей.

Учитывая важность восстановления исторической справедливости, отдавая дань уважения памяти жертв геноцида карачаевского народа и поддерживая инициативу общества «Джамагъат», Президиум Верховного Совета Карачаево-Черкесской Республики 25 февраля 1993 года принял постановление №12, которое гласило:

1. В связи с 50-летием депортации карачаевского народа объявить 31 октября 1993 года республиканским Днём Памяти.

¹⁷⁹ Личный архив Темирова С.С. // Письмо председателя общества «Джамагъат» Урусова А.Г. редактору газеты «День республики» от 06.05.1996 г.

В последующие годы Днём Памяти считать последнее воскресенье октября»¹⁸⁰. В постановлении было дано поручение Совету Министров КЧР, республиканской комиссии по реабилитации карачаевского народа, постоянной комиссии Верховного Совета КЧР по развитию национальных и межнациональных отношений в срок до 15 марта 1993 года разработать и представить на утверждение Президиума Верховного Совета план организационных мероприятий по подготовке и проведению Дня памяти 31 октября 1993 года.

27 апреля 1997 года вышел Указ главы Карачаево-Черкесской Республики «О Дне возрождения карачаевского народа». По Обращению Правления Республиканского общества «Джамагъат» от 12 марта 1998 года, после тщательного обсуждения этого вопроса с общественностью и правительством республики, глава Карачаево-Черкесской Республики Хубиев В.И. своим Указом от 22 октября 1998 года Днём возрождения карачаевского народа установил 3 мая¹⁸¹ (3 мая 1957 года первый эшелон с возвращающимися из ссылки карачаевцами прибыл на родину – Кавказ. – *Авт.*). С этого времени День возрождения карачаевского народа ежегодно отмечается на государственном уровне 3 мая.

3 мая 2005 года в г. Карачаевске, после затянувшегося строительства, был тожественно открыт мемориал жертвам политических репрессий и депортации карачаевцев в Среднюю Азию и Казахстан в 1943-1957 гг. (авторы проекта – Солтан Айбазов, художник Казбек Французов).

180 Личный архив Темирова С.С. // Постановление Президиума Верховного Совета Карачаево-Черкесской Республики №12 от 25.02.1993 г. «О проведении Дня Памяти в связи с 50-летием депортации карачаевского народа».

181 Личный архив Темирова С.С. // Выступление почетного председателя Совета общества «Джамагъат» Урусова А.Г. на республиканском собрании (митинге), посвященном Дню возрождения карачаевского народа 03.05.2001 г., г.Черкесск.

6 мая 2006 года, в канун дня Великой Победы, в парке Победы г. Черкесска состоялось торжественное открытие Аллеи Героев. На ней были установлены бюсты 27 Героев Советского Союза и Героев России – славных сынов Карачаево-Черкесии, среди них 11 Героев-карачаевцев.

Одной из важнейших реабилитационных задач «Джамагъата» была культурная реабилитация народа, в частности восполнение отставания в развитии общего среднего и высшего образования, допущенного в годы ссылки карачаевцев. По данным «Джамагъата», на 10000 человек населения в тот период приходилось студентов: в Карачаево-Черкесии – 99 человек, Дагестане – 144 человека, Северной Осетии-Алании – 287 человек и т.д. Серьезное отставание допускалось по количеству кандидатов и докторов наук, специалистов ряда профессий. Исходя из этого и практической необходимости, «джамагъатовцы» неоднократно обращались в Министерство высшего образования и Правительство России с просьбой преобразовать Карачаево-Черкесский государственный педагогический институт в г. Карачаевске в государственный университет, а Карачаево-Черкесский технологический институт в г. Черкесске в государственный технологический университет¹⁸². Вокруг этого гуманитарного вопроса, не ущемляющего интересы ни одного народа, тем не менее, некоторые общественные национальные движения региона развернули политическую возню и затянули его решение.

Общество «Джамагъат» вновь обращалось с обоснованными письмами и расчётами по этому вопросу к Президенту РФ Ельцину Борису Николаевичу, в Мини-

¹⁸² Личный архив Темирова С.С. // Письмо председателя общества «Джамагъат» Урусова А.Г. редактору газеты «День республики» от 06.05.1996 г.

стерство высшего образования РФ и другие инстанции и добилось выполнения поставленной задачи. Приказом Министерства образования РФ №244 от 5 июля 1994 года педагогический институт в г. Карачаевске преобразован в государственный университет, а технологический институт в г. Черкесске переименован в 2003 году в Карачаево-Черкесскую государственную технологическую академию, а затем в Северо-Кавказскую государственную гуманитарно-технологическую академию. В обоих вузах созданы и действуют научные Советы по защите кандидатских диссертаций. Проведена большая работа по укреплению материально-технической базы этих вузов и общеобразовательных школ Карачаево-Черкесии.

Благодаря настойчивости общества «Джамагъат» и руководства Карачаево-Черкесии в 1994-1995 гг., несмотря на переживаемые общественно-политические и социально-экономические трудности, Министерством финансов Российской Федерации было выплачено единовременное пособие по 500 рублей 36373 реабилитированным гражданам¹⁸³.

В 1996-1998 годы были произведены выплаты имущественной компенсации репрессированным карачаевцам¹⁸⁴.

Все эти выплаты лишь частично компенсировали те огромные материальные потери, которые понесли карачаевцы в результате их насильственной депортации в 1943 году. Тем не менее трудолюбивый народ с пониманием отнесся к трудностям, переживаемым страной, и в большинстве своем удовлетворился этой несоразмерной компенсацией своих потерь. К тому же людям было обещано, что компенсация будет продолжена позже.

¹⁸³ Личный архив Темирова С.С. // Доклад Урусова А.Г. на конференц. общ-ва «Джамагъат» апрель 1998 г.

¹⁸⁴ Там же.

Всего из 23 пунктов правительственных постановлений по реабилитации карачаевского народа, предусматривающих строительство за счёт бюджета школ, детских садов, Домов культуры, узлов связи, дорог, фабрик, заводов, высоковольтных линий электропередач, газификации населённых пунктов, преобразования двух институтов республики в университеты, присвоения звания представленным к званию Героя Советского Союза в годы войны и т.д., федеральными властями было выполнено только пять пунктов. Это были пункты постановления, не предусматривающие расходов их федерального бюджета¹⁸⁵.

Тем не менее все основные теоретические и практические задачи, поставленные перед национальным общественным движением «Джамагъат», были выполнены.

В этих целях общество «Джамагъат» и его руководство проводило самую разнообразную работу. Только в течение двух лет (1990-1991 гг.) было подготовлено и направлено в Москву одиннадцать делегаций в среднем по 10-11 человек. Они неоднократно встречались и беседовали с ответственными работниками ЦК КПСС, Совета Министров СССР и РСФСР, Верховного Совета СССР и РСФСР, Генеральной прокуратуры, Министерства обороны страны, КГБ СССР-ФСБ РФ. Главными редакторами центральных газет «Правда», «Известия», «Социалистическая индустрия» и других. Состоялись неоднократные и плодотворные встречи с известными учёными, политиками, деятелями культуры, народными депутатами СССР и РСФСР – Андреем Сахаровым, Рафиком Нишановым, Виктором Воротниковым, Вла-

¹⁸⁵ Личный архив Темирова С.С. // Доклад Урусова А.Г. на конференц. общ-ва «Джамагъат» апрель 1998 г.

димиром Власовым, Анатолием Собчаком, Чингизом Айтматовым, Олжасом Сулеймановым, Гавриилом Поповым и другими. Эти известные люди оказывали всяческую помощь и поддержку карачаевским делегациям в выполнении возложенных на них реабилитационных задач. Большую помощь делегациям «Джамагъата», особенно в организации встреч с работниками КГБ СССР, Генеральной прокуратуры СССР, Министерства обороны страны и его архива, оказывали народные депутаты СССР Кулиев Султан и Хачиров Исмаил, народный депутат РСФСР Хубиев Владимир¹⁸⁶.

Подводя итоги вышеизложенного, можно сформулировать ряд выводов и обобщений.

Общество «Джамагъат» – первое в Карачаево-Черкесии и на Северном Кавказе национальное общественное объединение, инициированное «снизу» рядовыми гражданами, ветеранами Великой Отечественной войны А.Г. Урусовым и А.М. Кубановым и поддержанное карачаевским народом, – было создано 10 октября 1988 года для защиты гражданских прав и достижения полной политической, юридической, морально-психологической реабилитации незаконно репрессированного в 1943 г. карачаевского народа.

Общественное движение «Джамагъат» внесло неоценимый вклад в подъём национального самосознания, этнополитическую активизацию, консолидацию и сплочение карачаевского народа, восстановление исторической справедливости в отношении своего незаконно репрессированного и дискриминируемого народа и его полную реабилитацию, возрождение самобытности

¹⁸⁶ Личный архив Темирова С.С. // Справка «Общество «Джамагъат» – орган защиты прав и свободы карачаевского народа» за подписью Председателя общества «Джамагъат» Урусова А.Г. от 17.12.95 г.

и культуры карачаевцев, укрепление мира и дружбы между народами, сохранение единства и целостности Карачаево-Черкесии в составе Российской Федерации, демократизацию общественной жизни и зарождение гражданского общества в регионе.

Общество «Джамагъат» выполнило возложенную на него историческую миссию, добилось полной политической, юридической, территориальной, культурной, морально-психологической реабилитации репрессированного карачаевского народа. Оно закреплено в федеральных государственных, правительственных и республиканских (КЧР) документах.

Общество «Джамагъат», являясь первым, самым мощным, влиятельным и интеллектуально обеспеченным национальным общественным объединением на Северном Кавказе, стало инициатором и лидером борьбы национальных движений репрессированных народов СССР и РСФСР за их реабилитацию.

Опыт создания и многоплановая деятельность общества «Джамагъат» по участию в политической жизни и реабилитации репрессированного карачаевского народа имеет в современных условиях большое научно-теоретическое и прикладное значение, и прежде всего для оптимизации деятельности органов государственной власти и общественных объединений, выстраивания выверенной национальной политики в многонациональном двусоставном регионе, становления и развития гражданского общества в Карачаево-Черкесии.

Многогранная созидательная деятельность общества «Джамагъат» и её практические результаты способствовали созданию основ современной Карачаево-Черкесской Республики в составе Российской Федерации. Они и

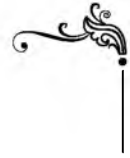

сегодня, силой своего примера и общественно-политического прецедента, оказывают определяющее воздействие на практику государственного регулирования деятельности общественных объединений и их взаимодействия с органами государственной власти, межэтнического диалога и национальных отношений в регионе, способы и методы управления этими сложными процессами.

***Мемориал жертвам политических репрессий
и депортации карачаевцев в Среднюю Азию и
Казахстан в 1943-1957 годах г. Карачаевск,
открыт в 2005 году
(авторы проекта – архитектор Солтан
Айбазов и художник Казбек Французов).***

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие	4
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	11
Голос детства	12
Милovidная разлучница	31
Дедушка Абай.....	42
Каракурт	46
Прощание с Абаем	48
Домбра.....	57
Помощник табунщика	61
Новый год	72
Тюрьма	77
Кёкпар	84
Булан.....	90
Свадьба друга.....	98
Родина	106
Красногорка	111
Моторист-рационализатор	118
Волга	121
Ружьё.....	123
Наковальня.....	127
ВТОРАЯ ЧАСТЬ	131
Долгий путь возвращения на Родину.....	132
Вклад общества «Джамагъат» в защиту гражданских прав и реабилитацию репрессированного карачаевского народа	142

АВТОР
ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННЮЮ
БЛАГОДАРНОСТЬ И
ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Султану Саидовичу Темирову, кандидату культурологии, заслуженному работнику государственной службы Карачаево-Черкесской Республики, лауреату премии главы Карачаево-Черкесской Республики в области литературы и искусства за 2014 год, – за научное и литературное консультирование автора и редактирование книги «Къадар» /Судьба/.

Катчиеву Ибрагиму хаджи, заместителю муфтия Карачаево-Черкесской Республики, имаму мечети с. Дружба, – за духовную поддержку автора книги.

Хубиеву Магомеду Юнусовичу, ветерану труда, – за консультирование автора при создании серии художественно, документальных рассказов «Голос детства».

Своему другу Мурату Темрезову за спонсорскую поддержку издания книги.

ИСЛАМ ХУБИЕВ

КЪАДАР
СУДЪБА

(книга художественно-документальных рассказов
и научных статей)

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Формат 60x84 см 1/16.

Усл. печ. лист 7,25. Тираж 1000 экз.

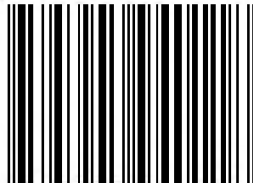
Гарнитура Minion Pro

Подписано в печать 16.12.2015 г.

Книга подготовлена к печати
Издательским агентством «ГлавПечать»

Отпечатано ИП Боровик С.В.
г. Пятигорск, ул. Орджоникидзе 11, корп. 1
www.glavp.ru

ISBN 978-5-905940-11-8

9 785905 940118